

Л188/256

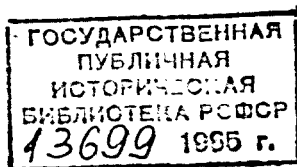
А.М. БАЙЧОРОВ

**НЕКОЛОНИАЛИЗМ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕРРОРИЗМ**

Минск
Издательство «Университетское»
1985

Рецензенты:

В. А. Кременюк, доктор исторических наук,
В. Н. Кулюшин, кандидат исторических наук.

Б 0804000000—003 15—85
М317—85

© Издательство «Университетское», 1985

ВВЕДЕНИЕ

Если бы кто-то вздумал предсказать, что в странах капитала террористы за короткий срок захватят более 50 посольств и консульств, оккупируют штаб-квартиру ОПЕК* в Вене и возьмут заложниками министров нефти 11 стран, похитят сотни дипломатов, соберут сотни миллионов долларов в виде выкупа, похитят и убьют Альдо Моро, убьют лорда Маунтбэттена и президента Садата, устроят покушения на президента Франции, командующего НАТО и даже папу римского, то подобные предсказания сочли бы плодом воображения романиста. Между тем именно это мир пережил за последнее десятилетие.

Поднявшаяся волна международного террора продолжает нарастать. Только за первые три месяца 1983 г. число насильственных акций достигло 624. В целом же за период с 1970 по 1982 г., по данным профессора Джорджаунского университета (г. Вашингтон) И. Александра, в мире произошло 15 782 акта террора (внутреннего и международного), в результате которых 20 995 человек погибли, 15 829 ранены и нанесен материальный ущерб почти в 100 млн. долларов.

Особой опасности подвергаются дипломаты, видные общественные и политические деятели, люди прогрессивных убеждений. Например, в 1980 и 1981 гг. число покушений на представителей посольств и миссий увеличилось на 60% по сравнению с двумя предшествующими годами¹. Главенствующее место занимают преступления, совершаемые по политическим мотивам, жертвами которых стал за 1968—1980 гг. 721 человек. Убиты 13 глав государств. Это число было бы значительно большим, если бы не строгие меры безопасности, введенные почти во всех странах в последние годы (было

* Организация стран — экспортеров нефти.

осуществлено 118 попыток ликвидировать национальных лидеров)². «...Акты террористического насилия,— пришли к выводу сотрудники центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета,— парализовали западные правительства и подорвали доверие к ним»³. Как считает директор программы по вопросам безопасности и субнациональных конфликтов «РЭНД корпорейшн» Брайан М. Дженкинс, «терроризм будет скорее всего долговременной, возможно, хронической проблемой»⁴.

Правящие круги империалистических держав начали осуществлять целый ряд мероприятий по «защите от терроризма». В этом плане широко известность получили высказывания и шаги президента США Р. Рейгана. Разрабатываются и применяются специальные антитеррористические программы во Франции, Англии, ФРГ и в других капиталистических странах. Однако постепенно все более очевидными становятся странные и нелепые предлоги, под которыми на Западе проводится антитеррористическая кампания. Зачастую виновниками различных бесчеловечных акций объявляются «партизанская война», «революционное движение» и «инспируемый коммунистами терроризм».

Государственный секретарь США А. Хейг публично заявил 28 января 1981 г., что в качестве основного критерия внешнеполитического курса администрации Рейгана «международный терроризм займет место прав человека». Последующие события показали, что новая кампания не столько заменила, сколько развила и дополнила предыдущую. Причем, как и в случае с «правами человека», «международный терроризм» был интерпретирован с сугубо неоколониалистских позиций. «Выражение „национальное освобождение“,— говорил А. Хейг, выступая 13 сентября 1981 г. в Западном Берлине,— использовалось для того, чтобы оправдать международный терроризм и насилие»⁵. Главных инициаторов и покровителей международного терроризма вашингтонские власти увидели в лице Кубы, Эфиопии, Ливии и, конечно, СССР, других социалистических стран. «Нынешняя администрация,— отмечал американский политический еженедельник „Ньюсунк“,— убеждена, что ее принципиальным противником в Са-

львадоре является Советский Союз, действующий через своих кубинских и никарагуанских помощников; что Сальвадор является лишь сегодняшним полем боя; а его конечные цели включают всю Центральную Америку, Панамский канал, мексиканские нефтяные месторождения и морские пути в Карибском бассейне»⁶.

Позиция рейгановской администрации в данном случае отражает точку зрения наиболее реакционных кругов монополистического капитала США. Выступая на XX сессии Совета Америк, объединяющего 200 крупнейших корпораций США, действующих в латиноамериканских странах, и Ассоциации американских торговых палат в Латинской Америке (ААТПЛА), вице-президент ААТПЛА Брус Катбертсон, называя сандинистское правительство Никарагуа не иначе как «марксистско-ленинскими террористами», доказывал, что будущее всей Центральной Америки зависит от «нейтрализации и уничтожения террористов» и от «устранения сандинистов из Никарагуа»⁷. Тэд Стэйнер, президент корпорации, оперирующей в Гондурасе, убеждал братьев по классу: «Поверьте мне, если терроризм начнется в Гондурасе, он будет занесен извне»⁸.

При этом и Катбертсон и Стэйнер, как и все прочие представители монополистического капитала, закрывают глаза на то, что не только в Гондурасе, но и в Сальвадоре, Уругвае, Парагвае, Чили, в других странах, где установлены режимы профашистского толка, уже давно стали нормой насилие и произвол. Более того, это выдается апологетами империализма чуть ли не за «расцвет демократии». А все то, что противостоит этой «демократии», объявляется «международным терроризмом». И под предлогом борьбы с ним правящие круги США и других развитых капиталистических стран в начале 80-х гг. организовали мощное наступление на силы социализма, демократии, национального освобождения и социального прогресса. «Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии,— они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути

прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»⁹.

В этой кампании острее атак направляется не на бессмысленный террор неофашистов, ультралевых группировок или массовые репрессии реакционных диктатур, а против движений, партий и организаций, борющихся за национальное освобождение народов и социальную справедливость. Одной линии с политиками и идеологами империализма придерживаются и диктаторы отдельных развивающихся стран. Так, представитель чилийской полиции заявил в июне 1983 г., что лидер горняков Родольфо Сигель был арестован как «инспириатор городского терроризма».

Разоблачая неоколониалистские устремления правящих кругов империалистических государств, их экспансионистскую политику в освободившихся странах, автор не стремился охватить весь круг возникающих в связи с этим проблем и вопросов. В данной работе сознательно не рассматривается деятельность ультралевых и неофашистских группировок, получившая уже определенное освещение в научной литературе¹⁰.

Свои задачи автор видел в том, чтобы показать значение кампании борьбы с «международным терроризмом» в стратегии современного неоколониализма; вскрыть основные причины и источники усиления подрывной деятельности империализма на международной арене; рассмотреть некоторые методы, используемые им в борьбе с национально-освободительным движением.

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ С «МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ» В СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

На третьем этапе общего кризиса капитализма произошел крах колониальной системы империализма. Но бывшим колониям и полуколониям, добившимся политической независимости, не была предоставлена полная самостоятельность. Ведущие капиталистические страны постарались связать их путями новой, неоколониальной зависимости. Постепенно сформировалась современная сложная и многогранная система отношений капиталистических и развивающихся стран, в которой весьма нелегко проследить какую-либо связь от начала до конца, тем более определить ее причины, место и роль в общей структуре.

В теории научного коммунизма, исследующей социально-политические закономерности развития общества, как и во всех других социальных науках, узловыми, главными являются категории исторического материализма. Вместе с тем каждая наука, изучающая общество, разрабатывает систему собственных, более частных категорий и, наконец, каждый исследователь, ставящий перед собой решение конкретной проблемы, вправе формулировать некоторые рабочие понятия и определения, облегчающие достижение поставленной цели. Здесь важно учитывать два непереносимых условия. Первое: чтобы эти понятия правильно отражали состояние предмета исследования. Второе: чтобы они не противоречили основным законам и категориям материалистического понимания истории. Естественно, что первое невозможно без второго.

Для отражения специфики связей в системе «развитые капиталистические — развивающиеся страны» предлагается использовать понятие «неоколониалистское отношение». Оно, во-первых, позволяет эффективно выделить конкретные связи из всего объема международных отношений, во-вторых,

подчеркнуть их качественное своеобразие в сравнении со взаимоотношениями социалистических и освободившихся стран, а также по сравнению со взаимоотношениями первых, последних и развитых капиталистических стран между собой.

В «неоколониальском отношении» выделяется субъект и объект. Субъект представлен империалистическими государствами, транснациональными корпорациями и межнациональной финансовой олигархией, а объект — бывшими колониями и полуколониями, которые стали политически суверенными государствами.

Если империалистические страны за долгие годы колониальной и неоколониальной политики зримо выявили свою эксплуататорскую классовую сущность, то транснациональные корпорации (ТНК) относительно недавно активно включились в структуру неоколониалистских отношений и подчас не прочь предстать в облике «нейтральной силы», «проводников развития», «прогресса» и т. п.

Достаточно полное освоение рынков сбыта индустриально развитых стран, значительный рост международного рабочего движения, повышение его боевитости заставляют ТНК несколько переориентировать систему собственных приоритетов. До 70-х гг. монополисты рассматривали освободившиеся страны преимущественно как источники сырья. И хотя этот подход продолжает permanently сохраняться, однако наряду с ним в возрастающей степени уже получает распространение и обоснованное взгляд на развивающиеся государства как на рынки сбыта и источники относительно дешевой рабочей силы.

Монополистический капитал в отличие от монополистического устраняет не всякая прибыль, а лишь монополия, максимально высокая в данной отрасли или сфере деятельности. Поэтому буржуазия и ее слуги в различных областях социальной активности стремятся создавать и поддерживать такой политический климат, который бы в наибольшей степени способствовал бесперебойному поступлению наивысших прибылей. А это, как показывает опыт, возможно лишь в условиях социально-политической стабильности, и если такую стабильность обеспечивает военная диктатура, то

ТНК, империалистические государства оказываются в числе лучших друзей и помощников самых кровавых режимов.

Спекулируя на заинтересованности крупного капитала в классовом мире и стабильности социально-политической ситуации, буржуазные идеологи пытаются доказать, что ТНК превращаются в важнейший фактор сохранения международного мира. «Если многонациональные корпорации продолжат расширение своей деятельности, — утверждает, например, Л. Браун, — как это предполагается, то они внесут важный вклад в продолжение дела экономической интеграции и косвенно снизят возможность конфликта между странами, вступающими в более полную интеграцию»¹. Данный вывод представляется апологетическим и крайне односторонним. ТНК действительно заинтересованы в социально-классовом мире и спокойствии в районах своего «обитания», но одновременно они стремятся расширить рынки сбыта, заполучить новые источники сырья, рабочей силы, ослабить своих конкурентов. Чтобы достигнуть этих целей, ТНК зачастую поддерживают самые бесчеловечные режимы, а также используют все свое политическое влияние, все имеющиеся в их распоряжении огромные финансовые и другие возможности (вплоть до создания собственных армий) для дестабилизации политических режимов, ограничивающих их аппетиты.

Именно с переходом к монополистическому капитализму, указывал В. И. Ленин, конкурентная борьба за сферы экономического и политического влияния становится особенно беспощадной. Рассматривая бытовавшее в начале XX в. «мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме», он подчеркивал, что «это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма»².

Крах антинародных диктатур на Кубе, в Эфиопии, в Никарагуа и других странах доказывает, что самые простые методы обеспечения желанной стабильности далеко не всегда оказываются самыми действенными. Развитие и изменение обстановки

заставляет неоколониалистов зачастую пересматривать свою тактику в вопросе о возможных и желательных политических режимах в освободившихся странах. Все чаще акцент начинает переноситься с обеспечения сиюминутных прибылей на программы развития, которые были бы в состоянии обеспечить их бесперебойное поступление в относительно длительной исторической перспективе.

Некоторые банки, корпорации отказывают в поддержке наиболее одиозным, скомпрометированным в глазах общественности фигурам и режимам, стараются создать о себе представление как о «друзьях народа». Ради достижения стратегических целей они порой готовы пойти на определенные издержки, осуществляя вложения в подготовку рабочей силы из местного населения, в улучшение инфраструктуры, в обеспечение некоторых социальных льгот (детские сады, пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и т. п.).

Оценивая данный аспект их деятельности, не следует забывать главного, а именно, что социальная активность монополистического капитала объясняется не филантропическими соображениями, не любовью к ранее угнетенным людям-братьям, а интересами бесперебойного выкачивания из страны монопольных прибылей. Если обнаружится более дешевый рынок рабочей силы, или возникнет неудовлетворение политическим курсом существующего в стране правительства, или выявится более выгодная сфера приложения капитала, то ТНК, как показывает практика, способны в кратчайший срок свернуть свою деятельность, оставив на произвол судьбы сотни безработных, недоученных людей, недостроенные объекты.

Процесс концентрации и централизации капитала в международном масштабе привел к формированию могущественных финансовых групп, контролирующих крупнейшие банки, основные потоки финансов в несоциалистическом мире. Эта международная финансовая олигархия все более активно и целеустремленно включается в эксплуатацию молодых государств, становится составной частью субъекта неоколониалистских отношений.

Международные финансовые группы, транснациональные корпорации сегодня дополняют и уси-

ливают неоколониалистскую активность империалистических государств. Складывается определенное разделение труда, когда ТНК делают упор преимущественно на методы экономического неоколониализма, капиталистические государства больше внимания начинают уделять социально-политическому и культурно-информативному аспектам неоколониалистской деятельности, а международная финансовая олигархия следит за их координацией и общей направленностью.

Низкий уровень развития многих освободившихся стран и сопутствующая этому чаще всего трудная социально-экономическая и политическая ситуация делают их более податливым, легче манипулируемым объектом неоколониалистского отношения. Значительные материальные ресурсы империалистических держав, ТНК, международной финансовой олигархии позволяют им активно вторгаться в жизнь молодых государств, противостоят влиянию на них реального социализма.

Исходя из сформулированных в советской научной литературе определений неоколониализма³, последний можно охарактеризовать как противостоящую национально-освободительному движению и влиянию социализма деятельность империалистических держав, международной финансовой олигархии и транснациональных корпораций с целью включения и удержания освободившихся государств в мировой системе капитализма.

Встречающиеся иногда определения неоколониализма как системы неравноправных отношений между империалистическими и развивающимися государствами хотя в целом верно определяют сложившуюся международную ситуацию, но страдают существенным недостатком теоретико-познавательного свойства. Ограничившись только констатацией наличия системы неравноправных отношений, мы выделяем в определении только статический элемент, прерывность процесса, и упускаем динамический элемент, непрерывность. Подобное упущение может вести и к упрощенному толкованию сути вопроса. Получается, например, что, установив новый справедливый мировой экономический (политический, информационный, гуманитарный и пр.) порядок, мы тем самым ликвидируем неоколонна-

лизм. Хотя это отнюдь не так. Неоколониализм есть естественное порождение монополистического капитализма и может быть уничтожен лишь с уничтожением последнего. Борьба против системы неоколониалистских отношений, за равноправные международные отношения способствует ослаблению, подрыву империализма, т. е. сама по себе прогрессивна (и ее справедливо поддерживают все силы социализма и демократии в мире), но не направлена непосредственно на его уничтожение.

В данном случае для определения различий между системой неоколониалистских отношений и неоколониализмом как политикой империализма нам представляется методологически правильно использовать аналогию между борьбой за демократию и борьбой за социализм, данную В. И. Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Борьба за демократию направлена против монополистического капитализма как носителя реакционных тенденций, она подрывает его позиции, сплачивает единый фронт его противников, позволяет завоевать ряд важных уступок, но сама по себе социализма не дает. Для устранения классового господства буржуазии необходим «социалистический переворот» с соответствующей перегруппировкой классовых сил, корректировкой целей и т. п. Так и борьба против неоколониалистских отношений за новый (справедливый) мировой экономический (и прочий) порядок еще не ведет к ликвидации неоколониализма, она лишь подрывает его позиции на международной арене, формирует системы межгосударственных союзов развивающихся и поддерживающих их социалистических стран, позволяет вырвать определенные уступки, используемые затем последовательно в качестве плацдармов для дальнейшего наступления на позиции неоколониализма.

С теоретико-познавательной точки зрения борьба против системы неоколониалистских отношений для вождей и участников национально-освободительного движения, лидеров развивающихся государств делает все более понятным (по мере устранения тех или иных несправедливых и неравноправных отношений в различных сферах жизни) то, что главная причина их угнетенного и эксплуа-

тируемого положения не только и не столько сохранение «пережитков» колониализма или влияние каких-то неравноправных договоров и различий, а проводимая империализмом политика неоколониализма, нацеленная на сохранение и постоянное возобновление системы международных взаимоотношений, позволяющих удерживать освободившиеся государства в качестве объекта капиталистической эксплуатации.

Иными словами, стратегия неоколониализма нацелена на решение как бы двуединой задачи. С одной стороны, на то, чтобы способствовать становлению в освободившихся странах капиталистических социальных структур, а с другой — на то, чтобы удерживать эти страны в экономической, политической, духовной зависимости от центров мирового капитализма.

В соответствии с конкретной сферой деятельности можно выделить экономический, политический и духовный неоколониализм. Первый из них направлен прежде всего на то, чтобы завершить формирование капиталистического способа производства в освободившихся странах, сохранить и разнообразить формы их экономической зависимости от империалистических государств и ТНК. Целью второго является навязывание молодым суверенным государствам политической зависимости, укоренение определенных социально-политических структур и такого внутреннего и внешнего курса, который был бы выгоден монополистическому капиталу. Неоколониализм в сфере духовной призван привить развивающимся странам буржуазные идеалы, ценности, социальные установки и одновременно удержать их в плену стереотипов международного потребительства, навязываемых ТНК.

Неоколониалистское отношение и неоколониализм соотносятся между собой как форма и содержание, как явление и сущность. Если само неоколониалистское отношение рассматривать как целое, а государства развитого капитализма, ТНК и освободившиеся страны как его элементы (части), то понятие неоколониализма позволяет объединить эти элементы в структуру; оно отражает социально-классовую направленность функционирования системы сложившихся отношений.

В свете поставленных во введении задач мы сосредоточим внимание главным образом на рассмотрении политического неокOLONиализма. В политической сфере субъект неокOLONиализма стремится: 1) подорвать, свести на нет национально-освободительное движение; 2) разрушить его связи с системой социализма; 3) навязать лидерам развивающегося мира социально-политические ценности и установки, выгодные монополистическому капиталу; 4) поддерживать политические режимы, обеспечивающие бесперебойное поступление монополистических прибылей (и соответственно подрывать режимы, которые этого не обеспечивают); 5) оказывать влияние на формирование внутри- и внешне-политического курса молодых государств.

Для достижения политических целей в развивающемся мире субъект неокOLONиализма разрабатывает общую стратегию, определяющую основные направления неокOLONиалистской активности на определенном историческом этапе. В рамках общей стратегии формируется глобальная политика, определяющая критерии, методы подхода к развивающимся странам. На ее основе с учетом конкретной ситуации в объекте неокOLONиализма вырабатывается ситуационная политика. Таким образом, можно говорить о соподчиненности, иерархичности различных уровней неокOLONиалистской стратегии.

Объект неокOLONиалистского отношения — освободившиеся страны — рассматривается на всех уровнях этой стратегии в динамике, в совокупности всех испытываемых им разнообразных влияний (национально-освободительного движения, мировой системы социализма, субъекта неокOLONиализма и т. д.). Учитываются общая международная обстановка, характер взаимоотношений между Востоком и Западом, ситуация внутри лагеря империализма и т. д. То есть при выработке стратегии неокOLONиализма материалом служит широкая международная практика, но направлена эта стратегия уже непосредственно на развивающиеся страны. В формировании неокOLONиалистской политики принимают участие, прямо или опосредованно, различные звенья госаппарата, представители бизнеса, научные центры, общественные организации и институты развитых капиталистических стран.

Сложность, иерархичность системы выработки и осуществления неокOLONиалистской стратегии приводит к тому, что ее различные уровни как бы смотрятся друг в друга, ища и поддерживая один в другом собственное оправдание. Все это приводит к косности, неподвижности, фиксированности многих теорий и оценок в отношении развивающегося мира. Нередко неокOLONиалистская концепция не обеспечивает теоретического обоснования будущей конкретной политики, а лишь пытается объяснить или оправдать уже совершенные государственными лидерами действия. Более того, сами эти лидеры, оценивая практику современных отношений в развивающемся мире через ряд опосредующих звеньев, испытывают недостаток достоверной оперативной информации, оказываются в плену господствующих теорий и воззрений, в результате чего они зачастую не в состоянии принимать эффективные и адекватные решения.

Антисоветизм, характерный для политического курса развитых капиталистических государств, не является каким-то особым направлением в неокOLONиализме, не начинается на каком-то определенном уровне — он пронизывает все уровни неокOLONиалистской стратегии, является неотъемлемой органической частью целей, общей стратегии, глобальной и ситуационной политики субъекта неокOLONиализма.

Теперь на примере США мы рассмотрим, как формируется и осуществляется неокOLONиалистская стратегия. В 50-х гг. существовавший в Соединенных Штатах Америки закон о взаимном обеспечении безопасности связывал предоставление американской помощи странам «третьего мира» с отказом последних от политики нейтралитета, с наличием непосредственной «коммунистической угрозы» извне или изнутри.

С критикой такого подхода к налаживанию американских связей с развивающимися странами выступил тогда крупный специалист в области международных отношений Ч. Боулс. Он опровергал мнение о том, что, мол, поскольку колонии принадлежат союзникам США по НАТО, то нельзя выступать против их колониальной политики. Наоборот, писал Боулс, если мы хотим сохранить американ-

ские позиции в «третьем мире», надо пропагандировать антиколониализм, только таким образом в сложившихся условиях можно «защитить как наши законные интересы, так и интересы наших союзников по НАТО»⁴. Боулс напоминал правящим кругам США о провале стратегов госдепартамента, которые считали, что строительство крупного сталеплавильного комбината в Индии «далеко выходит за пределы экономических возможностей России»⁵, и призывал для прочного удержания развивающихся стран в сфере американского влияния применять любые гибкие методы, включая использование своих миссионеров, направление в Африку с пропагандистскими целями негров из Соединенных Штатов и т. п.⁶

К решению этой проблемы были привлечены ученые. Комиссия по иностранным делам сената США предложила исследовательским центрам разработать рекомендации по совершенствованию стратегии в отношении бывших колоний и полуколоний, что должно было обеспечивать достижение необходимых США политических целей. Основываясь на полученных уже в 1961 г. разработках, президент Дж. Кеннеди заявил, что «третий мир» стал «главным полем битвы за свободу»⁷. А известный «советолог» Дж. Гибсон предупреждал: «То, что случится с этими новыми государствами и внутри них в течение следующих нескольких десятилетий, может полностью решить исход всемирной идеологической битвы XX века»⁸.

Заместитель помощника президента Кеннеди по проблемам Юго-Восточной Азии Уолт Ростоу предложил доктрину «контринсургенции», в рамках которой доказывалось, что: 1) существует глобальная угроза интересам США в «третьем мире» в виде заговоров, подготавливаемых коммунистами с целью обеспечить успех всемирной революции, не прибегая к ядерной или обычной войне; 2) Соединенные Штаты должны и могут справиться с этой угрозой без использования своих вооруженных сил; 3) следует разработать противоповстанческую стратегию, осуществляемую специальными «контрповстанческими силами», использующими особые (диверсионно-террористические) методы.

Руководствуясь положениями этой доктрины,

президент Кеннеди незамедлительно отдал приказ о пятикратном увеличении специальных армейских подразделений («зеленых беретов»); параллельно с этим ВВС и ВМС США объявили о создании подобных же подразделений для использования с целью подавления мятежей в развивающихся странах. Пентагон при Р. Макнамаре стал уделять особое внимание программам по так называемой «категории быстрого развертывания», предназначенным для ускоренной доставки людей и военных материалов в «горячие точки» планеты. Вооруженные силы США оснащались новыми транспортными самолетами С-5А, способными брать на борт 700 человек, новым поколением военно-транспортных судов, вертолетов, авианосцев.

Тогда же спешно начали разрабатываться щедрыми финансируемые исследовательские проекты с целью определения причин революций в «третьем мире» и путей их устранения. Анализу подвергались не только опыт антиповстанческих действий Англии и Франции, но также труды теоретиков и политических лидеров национально-освободительных движений. К середине 60-х гг. Пентагон уже тратил на эти исследования до 10 млн. долларов ежегодно. По его заказам и оплате ученые-обществоведы трудились как в вузах, так и в особых неприбыльных «фабриках мысли» — таких как «РЭНД корпорейшн», «Рисерч аэналисис корпорейшн», «Хьюмэн рисерч», «Сентр фо рисерч ин соушэл системс». Ведущиеся работы координировались частично директором оборонных исследований в Пентагоне, частично различными специальными комитетами и совещательными организациями, связанными с госдепартаментом и Советом национальной безопасности США.

В рекомендациях исследователей, датированных первой половиной 60-х гг., военное подавление революционной активности народов освободившихся стран рассматривалось в основном как исключение, как деятельность, врачующая симптомы болезни, а не причины. Вооруженное вмешательство представлялось оправданным лишь на короткий промежуток времени с тем, чтобы дать возможность полностью проявить себя социально-экономическим программам по «реформированию», «гражданским акциям»,

«умиротворению» и т. п. Эти программы, по мнению их создателей, должны были привлечь население на сторону прозападного правительства, выбить почву из-под ног революционеров, изолировать их от народных масс собственной страны.

Результаты подобного подхода для субъекта неокolonизма оказывались сугубо отрицательными. И это вполне закономерно: ему надо было бы перестать быть самим собой, чтобы предлагать действительно антиколониальные программы. Даже искушенные сотрудники ЦРУ (Д. Блофарб) впоследствии признавали, что «отсутствовала политическая основа для выполнения программы, направленной на то, чтобы привлечь население на сторону правительства»⁹. Все это привело, как отметил Д. Блофарб, к «тихой кончине политики, появившейся на свет под звуки фанфар и породившей большие надежды...». А лежащая в ее основе доктрина «контринсургенции» разделила судьбу «других забытых доктрин»¹⁰.

В середине 60-х гг. происходит некоторая переоценка ценностей. В появляющихся новых теоретических разработках основной упор делался на военную силу и военную организацию. Вместо того чтобы убеждать массы поддерживать правительство, сотрудничавшее с неокolonизаторами, предлагалось удержать их от поддержки революционеров. Практическим воплощением этих концепций стало создание «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме, зон «выжженной земли» и т. п.

После поражения в Индокитае контрреволюционная стратегия и тактика неокolonизма претерпела еще более значительные изменения, однако, как считают специалисты, по-прежнему основной упор делался «не на социально-экономические реформы, а на военные репрессии и другие негативные санкции в качестве средств борьбы с революцией»¹¹.

В период мирового экономического кризиса 1973—1975 гг. теоретики, связанные с трехсторонней комиссией — международным штабом монополистического капитала, объединяющим финансовых, политических, профсоюзных руководителей Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Федеративной Республики Германии, Японии и ряда

других капиталистических стран, — предложили идею борьбы за «права человека» в качестве основы внешнеполитической деятельности империалистических государств на период кризисных потрясений. (Обещанные ранее «великое общество», «общество благоденствия» не состоялись, да и смешно было бы о них говорить в условиях растущей инфляции, безработицы и сокращающихся реальных доходов населения.)

Еще до избрания Дж. Картера на пост президента конгресс США принял решение создать особый отдел прав человека при государственном департаменте. От госдепартамента также потребовали ежегодных докладов о ситуации в области прав человека во всех странах-получателях американской помощи. Администрация Картера объявила, что «права человека» являются целью и критерием ее политики. Как во времена «крестового похода» за «глобальную демократию», объявленного президентом США Вудро Вильсоном в период первой мировой войны, страны мира стали делить по этому критерию на «чистые» и «нечистые».

Под предлогом нарушения прав человека Вашингтон значительно сократил свои субсидии Аргентине, Уругваю, Эфиопии, некоторым другим странам. В то же время он предоставлял щедрую помощь Южной Корее, где США имеют важные стратегические интересы, и, как заявлял госсекретарь С. Вэнс, не собирався ее ограничивать, «несмотря на большую озабоченность состоянием прав человека в этой стране»¹². Не пострадали и другие политические союзники Соединенных Штатов. Такая своеобразная «избирательная моральность» кампании в защиту прав человека означала, что Вашингтонская администрация на международной арене выступает скорее не в качестве морального судьи, а в роли морального полицейского.

Классовые цели, которые преследовала «борьба за права человека», состояли в следующем: 1) попытаться ослабить международное влияние реального социализма; 2) перехватить инициативу движения за демократические права и реформы из рук коммунистов, антимонополистических сил и хоть в какой-то мере восстановить доверие американского народа к правительству; 3) усилить инте-

грацию международного монополистического капитала и капиталистических государств под нравственной эгидой США; 4) предстать в новом ореоле хранителя высоких моральных и гуманистических ценностей перед странами развивающегося мира, укрепить среди них свою изрядно подмоченную неокOLONиализмом репутацию; 5) найти удобное идеологическое прикрытие для экспансии американских ТНК по всему миру.

Несмотря на то что эта широко разрекламированная программа не позволила монополистической буржуазии США достичь поставленных целей, она сыграла определенную пропагандистскую роль в пользу субъекта неокOLONиализма. Некоторые руководители освободившихся государств увидели в ней отход от защиты исключительно корыстных интересов империализма и поворот, хотя и не заверченный до конца, к проблемам и нуждам развивающихся стран. Вместе с тем она, конечно, не смогла остановить развитие мирового революционного процесса в целом и национально-освободительного движения в частности. Переход на путь социалистической ориентации Эфиопии, Анголы, Мозамбика, революция в Никарагуа, провалы доктрины «прав человека» на других направлениях ее применения заставили правящие круги США несколько модернизировать свою глобальную политику, искать какие-то новые методы, новые концептуальные подходы при сохранении ее прежних целей.

В своей инаугурационной речи президент Р. Рейган отметил преемственность линии Картера во внешней политике, взял на себя обязательства отстаивать свободы и права человека во всем мире¹³. Однако уже первые шаги новой вашингтонской администрации показали, что она делает основной упор на «свободы», а не на «права», понимая под этим прежде всего свободу рук для американского бизнеса, свободу вмешиваться во внутренние дела других стран, если, по оценке Вашингтона, там возникает опасность «национальным интересам» США. Политические обозреватели отмечают, что президент Рейган стремится помочь перевооружить многие страны в некоммунистическом мире, точно так же как он обещал «перевооружить Америку».

Суть его подхода к внешнеполитическим проблемам выразил государственный секретарь А. Хейг, когда заявил, что «выработка политики США должна быть полностью поставлена в зависимость от того, какие цели преследует Советский Союз»¹⁴.

Надо сказать, что в этот период во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов Америки наиболее ярко проявила себя одна из тенденций их политической культуры: ориентироваться больше на защиту краткосрочных, нежели долгосрочных интересов монополистического капитала. Как отмечал влиятельный американский журнал «Форчун», «внешнюю политику в правительстве Рейгана можно было бы суммировать в одном слове — сила». Президент внушал американцам и всему миру, будто бы США оказались на втором месте после СССР по военной силе, и поэтому высказался за блокировку договора ОСВ-2 и немедленное развитие военного строительства с целью достижения превосходства над Советским Союзом. В отношении «третьего мира» у него сформировалась крайне узкая, ограниченная точка зрения, суть которой состояла в том, что любое событие в развивающихся странах приписывалось «проискам Москвы». Еще до избрания президентом, в июне 1980 г., Рейган говорил в интервью газете «Уолл-стрит джорнэл»: «Советский Союз поддерживает все волнения, которые происходят. Если бы он не стремился к доминированию, то в мире не было бы „жарких точек“»¹⁵.

Если для администрации демократов ключевые политические идеи и людей для их претворения в жизнь поставляли главным образом либеральный Брукингский институт, Совет по международным отношениям, Институт по изучению политики, то для республиканцев эту функцию начали выполнять такие консервативные «фабрики мысли», как Американский предпринимательский институт (АПИ), Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета (ЦСМИ), Гуверовский институт войны, революции и мира и относительно новый «Херитидж фаундейшн», основанный бизнесменом правых взглядов Джозефом Курсом.

В последние годы АПИ, ЦСМИ и Гуверовский

институт постепенно трансформировались из разделенных правоэкстремистских ячеек в центры, обеспечившие интеллектуальный потенциал для сил, которые оказались способными занять ведущие позиции в основном течении американской общественно-политической жизни. Вместе с тем они сохранили свою правоконсервативную окраску, что отнюдь не случайно, ибо еще в 70-х гг. их финансирование происходило главным образом в форме пожертвований от таких семейных фондов, как фонд Говарда Пью, или таких фондов бизнеса, как Лилли Эндоумент. (Пью был сторонником общества Джона Бэрча и других правоэкстремистских группировок, фонд Лилли Эндоумент финансировал «антикоммунистический поход» Фреда Шварца.)

Сближение этого «трио» (АПИ, ЦСМИ и Гуверовский институт) с республиканской партией началось еще во время предвыборных кампаний Б. Голдуотера и Р. Никсона. Уильям Баруди и Карл Хесс из АПИ были ближайшими советниками Голдуотера. Сын Баруди Уильям Баруди-младший был старшим помощником у министра обороны Мелвина Лэйрда. Выйдя в отставку, Лэйрд получил пост в АПИ, директором которого стал У. Баруди после того, как он возглавлял «связи с общественностью» в администрации Дж. Форда. Сам Дж. Форд сейчас «почетный член» АПИ.

В свете вышесказанного отнюдь не случайным выглядит то, что Рейган обратился именно к этим институтам, когда в предвыборной кампании начал подбирать кадры на важнейшие посты своих советников. Главным из них в области внешней политики был выбран Ричард Аллен, который возглавлял проекты в ЦСМИ и Гуверовском институте. Военный советник Фред Икле был членом совета выполняемого в АПИ проекта о будущем направлении американской внешней политики. Главный экономический советник Милтон Фридман работал старшим научным сотрудником в Гуверовском институте. Директор африканских исследований в ЦСМИ Честер Крокер был назначен помощником госсекретаря по Африке. Профессор политических наук из ЦСМИ Джин Киркпатрик, критиковавшая администрацию демократов за «аполитичность», т. е. недостаточно четко выраженный антисоветизм

в «третьем мире», стала постоянным представителем США при ООН. Как считают американские специалисты, АПИ, ЦСМИ, Гуверовский институт, «Херитидж фаундейшн», вероятно, будут продолжать и впредь поставлять многих людей в окружение президента¹⁶.

Под влиянием вышеназванных и подобных им исследовательских учреждений глобальная политика неокOLONиализма в 80-х гг. становится более идеологически ориентированной, направленной на защиту именно «свободного предпринимательства», «западной демократии», а не на формирование в освободившихся государствах некоего абстрактного антиидеологического и аполитичного, на первый взгляд, «единого индустриального» или «постиндустриального общества». Выступая в мае 1981 г. в Нью-Йорке, вице-президент США Дж. Буш подчеркнул: «Это в интересах нашей страны помочь усилению экономических и политических институтов по всему миру, которые разделяют наши ценности, касающиеся свободы, экономического развития, образования, культурного обмена и прав человека»¹⁷. То есть фактически глобальная политика новой вашингтонской администрации в отношении развивающихся стран продолжает, а по некоторым аспектам даже усиливает линию наиболее одиозной фигуры в правительстве Картера, советника по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского, призывавшего придать «третьему миру» такой облик, который «соответствовал бы нашим интересам и отвечал бы нашим ценностям»¹⁸.

В сентябре 1981 г. Роджер Фонтейн, советник Рейгана по латиноамериканским вопросам, заявил, что «забота о правах человека не возникла с приходом администрации Картера и не исчезнет вместе с ней»¹⁹. «Правам человека,— подчеркивала Киркпатрик,— не только следует играть центральную роль в американской внешней политике, но успешная внешняя политика США вообще невозможна, если им не будет предоставлена главная роль»²⁰.

В ноябре 1981 г. госдепартамент США опубликовал официальный меморандум, где вновь подчеркивалась приверженность американского правительства ранее избранному курсу. «Права челове-

ка, — отмечалось в нем, — находятся в центре нашей политики потому, что это основа самой Америки, всего того, что она защищает. Права человека — это не нечто, пристегнутое к нашей внешней политике, но ее основная цель: защита и поддержка свободы в мире»²¹. Вместе с тем в этом документе отразилась эволюция понимания «прав человека», имевшая место при республиканской администрации: они были сведены к «свободам», которые, в свою очередь, представлялись возможными только в обществе, где существует «свободная» рыночная система хозяйства.

Отсюда можно сделать вывод, что объективным критерием и движущим мотивом глобальной политики США в отношении развивающихся стран оказываются в действительности не пропагандируемые «права человека», а возможность капиталистической эксплуатации их людских и материальных ресурсов. Если при администрации Картера этот критерий был замаскирован гуманистической риторикой и определенными демонстративными действиями против наиболее вопиющих фактов попрания человеческого достоинства, то рейгановская администрация ясно дала понять, что «права человека» являются для нее целью лишь тогда, когда под этим термином понимаются права капитала (капиталистов) эксплуатировать.

Конкретной ситуационной политикой, предложенной консервативными поставщиками идей и концепций для Вашингтонской администрации и направленной против национально-освободительного движения, стала кампания борьбы с «международным терроризмом». Для ее вдохновителей оказалось очень удобным то обстоятельство, что «международный терроризм», как и «права человека», сам по себе не имеет политической или идеологической окраски. То есть в принципе сам «борец» (субъект неоколониализма) может определять, что должно и что не должно именоваться «международным терроризмом». Применяя испытанную ранее «избирательную моральность» и двойную систему оценок, Вашингтонская администрация начала вкладывать в это понятие все акции национально-освободительных движений (прежде всего вооруженные), а также действия социалистических и неприсоединив-

шихся стран в их поддержку. Акции же неонацистов, реакционных диктаторов, за редким исключением, не попадают в эту графу, ибо, как выясняется, отвечают «национальным» или, в другой интерпретации, «жизненно важным» интересам США.

Надо сказать, что подобный подход является оригинальным лишь по масштабу своего применения. В сущности, он давно уже использовался колониалистскими силами, расистским режимом ЮАР для характеристики действий национально-освободительного движения. Новое, что внесла Вашингтонская администрация в интерпретацию понятия «терроризм», в данном случае состояло в том, что особый упор был сделан на слове «международный» и что его глубинным источником попытались объявить социалистические страны.

В монографии Т. Шекли «Третий вариант. Американская точка зрения на контрповстанческие операции», опубликованной в 1981 г. и одобренной ЦРУ, подчеркивалось: «Мы должны предпринять политические или скрытые акции, если хотим эффективно защитить себя от международного терроризма». Совокупность антиповстанческих, антитеррористических акций Т. Шекли называет «третьим вариантом» и предсказывает, что вплоть до конца нашего столетия он должен явиться более важным для Соединенных Штатов, чем в прошлый период. «На Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и Азии осуществление тайных операций может стать ключевым элементом для успеха или неудачи западной стратегии»²². То есть фактически на повестку дня снова выносилась доктрина террористически-диверсионных противоповстанческих действий, о «тихой кончине» которой было объявлено всего лишь несколько лет назад.

Однако, как выяснилось впоследствии, эта монография выражала не только личную точку зрения автора, но и позицию ведущих деятелей республиканской администрации. Они попытались утверждать, что поскольку речь идет о «тайных операциях», то они вполне допустимы в мирное время и не нарушают международного права. На пресс-конференции 19 октября 1983 г. Рейган прямо заявил, что «тайные акции являлись частью правительства и правительственной ответственности с

тех пор, как правительства возникли»²³. При этом оратора ничуть не смутило то обстоятельство, что вся современная система государств, международное право, устанавливаемое сообща принимаемыми решениями, под которыми стоит и подпись США, базируются на согласованном принципе нерушимости границ в мирное время, на невмешательстве во внутренние дела других правительств, признаваемых в качестве законных руководителей независимых стран.

Неясно, отдает ли себе отчет американский президент в том, что его столь горячая приверженность к частному предпринимательству, перенесенная в социально-политическую область, грозит миру, и прежде всего освободившимся странам, чрезвычайно опасными, непредсказуемыми последствиями. Ведь он фактически оправдывает право отдельных лиц, ТНК, ЦРУ создавать «частные армии» и «тайно» дестабилизировать неугодные режимы, оккупировать суверенные государства.

Характер и способы осуществления планируемых «тайных операций» были определены директивами Совета национальной безопасности США (СНБ) и исполнительными приказами различных администраций. Впервые суть понимания американским правительством этих внешнеполитических акций была сформулирована в директиве СНБ от 10 июля 1948 г. В ней они определялись как деятельность, связанная «с пропагандой, экономической войной, превентивными прямыми действиями, включая саботаж, антисаботаж, меры уничтожения или эвакуации; подрывные действия против враждебных государств, включая помощь подпольным группам сопротивления и поддержку местных антикоммунистических элементов в странах свободного мира, которые находятся под угрозой»²⁴.

Данную формулировку дополняет также официально узаконенная концепция «правдоподобного отрицания», содержащаяся в директиве 10/2 СНБ и требующая, чтобы все тайные действия «так планировались и проводились, чтобы ответственность правительства США за них не была очевидной для непосвященных лиц и чтобы в случае их раскрытия правительство США могло правдоподобно отрицать всякую ответственность за них»²⁵.

Перед лицом нарастающего революционного процесса субъект неокOLONиализма стремится сохранить то, что имеет, сдержав от распада сложившуюся систему неравноправных экономических и политических отношений с развивающимися странами. Это, конечно, не исключает как различных экспансионистских акций, контрреволюционных агрессивных действий, так и попыток империализма контратаковать, отбросить назад освободительное движение.

Поскольку экономический интерес ТНК и политический интерес империалистических государств требуют сегодня сохранения стабильности капиталистических социальных отношений в мире, постольку неокOLONиалистская историография начала усиленно эксплуатировать этот мотив²⁶. «Чем крепче стабильность общества и чувство безопасности его членов,— писал Ганс Моргентау,— тем меньше шансы того, что коллективные эмоции будут искать выход в агрессивном национализме и наоборот»²⁷. В обстановке усиливающейся напряженности, экономических и политических кризисов в молодых государствах, международных конфликтов западные страны, по мысли буржуазных теоретиков, якобы не только являют собой образец сохранения традиционной демократичности и спокойствия, но и выполняют также определенную историческую миссию в «третьем мире», где существующие «конфронтации могут быть стабилизированы посредством американских инициатив, скоординированных с другими заинтересованными сторонами»²⁸.

В основе попыток приписать Западу стабилизирующее влияние в развивающемся мире (а социалистическим странам соответственно — дестабилизирующее) лежит извращение сущности империализма как высшей фазы капиталистической общественно-экономической формации. При этом буржуазные идеологи отрывают империалистическую политику от породившей ее экономики, стремление к господству, доминированию выводят из личных амбиций лидеров*, господствующего обще-

* Так, например, председатель подкомитета комиссии по юридическим вопросам палаты представителей конгресса США Доп Эдвардс писал 9 августа 1983 г. в «Нью-Йорк таймс»:

ственного мнения, истории, социальной психологии и т. п. Нередко в этом ряду упоминаются и интересы капитала. «Объективная» буржуазная социальная теория не может о них совершенно забыть, поэтому, как правило, они не отбрасываются полностью, но исключаются из исследовательского анализа, но, будучи поставлены на одну доску с множеством других, зачастую субъективных причин, теряют в их массе свой вес и решающую роль.

В результате затушевывается тот объективный факт, что империалистическую политику могут проводить только капиталистические государства. Буржуазные же социологи не прочь потеоретизировать о «племенном империализме», «советском империализме» и т. п.²⁹ По их мнению, все силы, отстаивающие статус кво сложившихся социально-политических структур (вне зависимости от их характера и классового содержания) любыми, в том числе военными, средствами, должны рассматриваться как использующие законное право на оборону, а все силы, стремящиеся его изменить, являются империалистическими. Получается, что все силы, защищающие уходящий с исторической арены капитализм и созданную им систему неравноправных международных отношений, являются прогрессивными, положительными, а те, действия которых направлены на ломку, изменение существующих структур неравенства, — отрицательными, империалистическими. СССР и другие страны социализма, солидаризирующиеся с национально-освободительным движением, оказываются с точки зрения западной пропаганды более империалистическими, чем США, ибо поддерживают эти силы. Правда, в 80-х гг. даже среди либерально настроенных американских политологов усилилась, если так можно выразиться, «агрессивность». Профессор международных отношений Амхэрстского колледжа, бывший директор отдела планирования политики госдепартамента Антонн Лэйк отмечает, что «просто защита статус кво предоставляет право на инициативу

²⁹ «В Никарагуа, так же как в Корее, Ливане, заливе Кочинос, Доминиканской Республике, Вьетнаме и Камбодже, мы оказались вовлеченными в войну исключительно благодаря действиям президента».

другим, уменьшает американский престиж и вредит союзам страны»³⁰. Он требует проведения активной внешней политики в защиту «прав человека» во всех государствах.

Общая стратегия, которую американский империализм разрабатывает для достижения поставленных целей, также в значительной степени зависит от интерпретации категории «национальный интерес». Для США широкий спектр интерпретаций этой категории в рамках неоколониалистского отношения можно свести в основном к двум направлениям. Первое — либеральное (или неолиберальное) — утверждает, что лучший путь служения «национальным интересам» в «третьем мире» состоит в демонстрации преимуществ американского образа жизни, что «долговременные интересы совпадают в основном с американскими идеалами»³¹. Представители второго — консервативного (или неоконсервативного) — настаивают, что «национальные интересы» заключаются в тотальном противостоянии всем прокоммунистическим, социалистическим, антиамериканским силам в развивающихся странах.

Однако не следует думать, что первое направление свободно от антисоветизма и антикоммунизма. Они присутствуют в нем мощно и зримо. Но рассматриваются скорее как цель, как итог самостоятельной деятельности по демонстрации демократичности, экономической мощи, технического гения, щедрости, готовности «помочь» в решении насущных социальных проблем развивающегося общества. В консервативном направлении антисоветизм (антикоммунизм) выступает одновременно и как средство и как цель. Внутри каждого из этих двух основных направлений общей стратегии неоколониализма идет постоянная борьба по вопросу о том, как лучше, эффективнее решить поставленные задачи.

В 80-х гг. происходит не только усиление консервативного направления за счет либерального, но наблюдаются существенные перемены внутри каждого из них. Консервативное направление становится все более агрессивным и реакционным. Либеральное — все чаще оправдывает применение силы для утверждения «долговременных интересов США, в основном совпадающих с американскими идеалами». Один из редакторов либерального американ-

ского еженедельника «Нейшн» Эндрю Копкинд видит в этом «возвращение либерализма холодной войны». «Каждый способный расслышать и разглядеть новые тонкие нюансы,— пишет он,— в состоянии проследить появляющиеся признаки новой культуры холодной войны... Ведется необычайно большое количество разговоров в эти дни о национальной безопасности, военной стратегии, подрывной деятельности и терроризме».

Возвращению политики с позиции силы в «третьем мире» способствовала начавшая подниматься в США в конце 70 — начале 80-х гг. волна неоконсерватизма. Многие исследователи, политические обозреватели полагают, что это явление не краткосрочного, условного (негативно «антикартеровского»), а фундаментально долговременного значения. Молодые американцы якобы, как и пожилые, отдают предпочтение неоконсервативным ценностям и установкам. В подтверждение этого довода нередко ссылаются на данные центра политических исследований Мичиганского университета, согласно которым 30 % американцев в возрасте от 18 до 35 лет и 23 % в возрасте от 36 до 59 лет считают себя «либералами»; 29 и 28 % соответственно — «умеренными»; 41 и 49 % — «консерваторами»³². «Быть консерватором в Америке,— разъяснял сенатор Голдуотер в своем послании конгрессу,— традиционно означало, что необходимо глубоко уважать конституцию. Мы, консерваторы, искренне верим в единство конституции. Мы ценим свободы, которые этот документ защищает. Мы верим, как и отцы-основатели, что мы „наделены нашим Создателем определенными неотчуждаемыми правами, среди которых — жизнь, свобода и стремление к счастью“»³³.

Следует отметить, что из всех прав и свобод наибольшим уважением у политиков неоконсервативного толка пользуется право действовать по своему личному произволу без вмешательства государственной власти или других общественных организаций. Перенесенное в реальный социально-экономический контекст американской действительности, оно означает, что богатые могут диктовать условия эксплуатации наемного труда без обременительных общественных ограничений. А в контексте неоколониалистских отношений это право означает,

во-первых, требование к освободившимся странам развивать экономику на принципах частной инициативы, а во-вторых, свободу для неоконсервативных применять любые действия против тех стран, которые эту инициативу не поощряют.

В обоснование этого произвола приводятся исторические, экономические, даже социально-психологические аргументы³⁴. Сотрудник Американского предпринимательского института Микаэль Новак написал книгу «Дух демократического капитализма», в которой содержатся, в частности, следующие мысли: «Если все люди равны, каждый должен быть свободен принимать существенные экономические решения — и если они действительно будут настолько свободны, то величайшая социальная энергия во вселенной будет высвобождена».

Неправильно противопоставлять права человека экономическому развитию, отрицать первое во имя второго. Это не только не верно морально или политически. Это также экономически не верно. Свободные личности мечтают. Свободные личности инвестируют. Свободные личности создают. Свобода обогащает, так как богатство не существует от века, оно создается.

Мечта о демократическом капитализме, которая послужила стимулом принятия билля о правах,— это не только моральная или политическая мечта, она также мечта экономическая»³⁵.

На волне неоконсерватизма в защиту духа свободного предпринимательства, угасающего под грузом государственно-монополистических структур, срочно создаются государственные, общественные и смешанные организации. В феврале 1981 г., например, образован «Комитет за свободный мир» как международная группа интеллектуалов, стремящихся защитить и пропагандировать ценности «свободного общества» и проводить борьбу за демократию в сфере идей. Его международным председателем стал известный французский реакционный политический философ Раймон Арон, исполнительным директором — американский политолог, писательница и консервативная общественная деятельница Миндж Дектер.

Входящая в совет директоров Киркпатрик заявила на учредительном собрании «Комитета», что его

главной целью является «противостояние климату смятения, покорности, апатии и самобичевания, который во многом способствовал ослаблению западных демократий перед лицом растущей угрозы сохранению их жизнеспособности и даже самому их существованию как свободных общественных систем».

Завоевание неоконсерваторами важных политических позиций в США (приход к власти администрации Рейгана) отражало также тот факт, что монополистический капитал Востока США вынужден «потесниться» и уступить некоторые рубежи монополистическому капиталу Юга и Запада. Вскормленные на нефти Техаса и военных заказах монополистические группировки Юга и Запада имеют значительно меньшие финансовые интересы за границей, их процветание в значительно большей степени, чем у монополий Востока, зависит от роста военного производства. В развивающемся мире они стремятся потеснить ТНК, традиционно владеющие там рынками дешевой рабочей силы, сбыта, источниками сырья; в международных отношениях в целом они всячески раздувают так называемую «советскую угрозу», что облегчает им проталкивание рекордных военных бюджетов.

Следовательно, для администрации Рейгана, представляющей в основном интересы монополий Юга и Запада, в большей степени характерны грубый антисоветизм, авантюризм, упование на силу, чем для политических деятелей, связанных с монополистическим капиталом Востока. В этой связи полагают, что приход к власти республиканской администрации в 1981 г. означал институциональное укрепление второго, неоконсервативного подхода в общей стратегии неоколониализма. По мнению политического обозревателя «Нью-Йорк таймс» Флоры Левис, представители рейгановской администрации «убеждены, что американо-советская конфронтация является ключевым вопросом и что все другие глобальные проблемы „третьего мира“, окружающей среды, нераспространения ядерного оружия и т. п. должны рассматриваться в этом контексте». Она считает, что расхождения по проблеме выработки политики в отношении развивающихся стран сохранились лишь между «многосторонника-

ми» и «односторонниками»: первые считают, что антисоветское противостояние в «третьем мире» следует проводить, консультируясь и солидаризируясь с союзниками; вторые же не видят в этом особой необходимости, так как США, дескать, могут справиться с такой миссией и самостоятельно³⁶.

Подтверждением того, что большее предпочтение отдается последнему мнению, может служить секретный документ под названием «План Киркпатрик», опубликованный в феврале 1983 г. индийским еженедельником «Линк», где излагаются цели и средства политики Вашингтона в отношении молодых государств. «Использование силы,— говорится в нем,— всегда было частью исторического процесса, и мы не должны бояться этого. Американские интересы необходимо защищать с помощью решительных действий. Если мы уверены, что предпринимаемые меры выгодны нам, необходимо доводить дело до конца, не считаясь с возражениями европейских союзников, не говоря уже о странах „третьего мира“»³⁷.

Рассмотрение смены различных неоколониалистских стратегических целей и установок, доктрин, анализ критики и взаимных упреков, звучащих со страниц солидных и не очень солидных буржуазных изданий³⁸, с кафедр научных симпозиумов, доказывают, что мы имеем дело с обреченной политикой и идеологией. В этой полемике по поводу лучшей защиты интересов американского монополистического капитала нет правых и нет виноватых. Тактический успех на одном направлении оборачивается стратегическим поражением на другом. Кажущаяся правильной стратегическая доктрина ведет к утрате важных позиций в «третьем мире». Стремление удовлетворить краткосрочные интересы подрывает кснечные цели, а долгосрочная политика вредит краткосрочным интересам ТНК и империалистических государств.

Причины неспособности сформулировать работающую общую стратегию неоколониализма кроются в порочной субъективистской методологии буржуазной общественной науки. Кроме этого, они отражают тот факт, что в современных условиях в принципе невозможно создать эффективную неоколониалистскую стратегию, ибо сохранение (и тем

более расширение) неокOLONиалистских отношений противоречит законам социального развития в эпоху перехода от капитализма к социализму.

Неспособность буржуазной внешнеполитической мысли создать работающую общую стратегию неокOLONиализма не означает, однако, что империалистические государства и ТНК не в состоянии добиваться определенных успехов в достижении своих корыстных целей в отдельных странах или даже регионах развивающегося мира. Используя трудности процесса деколонизации, спекулируя на сложных проблемах, с которыми сталкиваются освободившиеся страны на пути к новой жизни, субъект неокOLONиализма стремится приостановить развитие национально-освободительных революций, навязать молодым государствам желаемую модель экономической и политической модернизации.

В зависимости от изменения характера международной обстановки, от перемен в субъекте и объекте неокOLONиалистских отношений происходят определенные колебания на всех уровнях стратегии неокOLONиализма: меняются политические подходы, установки, доминирующие концепции, очередность целей. На нижних этажах неокOLONиалистской стратегии (глобальная политика, ситуационная политика) они шире, больше, чем на верхних (политические цели, общая стратегия). Однако в сути своей все эти колебания сводятся лишь к перетасовке системы приоритетов, ибо империализм не в состоянии предложить какой-либо позитивной альтернативы развивающимся странам.

В целом преемственность в стратегии субъекта неокOLONиализма превалирует над политическими и идеологическими нововведениями, с требованием которых выступают время от времени те или иные деятели, встающие у руля государственной власти. Эта преемственность базируется на классовых интересах монополистической буржуазии (приобретающих форму «национальных интересов» империалистических государств) и обеспечивается наличием громоздкого, косного, бюрократического аппарата на всех уровнях управления³⁹. Преемственность неокOLONиалистской стратегии поддерживается также политической культурой, общественным сознанием Запада.

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Некоторые зарубежные исследователи относят появление международного терроризма ко времени французской буржуазной революции¹ и связывают его с зарождавшимся тогда национализмом. Есть и такие (Г. Боузел и др.), которые считают, что правительства всегда помогали терроризму, следовательно, он и существует с тех пор, как появилось государство. При этом договариваются до того, что относят к нему не только антиколониальную борьбу народов, но и движение Сопrotивления немецкому фашизму².

Ряд авторов полагает, что этот феномен принадлежит исключительно XX в. и развился только после первой мировой войны. Постановку проблемы «международного терроризма» в научном плане связывают с начавшимся в середине 20-х гг. в Европе движением за унификацию уголовного права. Однако унификаторы, как справедливо отметил советский ученый А. Н. Трайнин, стремились вести борьбу не с действительными носителями этого зла, а с массовыми революционными выступлениями трудящихся. Подлинно международный терроризм, считает он, начинается с совершения насильственных актов гитлеровской Германией против лидеров европейских государств в целях провокации войны и недопущения создания антигитлеровской коалиции³.

«Убийства дипломатических представителей и вообще политических деятелей иностранных государств,— писал Д. Б. Левин,— широко поощрялись правящими кругами агрессивных фашистских государств в целях усиления международной напряженности и раздувания политических и военных конфликтов. Они стали орудием их внешней политики. Эта политика вызвала к жизни международный терроризм, одно из тяжчайших международных преступлений»⁴. Прав также Е. Г. Ляхов, который до-

полняет эту, по существу, верную оценку указанием на то, что правящие круги империалистических государств Европы и Америки также широко прибегали к этому, когда пытались удушить молодую Советскую Республику, нарушить ее международные связи⁵. Достаточно вспомнить «заговор послов», убийство в 1923 г. в Лозанне делегата России, Украины и Грузии В. В. Воровского, в 1927 г. в Польше — П. В. Войкова.

Таким образом, можно констатировать, что основы международного терроризма, т. е. терроризма, направленного против стабильности международных связей, были заложены монополистической буржуазией в борьбе против первого в мире государства рабочих и крестьян. На этих основах была создана мировая сеть террора в годы фашизма. С тех пор наиболее реакционные круги монополистического капитала начали постоянно применять его против стран социализма, национально-освободительного движения и освободившихся государств. Причем когда сопротивление подобной деятельности нарастает, то «мыслители», состоящие в услужении у капиталистических «казначеев», начинают все валить с больной головы на здоровую, обвиняя в этом грехе зачастую именно тех, кто на протяжении многих лет являлся его основным объектом.

В конце 70 — начале 80-х гг. на книжный рынок Запада был выброшен целый поток литературы, посвященной этой проблеме. Большинство из опубликованных в последнее время работ носит исторический, описательный характер⁶. Многие являются просто сборниками различных слухов и сплетен⁷. И лишь некоторые авторы пытаются разобраться в причинах бурного роста международного терроризма и предложить (естественно, исходя из собственных классовых и политических позиций) какие-то меры по его предотвращению и контролю над ним⁸.

Может показаться странным, но среди западных дипломатов и политических деятелей наибольшей популярностью пользуются наименее достоверные и наиболее скандальные произведения вроде книги американской журналистки Клэр Стерлинг «Сеть террора», которую даже многие буржуазные исследователи характеризуют не иначе как «анекдотиче-

ский опус»⁹. Нимало не заботясь о правдивости, а думая лишь о сенсационности подаваемого материала, Стерлинг нарисовала апокалиптическую картину «сети террора», все теснее опутывающей «свободный мир» и подчиняющейся «приказам из Москвы». Ссылаясь на это сочинение, правительственные чиновники из Вашингтона с помощью средств массовой информации организовали в начале 80-х гг. массированную психологическую обработку западного обывателя, запугивая его самыми страшными угрозами, якобы исходящими из социалистических стран и Ливии.

В развитых капиталистических государствах сейчас почти никто уже не помнит, что во всем этом молодая Республика Советов обвинялась идеологами буржуазии и социал-оппортунистами с самого дня своего рождения. Решительный отпор их лживым измышлениям тогда же дал В. И. Ленин, который, едва в 1919 г. появилась книга К. Каутского «Терроризм и коммунизм», критикующая Советскую власть за применение насилия, отмечал, что «миллионеры Антанты принялись хвалить Каутского и выдвигать его как орудие борьбы с мировым большевизмом»¹⁰.

В. И. Ленин со всей убедительностью показал надуманность и несправедливость доводов о том, что якобы Советское правительство держится на терроризме. Наоборот, партия большевиков всегда считала неприемлемым этот метод борьбы. Еще в проекте резолюции о терроре, подготовленной В. И. Лениным ко II съезду РСДРП, отмечалось: «Съезд решительно отвергает террор, т. е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от настоящей и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров, и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием»¹¹.

Следует подчеркнуть, что использование террористических методов не вытекает из структуры самого социалистического общества, в котором нет ап-

тагонистических классов и правительство действительно выражает коренные интересы самых широких народных масс. Функция подавления использовалась нашим государством в условиях ожесточенной классовой борьбы, особенно тогда, когда контрреволюционные элементы внутри страны в своей враждебной деятельности получали поддержку империализма и реакции.

В самые тяжелые месяцы гражданской войны, когда молодую Республику Советов старались задуть объединенными усилиями Антанта и контрреволюция, когда были убиты В. Володарский, М. Урицкий и совершено покушение на В. И. Ленина, 5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление «О красном терроре». Но даже в этом документе, появившемся в военное время, в столь кризисной ситуации, указывалось, что «необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»¹².

В то же время враги социалистического строя проявляют особую жестокость к своим политическим противникам. Например, просуществовавшая 133 дня Венгерская Советская Республика поначалу даже отказалась иметь армию. Однако после 21 марта 1919 г., когда страну оккупировали объединенные силы европейской реакции, 70 тыс. венгров были брошены в тюрьмы, 5 тыс. казнены, свыше 100 тыс., спасаясь от репрессий, покинули родину.

Как показал В. И. Ленин, некоторые лидеры капиталистического мира и их слуги из «желтого, бернского Интернационала» отнюдь не случайно гнали про Советскую Россию по вопросу о терроризме и демократии. Причиной этой лжи заключается в том, что всемирная буржуазия стремилась задуть Советскую власть, «облыжно выставляя ее террористической и недемократической»¹³.

Не останавливаются перед массовыми репрессиями руководители некоторых западных стран и в современных условиях. При этом они стремятся снять с себя ответственность за творимые преступления против народа. А нарастающее недовольство терроризмом пытаются повернуть на 180° и еще на-

жить на этом политический капитал: предстать в глазах мирового общественного мнения борцами за «более надежный мир». Естественно, никто из них не любит распространяться о том, что надежным мыслится лишь мир, построенный по капиталистическим законам.

В. И. Ленин доказал, что именно законы капиталистического способа производства с логической неизбежностью привели к высшей фазе капитализма — империализму, который по «экономическим его коренным свойствам отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»¹⁴. И международный терроризм изначально родился как следствие выхода на мировую арену капиталистических монополий, суть которых оказывается несовместимой с «ненасильственным, захватным образом действий в политике»¹⁵.

Рост концентрации и централизации капитала, превращение монополий начала XX в. в мощные транснациональные корпорации не только не изменили, но многократно усилили свойства империализма, на которые указывал В. И. Ленин. Исследуя современные ТНК, профессор экономики Гарвардского университета Дж. К. Гэлбрейт указывает, что сама природа любой крупной корпорации «требует контролировать или стремиться контролировать социальную и политическую среду, в которой она функционирует, — или любой объект, с которым она сталкивается»¹⁶. Защищая свои интересы, ТНК поддерживают существующие режимы в освободившихся странах, если при них бизнес идет «как обычно», и подрывают национальные движения, устраняют правительство, выступающие за земельные и иные экономические или политические реформы, могущие, как представляется руководству корпораций, отрицательно сказаться на бесперебойном поступлении монополистических прибылей. В этих целях используются все более сложные и разнообразные средства, вплоть до убийств, массового террора, военных путей.

Очевидно, как и в случае с лицемерной защитой «прав человека», кампания борьбы с «международным терроризмом» преследует вполне определенные классовые цели. Она направлена на то, чтобы пере-

хватить волну поднимающегося недовольства действительно существующим международным терроризмом, закамуфлировать тот объективный факт, что в основе его роста лежат политические интересы монополистической буржуазии, законы капиталистического бизнеса, готового зарабатывать сверхприбыли любой ценой.

В этом плане и сегодня вполне актуально красноречивое примечание, которым К. Маркс сопроводил «Капитал», цитируя «Куортерли ревьюер»: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹⁷.

Главная историческая причина, обусловившая рост терроризма в современном мире, состоит в том, что капитализм как общественный строй потерял свое историческое оправдание, все больше людей не поддерживают его, вот почему правящие круги западных стран не могут больше всецело полагаться на буржуазно-демократические институты и процедуры, а все чаще прибегают к террористическим актам, направленным на устранение лидеров потенциально опасных политических партий и движений, на запугивание общественности. Монополистический капитал, писал К. Маркс, как и «новорожденный капитал, источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»¹⁸. Политика правительства США сегодня, как и на протяжении всех последних десятилетий, отражает прежде всего интересы монополий. В 60-х гг. с появлением на мировой арене новых молодых суверенных государств вашингтонская администрация начала разрабатывать и осуществлять в «третьем мире» специальные «антитеррористические» программы, используя во многих случаях спецвойска и группы «коммандос»¹⁹. В 1979 г. вышла в свет книга сотрудников Гуверовского института Р. Куппермана и Д. Трента «Терроризм: угро-

за, реальность, ответ». Кампания по борьбе с «международным терроризмом» не была еще даже объявлена, но администрация Дж. Картера распорядилась закупить необходимое количество этих книг и разослать во все американские посольства за рубежом для ознакомления и руководства.

Теоретическим «обоснованием» неоколониалистской стратегии Вашингтона на 80-е гг. и, в частности, кампании борьбы с «международным терроризмом» стала концепция авторитарных и тоталитарных режимов, авторство которой нередко приписывается Киркпатрик²⁰. В ноябре 1979 г. журнал «Комментарии», издаваемый Американским еврейским комитетом, опубликовал ее статью «Диктатуры и двойные стандарты», в которой администрация Картера обвинялась в подрыве правых режимов, дружественных США, в частности в Иране и Никарагуа, и в том, что была открыта дорога для их замены тоталитарными правительствами, близкими к СССР. «Традиционные авторитарные правительства, — писала Киркпатрик, — менее репрессивны, чем революционные автократии; они более восприимчивы к либерализации и более совместимы с интересами США»²¹.

Ричард Аллен, ставший впоследствии советником по национальной безопасности, попросил кандидата в президенты прочесть эту статью. Ознакомившись с ней, Рейган заявил: «Некоторые формулировки гораздо лучше всего, о чем я когда-либо думал»²². Видимо, ему особенно по душе пришлось то, что публикация теоретически оправдывала стремление неоконсерваторов улучшить отношения с хунтой Пиночета и другими правыми режимами, несколько подпорченные в угаре борьбы за «права человека», проводимой тогдашней администрацией.

Согласно представлениям Киркпатрик, в мире существует лишь несколько свободных демократических стран — США и их западные союзники, большинство же других являются авторитарными или тоталитарными, основанными на диктатуре личности или государства. Между этими режимами якобы существуют два основных взаимосвязанных различия. Первое состоит в том, что при тоталитарном режиме отсутствуют отдельные самостоятельные источники власти: нет ни сильной церкви, ни незави-

сных этнических общин, ни частных предприятий бизнеса, ни свободного рабочего движения, ни каких-либо иных независимых добровольных организаций или институтов — все общественные структуры организуются и полностью контролируются сверху. При авторитарном режиме, мол, существуют все или некоторые из вышеперечисленных источников власти. Второе же различие, вытекающее из первого, заключается в том, что будто бы из-за наличия некоторых самостоятельных источников власти авторитарный режим может эволюционировать и трансформироваться в демократическое общество, чего ни при каких обстоятельствах не может случиться с режимом тоталитарным. Последний может быть только свергнут посредством давления извне.

«Авторитарные правительства, — утверждает автор, — зачастую коррумпированы, неэффективны, своевластны и жестоки, но они лишь в ограниченной степени претендуют на жизнь, собственность и лояльность своих граждан. Семья, церковь, бизнес, независимые школы и профсоюзы, тайные общества и другие институты конкурируют с правительством... и таким образом ограничивают его власть.

Авторитарные правительства — традиционные и современные — имеют множество недостатков и одно существенное достоинство: их власть ограничена и там, где власть правительства ограничена, ущерб, который оно может причинить, также ограничен, как и его пребывание у власти. Авторитарные системы не уничтожают все альтернативные базы власти в обществе. Сохранение рассеянной экономической и социальной власти делает эти режимы менее репрессивными, чем тоталитарные системы, и обеспечивает основы для их возможной трансформации. Тоталитарные режимы, напротив, стремятся монополизировать власть над всеми институтами, уничтожая конкурирующие, альтернативные элиты»²³.

Прежде всего необходимо отметить, что суждения Киркпатрик по этому вопросу, мягко говоря, не отличаются ни оригинальностью, ни новизной. Нечто подобное было высказано профессором социологии Гарвардского университета Н. Глязером еще в 1976 г. в статье «Американские ценности и американская внешняя политика», опубликованной также журналом «Комментарии»²⁴. Но случилось так, что

на публикацию Глязера не обратили особого внимания, приняв ее за теоретические спекуляции академика, а поднимающаяся волна неоконсерватизма в конце 70 — начале 80-х гг. вынесла Киркпатрик на политическую авансцену.

Исторически первая попытка серьезно разобраться в причинах авторитаризма была предпринята социологами и философами Франкфуртской школы. Оказавшись в эмиграции в Соединенных Штатах, они попытались проанализировать сущность и источники политического режима, заставившего их эмигрировать, — «нового порядка» Гитлера. Ханна Арендт в своей неоднократно переиздававшейся монографии «Источники тоталитаризма» утверждала, что в Германии нацизм, возникнув, как определенное политическое движение, превратился под руководством Гитлера в авторитарное, а будучи до конца бюрократизирован — в тоталитарное общество, где «нет ничего выше государства, ничего против государства, ничего вне государства». Теоретики Франкфуртской школы рассматривали различия между авторитаризмом и тоталитаризмом как несущественные, заключающиеся лишь в степени бюрократизации общественных структур.

Тип личности, формирование которого облегчило приход к власти и расцвет фашизма в Германии, идеологи Франкфуртской школы назвали «авторитарной личностью». Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы» писал, что авторитарному характеру свойственен постоянный бунт против слабой власти и безусловное признание власти сильной; его чертами являются эмоциональность, отказ от рационализма, готовность признать зависимость от какой-либо высшей силы, выступающей в образе бога, судьбы или воли вождя. Исследования, осуществленные в США Теодором Адорно и его сотрудниками, показали, что авторитарной личности присущи: 1) конвенционализм, или тщательное соблюдение принятых ценностей среднего класса; 2) авторитарное подчинение, некритическое отношение к авторитетам собственной группы; 3) агрессивность в отношении тех, кто нарушает принятые нормы; 4) авторитарная оппозиция ко всему тому, что субъективно, нематериально, основано на воображении; 5) вера в предрассудки, в мистическое пред-

определение собственной судьбы, мышление с помощью стереотипов; 6) культ силы, преувеличенная концентрация внимания на вопросах господства и подчинения, силы и слабости; 7) деструктивность, цинизм, враждебность и неприязнь к людям; 8) проецирование собственных влечений на внешний мир, который, как предполагается, полон диких и страшных феноменов; 9) преувеличенная концентрация внимания на вопросах пола²⁵.

Опираясь на разработки Франкфуртской школы, американские политологи и «советологи» начали проводить после второй мировой войны сравнительный анализ государственного устройства США и СССР. Наибольшую известность получили, в частности, работы З. Бжезинского и К. Фридрикса, где различие между советской и американской политическими системами определялось как между закрытой, тоталитарной, и свободной, демократической.

Перед нами не стоит задача давать оценку этим рассуждениям, которые уже давно и по достоинству раскритикованы многими прогрессивными исследователями. Сошлемся лишь на высказывание профессора Ю. А. Красина, который писал: «Корни тоталитаризма, употребляя термин буржуазных профессоров в его прямом смысле, находятся совсем не там, где их пытаются найти. Эти корни находятся в почве капиталистического строя. И если бы буржуазные идеологи могли сбросить путы финансовой и духовной зависимости от интересов монополистического капитала, то они без труда обнаружили бы истоки тоталитаризма у себя под боком. Однако социальная задача идеологов империализма заключается в том, чтобы учеными разговорами о мнимом коммунистическом тоталитаризме отвлечь внимание от реакционных тоталитарных тенденций монополистического капитализма»²⁶.

Упомянув о работах американских политологов 50-х и 60-х гг., нам хотелось бы подчеркнуть, что для них, как и для философов Франкфуртской школы, категория «авторитарность» не имела существенного самостоятельного значения и рассматривалась как тождественная или весьма близкая к понятию «тоталитарность». Более пристальное внимание к данному вопросу они стали проявлять в 70-х гг., когда возникла необходимость в теоретическом обосно-

вании глобальной неоколониалистской политики «защиты прав человека». А свою экстремальную интерпретацию концепция авторитарных и тоталитарных режимов получила уже среди представителей рейгановской администрации, которые рассматривают через ее призму все революционные события, происходящие в освободившихся странах.

Откровенно реакционный характер этой теории вызвал критическое отношение к ней даже со стороны тех политологов США, которых никак нельзя упрекнуть в симпатиях к национально-освободительному движению. Например, небезызвестный З. Бжезинский утверждает, что в рамках противопоставления «авторитаризм — тоталитаризм» нынешним руководством Белого дома предлагается «негибкое и абстрактное разделение» и что правильная оценка событий, происходящих в мире, «не имеет ничего общего с этой правительственной типологией»²⁷.

Еще более определенно высказался профессор Массачусетского технологического института, ученый с мировым именем Ноам Чомски, заявивший, что концепция авторитарности и тоталитарности — «просто попытка обеспечить фиговый листок для традиционной политики поддержки режимов, которые предоставляют свои людские и материальные ресурсы для иностранной эксплуатации и грабежа, в отличие от режимов, которые менее „свободны“ в этом решающем отношении»²⁸.

Однако, несмотря на усиливающуюся критику, «фабрики мысли», снабжающие идеями правительство Р. Рейгана, а также некоторые известные американские политологи (У. Баррет, Н. Глязер, Д. Киркпатрик, С. Хук и др.) продолжают развивать и пропагандировать эту удобную апологетическую концепцию, постулирующую надуманные различия между «тоталитаризмом» и «авторитаризмом».

В частности, сотрудник Гуверовского института Сидней Хук предлагает ввести для определения политики США в «третьем мире» и такой критерий, как «экспансионизм». «Имеется еще один фактор, — утверждает он, — который тесно связан с тем, какую политику американское правительство должно проводить по отношению к авторитарным и тоталитарным режимам. Это — прибегают они или нет к

экспансионистскому использованию силы в различных измерениях, чтобы захватывать или уничтожать законные режимы других стран и тем самым угрожать нашим жизненно важным национальным интересам или ослаблять общие позиции свободных государств в их оборонительном союзе. С этой точки зрения Куба является большей опасностью свободному миру, чем Парагвай...»²⁹

Основанная на подобных рекомендациях политическая интерпретация концепции авторитарных и тоталитарных режимов вашингтонской администрацией не отличается оригинальностью: признав, что тоталитаризм хуже авторитаризма, творцы американской внешней политики предпочли из двух зол выбрать меньшее. В результате реакционные режимы, попирающие гражданские свободы и права человека в Чили, Гватемале, Гондурасе, Гаити, Пакистане, Парагвае, Сальвадоре, ЮАР и других странах, оказались для США в числе «дружественных стран» «третьего мира». Разумеется, это вызывает ответную признательность. Орган деловых кругов ЮАР журнал «Файнэншл мейл» с удовлетворением отмечал: «Пария или нет, ЮАР остается без сомнения членом западной семьи государств. Хотя мы и нарушаем некоторые из основных принципов демократии, мы остаемся авторитарными, а не тоталитарными по своей природе»³⁰.

Что касается развивающихся стран, активно проводящих политику неприсоединения, установивших широкие связи с системой социализма, то они, согласно этой концепции, заслуживают блокады, «санкций» или «спасения» от господства «идеологии закрытого тоталитарного общества». Национально-освободительное движение с этой точки зрения направлено на замену авторитарных режимов тоталитарными и поэтому подлежит уничтожению в ходе борьбы с «международным терроризмом». «Необходимо убедить наиболее влиятельные группы в развивающихся странах, так же как и мировое общественное мнение, в том, — подчеркивалось в документе «План Киркпатрик», — что любые тенденции в социальном развитии стран „третьего мира“, которые идут вразрез с нашим историческим, политическим и экономическим опытом, являются результатом международного терроризма и несут с

собой угрозу установления советского господства»³¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных методов, применяемых империализмом против национально-освободительного движения в рамках кампании борьбы с «международным терроризмом», следует хотя бы в общих чертах показать, как буржуазные ученые и политики определяют понятия «терроризм» и «международный терроризм».

В большинстве случаев эти определения носят чрезвычайно общий характер. Стало уже традицией в послевоенной буржуазной социологии формулировать весьма широкие определения, чтобы политическим деятелям оставалась свобода маневра, чтобы можно было легко интерпретировать их в соответствии с меняющимся уровнем понимания «национальных интересов». Типичным в этом плане является определение терроризма, предложенное Р. Шульцем, с которым солидаризируются исследователи из университета Южной Флориды Р. Тэйлор и Х. Вэнден: «Теоретически политический терроризм включает угрозу или использование насилия с целью достижения специфического набора политических стремлений или целей»³². По мнению сотрудников ЦСМИ, терроризм означает «вид насилия — реального или угрозы, — используемого для политических целей, но вне контекста всех нормальных политических отношений»³³. Специалисты из Скрэнтонского университета (штат Пенсильвания) Ф. Дивайн и Р. Раффалко трактуют этот термин как «насилие, направленное в качестве политической стратегии против невинных людей»³⁴. Эти и им подобные определения открывают перед политиками-практиками очень широкие возможности самостоятельной интерпретации того, что считать «насилием», «нормальными политическими отношениями», «политической стратегией» или «невинными людьми».

С другой стороны, ряд исследователей неоправданно заужает само это понятие, включая в него только характеристики, связанные с политической конъюнктурой или родом их собственной деятельности. «Термин „терроризм“, — пишет, например, профессор международных отношений из Абердинского университета (Англия) Р. Уилкинсон, — сейчас широко используется для обозначения систематического использования террора неправительственными

агентами»³⁵. Многие представители администрации Рейгана отказываются применять этот термин к деятельности государств. Вместе с тем и Дженкинс, и Дивайн, и Рафалко, и ряд других американских исследователей полагают, что «правительства также могут быть террористическими»³⁶. Универсальный словарь Вебстера вообще трактует терроризм как «метод правительства по инспирированию террора через акты жестокости и дикости»³⁷.

Некоторые специалисты полагают, что непременным атрибутом терроризма является апеллирование к общественному признанию, стремление к широкой известности, чему способствуют современные средства массовой информации. «Террорист принимает на себя публичную ответственность за акт, скажем, информируя прессу», — указывают Дивайн и Рафалко. Они сравнивают терроризм с «гражданским неповиновением». Такие акты, по их мнению, должны быть публичными³⁸. Аналогичного взгляда придерживается и Дженкинс, который пишет: «Террористические акции обычно осуществляются таким образом, чтобы получить максимум „паблисити“»³⁹.

Думается, подобная характеристика, как и отрицание возможности государства, правительства быть террористическим, не только излишне сужает определение терроризма, но делает его не соответствующим объективной реальности. В очень многих случаях террористы прямо избегают любой известности, и это особенно справедливо для государственного терроризма. Так, например, никто не взял на себя ответственность за убийство 4 ноября 1982 г. испанского генерала Лаго Романа. Обозреватели полагают, что с ним рассчитались франкисты за то, что возглавляемая им элитная, самым каудильо выпестованная бронетанковая дивизия «Брунете», стоящая ближе всего к Мадриду, не вышла из казарм 27 октября, в последний перед всеобщими выборами день, выбранный испанской реакцией для новоготчуга.

Администрация Рейгана выработала собственную трактовку этого термина, понимая под ним нарушение прав человека насильственными действиями, направленными против существующих институтов и правительств, представляющих цивилизацию

такой, какой ее хотят видеть сами творцы вашингтонской политики⁴⁰. То есть терроризм сознательно связывается с силами, бросающими вызов реакционным режимам — союзникам Соединенных Штатов⁴¹.

Безосновательно объявляя террористическими левые революционные группы и движения в развивающихся странах, вашингтонские политики не желают признавать таковыми правые реакционные организации. В случае с Сальвадором, отмечают Р. Тэйлор и Х. Вэнден, «этот термин используется, чтобы описывать все действия оппозиционных сил (против статус кво), в то время как документально подтвержденный терроризм сил безопасности игнорируется или оправдывается, поскольку он может оказаться необходимым средством для удержания нынешнего сальвадорского режима у власти»⁴². Впрочем, если исходить из определения терроризма как «незаменимого тактического и стратегического орудия в борьбе СССР за власть и влияние внутри и между государствами»⁴³, которое дает один из ведущих «антитеррористических экспертов» рейгановской администрации профессор ЦСМИ Александр, то не приходится удивляться, что бывшие национальные гвардейцы кровавого диктатора А. Сомосы оказываются, по утверждениям Рейгана, «борцами за свободу», а сальвадорская хунта — «борцом за права человека».

Видимо, определение терроризма должно включать в себя не только характеристику того, кто его осуществляет (здесь возможны самые разнообразные комбинации), но и его цели, против кого он направлен, характеристику того особого метода, того специфического средства, которое, собственно говоря, и выделяет терроризм из множества других видов деятельности, преследующих политические цели. Этим средством является террор — «великий страх, боязнь, тревога»⁴⁴.

Один из первых исследователей политического терроризма Ежи Васиорский еще в 1939 г. указывал: «Терроризм — это метод действия, с помощью которого агент стремится произвести террор, чтобы установить свое господство»⁴⁵. Иначе говоря, для достижения поставленных целей предусматривается создание обстановки жестокости, страха и отчаяния.

Причем в данном случае главными объектами являются не военно-стратегические цели, войска противника, а все население. В этом, в частности, состоит одно из главных отличий терроризма от обычных военных действий, которые зачастую также способны породить атмосферу террора.

В соответствии с международными нормами в условиях военных действий гражданское население не должно являться объектом нападения. В принятой по этому вопросу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2675 (9 декабря 1970 г.) указывается: «Осуществляя военные операции во время вооруженных конфликтов, необходимо всегда проводить различие между лицами, принимающими активное участие во враждебных действиях, и гражданским населением», которое «не должно быть объектом военных операций». Если государство, вовлеченное в конфликт, применяет свой военный потенциал против населения в целом, то оно осуществляет государственный терроризм.

Принимая во внимание вышесказанное, можно заключить, что терроризм — это вызывающая страх и отчаяние насильственная деятельность, преследующая политические цели и направленная главным образом не против военно-стратегических объектов, а против гражданского населения. В зависимости от обстоятельств эту деятельность может осуществлять государство, правящая или оппозиционная политическая партия, неправительственная организация или группа лиц. Использование насилия для достижения политических целей не означает автоматически, что прибегающая к тем или иным репрессивным мерам организация — террористическая. Здесь существенно важно то, вытекает ли применение крайних мер из объективно обусловленного, классового характера организаций, или является вынужденным средством самозащиты, ограничено ли это насилие стратегическими, военными объектами, или направлено против гражданских лиц.

Скажем, вооруженные акции национально-освободительного движения не могут считаться террористическими, так как: 1) эти движения, представляя и защищая коренные интересы большинства народа, объективно не нуждаются в насильственных

методах; последние хотя и возникают закономерно на определенном этапе борьбы за независимость, но вытекают не из природы самого движения, а являются вынужденной реакцией на внешнюю среду, внешние обстоятельства; 2) насилие применяется этими движениями против колониализма и неоколониализма, его ставленников и сателлитов, а не против гражданского населения; 3) вооруженными акциями эти движения не стремятся возбудить страх и отчаяние, а, наоборот, хотели бы вырвать массы из атмосферы террора, жестокости и апатии, в которых пытаются удержат большинство населения силы реакции и неоколониализма; 4) национально-освободительные движения (подлинные, а не прикрывающиеся лишь этой вывеской) используют вооруженные методы лишь в тех случаях, когда иные (мирные, ненасильственные) средства не дают и по разным причинам объективно не могут дать желаемых политических результатов.

В советской научной литературе проблема международного терроризма рассматривалась главным образом с юридической точки зрения. Значительный вклад в исследование данного феномена внесли работы И. П. Блищенко, Л. Н. Галенской, Н. В. Жданова, Д. Б. Левина, П. С. Ромашкина, В. Д. Терехова⁴⁶. В трудах этих и других авторов указывается, что хотя предметом международного терроризма (т. е. тем, на что он непосредственно направлен) может выступать фактически любая материальная вещь или физическое лицо, но объектом его является международный правопорядок. «Международный терроризм, — пишет Ляхов, — это насильственные акты, выражающиеся в действии физического лица (преступной организации лиц), тайно организуемые или допускаемые противоправно и виновно как действующим, так и бездействующим государством (государствами); наносящие ущерб конкретному предмету (предметам) международного правопорядка и международным правоотношениям в целом»⁴⁷.

Исследователь считает важным не включать в определение этого понятия акты обычного уголовного бандитизма, носящего, может быть, и интернациональный характер, и насильственные действия, осуществляемые на основе сложившегося междуна-

родного правопорядка. С этих позиций насильственные акции, применяемые в ходе национально- и социально-освободительной борьбы народов и государств, осуществляемые на основе важнейших принципов современного международного права — суверенитета, права наций на самоопределение, — не попадают в графу «международный терроризм»; и наоборот, к такому с полным основанием следует отнести насильственную деятельность субъекта неокolonialизма, направленную против этих важнейших принципов и наносящую поэтому ущерб сложившимся правоотношениям на мировой арене.

Исходя из вышеприведенных критериев, необходимо весьма осторожно подходить к поставляемым буржуазными средствами массовой информации статистическим данным о терроризме. Хотя они, возможно, и правильно отражают общую тенденцию к усилению данного вида деятельности, но включают, как правило, все вынужденно-насильственные акции национально-освободительных движений (например, АНК, ООП) и исключают многие преступные деяния буржуазных государств по нападению «закона и порядка».

Как и в случае с терроризмом, представители империалистических государств, ряд идеологов неокolonialизма стремятся дать возможно более широкое определение международного терроризма⁴⁸ с тем, чтобы оно покрывало активность национально-освободительного и других прогрессивных движений и организаций. И здесь совершенно прав член-корреспондент АН СССР Г. Ким, когда отмечает, что «от попыток представить национально-освободительное движение как выражение „международного терроризма“ веет откровенным цинизмом и дремучим невежеством, ибо к продуктам международного терроризма надо причислять, если следовать логике Белого дома, все суверенные, независимые национальные государства, освободившиеся от колониального угнетения, кстати говоря, и сами Соединенные Штаты Америки»⁴⁹.

Как правило, к международному терроризму относят практически любые насильственные акции, получающие поддержку и содействие из-за рубежа: когда, например, люди прибывают из-за границы, чтобы осуществить нападение на выбранный

объект; когда сам объект атаки имеет международные связи (например, дипломаты, крупные деловые представители иностранных корпораций); когда нападению подвергаются самолеты международных линий или самолеты внутренних линий угоняются в другую страну, и т. д.

Хотя, как уже отмечалось, число террористических актов увеличивается и затрагивает все большее число стран, распределяются они весьма неравномерно. Составляемая в «Рэнд корпорейшн» с 1968 г. хронология совершаемых в мире преступлений этого вида, охватывающая 117 стран, показывает, что приблизительно половина зарегистрированных актов террора произошла только в 10 государствах; большинство из них, по данным того же источника, — в Западной Европе, затем в Латинской Америке, на Среднем Востоке и в Северной Африке. Значительно меньше их приходится на Азию и Тихоокеанский бассейн. Исследование политических убийств в 123 странах, проведенное в Американском университете под руководством Т. Снитча, показало, что в период с 1968 по 1980 г. включительно только в «нерыночных социалистических странах и скандинавском блоке» не совершались эти тягчайшие преступления⁵⁰. В связи с этим некоторые заокеанские деятели с сожалением признают, что страны социализма «обеспечивают плохую обстановку для терроризма»⁵¹.

В несоциалистическом мире различные гангстерские организации и группы, оперирующие на международном масштабе, тесно связаны между собой, помогают друг другу оружием, деньгами, предоставляют убежище, возможности для отработки определенных навыков, подчас участвуют в совместных акциях или вспомогательных операциях, но в отличие от Клэр Стерлинг ни один серьезный исследователь терроризма на Западе не обнаружил наличия единой сети террора в мире, которая бы «управлялась из Москвы». «Нет свидетельств о наличии единого мозга»⁵², — пишет Б. Дженкинс. «Хотя „Красные бригады“ могут следовать промарксистской философии, — подчеркивает Т. Снитч, — это не означает, что они связаны с Советским Союзом в осуществлении политических убийств. Популярный тезис о наличии глобальной

„террористической сети“ не может быть документально подтвержден»⁵³. В ЦСМИ пришли к заключению, что «субнациональные террористические группы выросли в самосохраняющиеся организмы; и нет органической необходимости в тайном руководстве»⁵⁴. Вместе с тем именно ЦСМИ внес значительный вклад в создание для администрации Рейгана так называемого «списка стран, поддерживающих терроризм». Попавшие в этот список развивающиеся и социалистические страны подлежали различным торгово-экономическим и политическим санкциям точно так же, как во времена Картера страны, не отвечавшие американской концепции «прав человека». Особенность позиции ЦСМИ состоит в том, что он не считает СССР единственным или главным центром международного терроризма. К таковым, кроме Кубы, отнесены развивающиеся государства социалистической ориентации, такие как Ливия, Сирия, НДРГ и другие. Проявившиеся здесь субъективизм и конъюнктурность наглядно подтверждаются, к примеру, таким фактом: стоило правительству С. Хусейна несколько изменить свою антиамериканскую политику, как в Вашингтоне сразу же вычеркнули Ирак из упомянутого выше «черного» списка.

Попытки отнести рост терроризма на счет осведомившихся стран также опровергаются объективными данными. Исследователи приходят к выводу, что «нельзя доказательно подтвердить теорию, будто развивающиеся государства более насильственны в смысле политических убийств, чем развитые. ...Более того, в развивающихся государствах в настоящее время происходит меньше убийств, чем в развитых странах»⁵⁵. Тем не менее политические лидеры Запада, и прежде всего США, не только продолжают отождествлять национально-освободительное движение с «международным терроризмом», но и пытаются обосновать необходимость применения самых безжалостных методов в борьбе с ним. Для этого наряду со сверхшироким политическим определением терроризма, рассмотренным выше, они используют и функциональный подход, абстрагирующийся от, так сказать, «онтологической» стороны этого социального феномена. Примером функционального определения

терроризма может послужить то, которое Давид Фромкин дает в статье «Стратегия терроризма»: «Терроризм — это косвенная стратегия, которая приводит к успеху или к поражению исключительно в зависимости от того, как вы реагируете на нее. Решение о том, насколько податливы или насколько бескомпромиссны вы должны быть в вашем ответе на него, включает вопросы, лежащие в основном в сфере политической философии... Терроризм выигрывает только в том случае, если вы реагируете на него так, как хотят того террористы; это означает, что их судьбой распоряжаетесь вы, а не они сами»⁵⁶.

Отталкиваясь от подобных концепций, правящие круги Запада выводят философское обоснование беспощадности борьбы с «международным терроризмом». Люди, возглавляющие «антитеррористические» подразделения США, убеждены, что выполнять требования террористов — все равно что провоцировать новые насильственные акты. Террористов нельзя умиловить, их можно только остановить силой оружия. Однажды пойти на уступки терроризму — значит, по их мнению, превратить его навечно в самоускоряющийся, самосохраняющийся процесс. Если вспомнить, что вкладывают в понятие «международный терроризм» идеологи и политики государственно-монополистического капитализма, то станет ясно, что эту бесчеловечную, действительно террористическую тактику они рекомендуют применять против борцов за национальное и социальное освобождение.

В 80-х гг. мир стал свидетелем целого ряда новых опасных последствий неоколониалистской политики государственно-монополистического капитала в целом и кампании борьбы с «международным терроризмом» в частности, последствий, которые, в свою очередь, служат источниками роста терроризма, усиления реакционных, милитаристских тенденций, присущих империализму. К непосредственным результатам непомерно раздутой на Западе вокруг этой проблемы кампании можно отнести следующие:

1. Одобрен целый ряд новых «антитеррористических» законов и поправок, усилены самостоятельность и влияние органов безопасности и раз-

ведки. 10 ноября 1982 г. на заседании кабинета министров Французской Республики было принято решение, серьезно ограничивающее давние исторические традиции этой страны предоставлять политическое убежище. Декларировав, что преследуемая политическая цель не может оправдать «неприемлемые» средства, министры постановили, что отныне неугодные политические эмигранты (прежде всего замешанные в насильственных акциях) будут высылаться в страны, где существуют основные гражданские свободы, и будут отвергаться просьбы о выдаче эмигрантов, поступающие лишь от «недемократических» правительств. Поскольку при этом критерий «демократичности» и «недемократичности» никак не определен, постольку разведывательные органы, министерства юстиции и иностранных дел могут решать по собственному усмотрению, как поступать с политическими оппонентами «друзей» и «врагов» Франции в «третьем мире».

Правительство М. Тэтчер предложило парламенту принять закон, восстанавливающий в стране смертную казнь за «акты терроризма». В марте 1983 г. голосами консервативного большинства продлено действие принятого еще в 1976 г. закона «о предотвращении терроризма». Этот закон дает полиции право задерживать «подозреваемых» безо всяких оснований лишь «для получения информации». На основании этого закона только за последние 3 месяца 1982 г. было задержано 233 человека, хотя позднее обвинения были предъявлены лишь 88. А всего за время действия данного закона были арестованы 5555 человек и 4900 из них подверглись этому безосновательно.

Канадское правительство внесло в парламент проект закона о создании нового полицейского ведомства по защите государственной безопасности и борьбе с терроризмом. Оно получает широкие полномочия при наличии подозрений вскрывать личную корреспонденцию, производить обыски, задерживать лиц и значительно ущемляет личные права и свободы граждан. Хотя за последними оставлено право жаловаться на действия представителей нового ведомства генеральному прокурору

Канады, но не указывается, какие меры могут применяться по этим жалобам.

В США закон о помощи иностранным государствам 1961 г. был дополнен положением, предусматривающим, чтобы ни Организация Освобождения Палестины, ни «какая-либо другая организация партизанского типа, вовлеченная в акты терроризма», не получала ничего из фондов иностранной помощи. Уместно заметить, что принятый в 1949 г. устав органов американской разведки практически забыт. Сейчас их деятельность направляется исполнительными приказами, которые каждая новая администрация вправе дополнять и изменять.

В одобренной весной 1950 г. президентом Г. Трумэнem секретной директиве Совета национальной безопасности № 68 ставилась, например, задача «посеять внутри советской системы семена ее разрушения», для чего предписывалось «поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах-соседах Советского Союза». Во исполнение названной директивы 10 октября 1951 г. конгресс США одобрил закон о финансировании деятельности «любых отобранных лиц... поддерживающих организацию Североатлантического договора...».

После уотергейтского скандала и рассмотрения в комиссиях сената и палаты представителей, мягко скажем, неблагоприятной практики разведдеятельности ЦРУ за границей, когда всплыли документально подтвержденные свидетельства о террористической активности «рыцарей плаща и кинжала» внутри США и за рубежом⁵⁷, президент Форд издал в феврале 1976 г. исполнительный приказ, серьезно ограничивающий возможности вмешательства разведорганов в личную жизнь американцев. А его преемник Картер подписал в январе 1978 г. приказ, который требовал от директора ЦРУ согласовывать наперед наиболее щекотливые акции с Советом национальной безопасности. При Картере конгресс имел право потребовать детальный доклад об определенных операциях, для чего учреждались две постоянные комиссии по рассмотрению разведывательной активности.

Приход к власти Рейгана ознаменовался подписанием 4 декабря 1981 г. нового приказа о деятельности разведорганов США, который отменял картеровский статут и фактически, как считают специалисты, создавал «секретную полицию, которая сможет оперировать тайно за границей и внутри страны»⁵⁸. Как пояснил сам президент в сопроводительном заявлении, «„в век терроризма“ только такая мощная разведывательная организация способна сдерживать враждебные действия, не уважающие ни наши свободы, ни право частно-предпринимательской деятельности»⁵⁹. Рейган считал излишней необходимость представлять все рискованные операции на рассмотрение Совета национальной безопасности, разрешил не только ФБР, но и другим службам собирать разведывательную информацию внутри страны, узаконил слежку за американцами за рубежом и позволил проводить тайные акции на территории США, направленные на достижение внешнеполитических целей.

В 1980 г. была модифицирована принятая в 1974 г. поправка Хьюса-Райяна к закону о помощи иностранным государствам. Эта поправка требовала от президента сообщать обо всех тайных акциях «соответствующим комиссиям конгресса» (имелись в виду 8 комиссий—по делам армии, разведки и иностранным отношениям). Ныне же президент стал обязан сообщать эту информацию только двум комиссиям по разведке. Администрация Рейгана резко сократила публикацию несекретных разведывательных докладов. В июне 1982 г. конгресс принял закон о защите разведчиков, делающий преступлением раскрытие настоящих имен тайных агентов, что было расценено специалистами этого дела как «крупный шаг в правильном направлении»⁶⁰. Такая завеса секретности над разведывательными органами капиталистических стран, их неподотчетность даже номинально избранным «представителям народа» в законодательных ассамблеях позволяют, во-первых, использовать их в интересах наиболее реакционных, агрессивных кругов монополистического капитала; во-вторых, устраняют последние ограничения на пути широкого применения самых изощренных террористических приемов против национально-осво-

бодительного движения, прогрессивных политических лидеров.

Характерным примером в этом отношении явился случай с «подразделением по помощи разведке». Оно было создано в рамках сухопутных сил США сразу после того, как провалилась акция ЦРУ по освобождению американских заложников в Иране (1980 г.), однако конгресс обнаружил существование этого особого армейского подразделения лишь в 1983 г.

Стремясь получить еще большую свободу рук в развивающемся мире, администрация Рейгана провела в июне 1983 г. через Верховный суд США решение, отменяющее существовавшее с 1932 г. так называемое «законодательное вето». Это, на первый взгляд, процедурный вопрос имеет очень важное политическое значение и, безусловно, будет иметь серьезные и далеко идущие последствия для характера и формы внешнеполитического курса Вашингтона.

Процедура «законодательного вето» состояла в том, что конгресс мог простым большинством голосов заблокировать практически любое решение администрации, если он с ним не соглашался. Это давало возможность ограничивать злоупотребления властью со стороны администрации, что имело особенно большое значение в тех случаях, когда принимались решения, определяющие внешнеполитический курс правительства. Скажем, закон о военных полномочиях 1973 г., учитывая горький урок поражения во Вьетнаме, декларировал, что конгресс может принудить президента вывести войска США, если они окажутся вовлеченными во враждебные действия в других странах; закон об одобрении военных ассигнований 1975 г. был принят с оговоркой, согласно которой конгресс мог ограничить экспорт определенных военных и технологических товаров; законом о контроле над вооружениями и помощи в области международной безопасности 1976 г. конгрессу предоставлялось право отменять президентское решение о продаже военного снаряжения иностранному государству; закон о ядерном нераспространении 1978 г. позволял конгрессу положить конец любому соглашению о складировании или утилизации использованно-

го ядерного топлива и об экспорте ядерных материалов или технологии и т. п.

Упомянутым выше решением Верховного суда все эти «законодательные вето» были объявлены «неконституционными». По новой процедуре, если конгресс намеревается выразить несогласие с действиями администрации, он должен принять в обеих палатах закон и получить под ним подпись главы Белого дома. В том случае, если президент наложит вето на законопроект (а он может и не накладывать его, затягивая время достаточно долго, чтобы успеть завершить, например, военную авантюру за рубежом), то конгресс сможет его отменить лишь двумя третями голосов. Таким образом, отмена Верховным судом США права конгресса на «законодательное вето» явилась еще одним, и очень важным, шагом на пути усиления позиций исполнительной власти не только в проведении, но и в определении американской внешней политики.

2. Происходит резкое усиление личной охраны лидеров бизнеса и политических деятелей в странах капитала практически на всех уровнях. Президент Франции Ф. Миттеран и министр иностранных дел Клод Шейсон отправились 13 января 1983 г. в зарубежную поездку в окружении десятков жандармов-телохранителей. Представитель французского правительства подтвердил, что для тщательной охраны Ф. Миттерана было образовано особое подразделение безопасности, включающее от 40 до 50 профессионалов-телохранителей. Э. Коч, когда стал мэром Нью-Йорка, имел трех телохранителей, 28 ноября 1982 г. телекомпания Си-Би-Эс сообщила, что теперь их уже 28, а сам мэр все реже рискует появляться на митингах, собраниях без пуленепробиваемого жилета. Впервые в американской истории на Новый 1982 год президент США, находящийся в своей вашингтонской резиденции, не решился выйти и зажечь огни на традиционной рождественской елке, установленной рядом с Белым домом. Ждали «атаки ливийских террористов». «Уже не имело значения,— пишут сотрудники ЦСМИ,— существовала ли в действительности ливийская ударная группа. Сама угроза заставила президента свернуться в „стальной кокон“ и, похоже, парализовала американское правительство»⁶¹.

Развязанная антитеррористическая истерия еще больше изолирует политических лидеров Запада от выборных округов; позволяет, под предлогом борьбы с терроризмом, вести наступление на демократические права и свободы, завоеванные трудящимися массами в ходе многолетней классовой и общедемократической борьбы; используется для оправдания агрессивных, экспансионистских акций в развивающемся мире перед собственным народом и международной общественностью.

3. Увеличивается количество и усложняется структура органов безопасности, образуются особые антитеррористические подразделения, которые самым фактом своего существования обязаны реальной, а чаще выдуманной угрозе терроризма и потому склонны всячески пестовать и раздувать эту угрозу. «В разведывательное сообщество» США помимо ЦРУ входят соответствующие службы трех видов вооруженных сил, агентство национальной безопасности, ФБР, специализированные отделы и бюро различных министерств и ведомств. Всего в нем занято 200 тыс. человек и гораздо большее количество работает по его заданиям. В 1984 финансовом году на деятельность этой огромной шпионской армии ассигновано 17 млрд. долларов.

Почти во всех западных странах организованы особые специализированные подразделения по борьбе с терроризмом. В ФРГ это GSG-9 (Grenzschutzgruppe), в США — «Дельта форс» (the Delta Force), в Израиле — «Сайерет» (the Saiyeret) и т. д. В Соединенных Штатах создали даже специальную «Красную команду», которая имитирует террористические атаки на различные объекты, обеспечивая тем самым приближенную к действительности тренировку для сил безопасности и антитеррористических формирований.

С начала 80-х гг. широко практикуется инфильтрация в ряды движений и организаций, относимых к разряду террористических. На встрече с журналистами 19 января 1982 г. Рейган заявил: «Я думаю, что остановить разгул терроризма в мире невозможно без того, чтобы наши люди не проникли в ряды террористов. Это дало бы нам возможность узнавать о планах террористов и заранее принимать меры безопасности».

В действительности эта мера направлена не столько на достижение контроля над некоторыми ультралевыми группировками, практикующими террор, сколько на подрыв изнутри левых, наиболее революционных организаций национально-освободительного движения, таких как Организация Освобождения Палестины (ООП), Африканский национальный конгресс ЮАР (АНК) и др. Она имеет также еще одно выгодное для правящих империалистических кругов побочное следствие: если теперь агенты ЦРУ будут пойманы с шайкой наемников или среди заговорщиков, планирующих государственный переворот, то всегда можно будет заявить, что оказались они там исключительно с благой целью — контроля над терроризмом.

Разведывательное сообщество Запада само инспирирует и поощряет международный террор и само же спекулирует на нем, добиваясь увеличения ассигнований, расширения штатов и т. п. Причем при всем старании спецслужб мировой общественности так и не было представлено ни одного доказанного факта поддержки социалистическими странами действительно террористических организаций. Как писал итальянский журнал «Панорама», «единственной разведывательной службой, прямое вмешательство которой в итальянскую политику было доказано конгрессом, а ее насильственные и кровавые акции с целью изменения внутривосточной обстановки широко продемонстрированы в других странах — от Греции до Чили, — является ЦРУ»⁶².

Буржуазная пропаганда назойливо пытается внушить общественному мнению, что ЦРУ — это «государство в государстве», что, мол, администрация не в состоянии контролировать, а следовательно, и нести ответственность за многообразную активность управления. Это, безусловно, миф. В разоблачениях и расследованиях, проведенных после Уотергейта, было документально доказано, что ЦРУ послушно служит вашингтонской администрации и американским ТНК⁶³. В то же время не следует забывать о сильной обратной связи. Это шпионское ведомство в определенной степени участвует в формулировании внешнеполитического курса, по-

ставляя соответствующие фактические данные, готовя секретные доклады с оценкой экономического положения и социально-политической ситуации в отдельных странах.

Некоторые представители военно-промышленного комплекса США даже считают, что тайные диверсионные операции ЦРУ в конечном итоге всегда дают негативный результат, подрывают его способность собирать достоверную информацию, что должно быть главной обязанностью ЦРУ⁶⁴. Однако при Рейгановской администрации верх берут иные мнения. Провал миссии по освобождению американских заложников в Иране, считает профессор стратегии военно-морского колледжа США Т. Эцольд, не означает, что Соединенным Штатам следует отказаться от проведения подобных операций, необходимо лишь значительно усилить их обеспечение и подготовку к ним⁶⁵.

4. Свобода печати, которая всегда имела в развитых капиталистических странах вполне определенные пределы, еще более ограничивается в связи с «антитеррористической» кампанией. При этом со стороны заинтересованных кругов отчетливо просматривается стремление доказать, что террористы эффективно используют в собственных интересах отсутствие строгого контроля в области информации. Такого мнения придерживаются, в частности, специалисты ЦСМИ⁶⁶, выделяющие три основные взаимосвязанные задачи, которые средства информации призваны решать: 1) сообщать новости; 2) не делать ничего такого, что ставило бы под угрозу человеческую жизнь; 3) поддерживать существование демократии. Современные средства массовой информации Запада, по их мнению, плохо справляются с выполнением этих задач. «Если говорить о долговременном воздействии средств массовых коммуникаций, — пишут они, — т. е. институционализации политического насилия, исходящего от программы новостей в 6 часов вечера, долгосрочного эффекта, который может иметь на детей и молодежь показ того, что президенты — это люди, в которых стреляют, что политические и общественные деятели должны обязательно быть окружены телохранителями, что насилие является средством решения проблем, — то мы в действительно-

сти не знаем, каковы будут долговременные последствия этих утверждений»⁶⁷.

Наступление на «независимые» средства информации Запада в связи с «антитеррористической» кампанией идет по двум основным направлениям: 1) принимаются новые ограничительные законы; 2) расширяется и усиливается контроль над ними со стороны исполнительной власти. К примеру, закон о защите разведчиков ставит практически на одну доску агентов ЦРУ и «свободную прессу» Запада, предусматривая жесткие санкции против журналистов и редакций, позволяющих себе хоть изредка писать правду о неприглядной деятельности разведывательного сообщества⁶⁸.

Буржуазные средства массовых коммуникаций не только выступают как цель для некоторых акций террористов и как жертва правительственных мер по борьбе с ними, но активно включаются в инспирированную кампанию по нагнетанию страха, отчаяния, по идентификации с терроризмом действий освободительных и прогрессивных движений. Комментаторы радио и телевидения США, например, сначала называли иранцев, захвативших американское посольство в Тегеране, студентами, через некоторое время — похитителями и, наконец, на них был прочно наклеен ярлык «террористов».

18 января 1983 г. в Колумбийском университете Нью-Йорка состоялся диспут на тему «Терроризм и средства массовой информации». Участвовавшие в нем государственные служащие, преподаватели, студенты, представители средств массовой информации неоднократно наталкивались на вопрос (как казалось, вопреки желанию его организаторов) о двуличном, конъюнктурно-беспринципном характере кампании администрации США по борьбе с «международным терроризмом» и ее отражении в «масс медиа». В тупик поставил организаторов вопрос из зала, почему телевидение ничего не показало о террористической акции «фэбээровцев», которые, охраняя сборище нацистов и куклуксклановцев в Северной Каролине в 1979 г., убили профсоюзных активистов, мирно протестовавших против него. Не потому ли имеет место избирательный показ насильственных акций, что только люди при власти и деньгах имеют доступ на телевидение? Четко слы-

шен усиленный переносным микрофоном следующий непростой вопрос из зала: почему захват мундента в Вашингтоне одним человеком с угрозой его взорвать (пустой, как оказалось) получил больше освещения в «масс медиа», чем миллионная антивоенная демонстрация в Нью-Йорке в июне 1982 г.?

Косвенно на эти вопросы ответил участвовавший в диспуте бывший спикер госдепартамента, который откровенно сказал, что именно правительство определяет для «медиа», как характеризовать людей, совершивших те или иные преступления. Поэтому, добавил он, ничего и не было принято против советских граждан, силой захвативших самолет и живущих сейчас в США. Когда обозреватель телекомпании Эй-Би-Си Тед Коппель задал вопрос представителям телебизнеса: «Если советские граждане похитят самолет и полетят на Запад, будете ли вы освещать их иначе, чем если бы в подобную акцию были вовлечены представители других стран?», бывший президент телесетей Си-Би-Эс и консультант телекомпании Эн-Би-Си ответили утвердительно.

5. В 80-х гг. резко усилилась социально-психологическая обработка населения западных стран, преследующая цель вызвать страх, отчаяние, запугать людей и заставить их тем самым автоматически поддерживать любые акции правительства, которые оно сочтет нужным предпринять под флагом борьбы с терроризмом или с якобы поддерживающими его социалистическими странами. Кроме уже упоминавшегося увеличения количества литературы по различным аспектам террористической деятельности, начинают выходить периодические издания по международному терроризму⁶⁹, вводятся специальные курсы лекций для студентов⁷⁰. Профессор Б. Лейзер из университета Де Мойна (США) не ограничивается чтением философского курса по терроризму, он организует имитирование различных террористических акций, где его подопечные выступают поочередно в роли террористов и жертв.

В подобные игры вовлекают в США, к сожалению, не только молодежь. В марте 1982 г. более тысячи представителей рейгановской администрации и некоторые бывшие высокопоставленные ва-

шингтонские чиновники разыграли «на полном серьезе» имитацию ядерного нападения на США. Согласно тщательно продуманному сценарию, на четвертый день войны президент (в исполнении бывшего госсекретаря У. Роджерса) был «убит». Вся полнота власти перешла в руки вице-президента (бывшего директора ЦРУ Р. Хелмса). После его «смерти» она еще четыре или пять раз передавалась другим лицам в строгом соответствии с таблицей о рангах Вашингтонской правительственной иерархии. В заключение Рейган лично поздравил всех участников, заявив, что теперь, «после того, что вы проделали, государству живется лучше». Отметим, что, согласно сценарию, на США было сброшено 500 мегатонн ядерных зарядов, что в 250 тыс. раз превышает силу бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Все больше конференций и симпозиумов на Западе делают главным предметом своего разговора вопросы террора и терроризма. В 1980 г. «Рэнд корпорейшн» организовала «международную конференцию по терроризму и конфликтам низкого уровня». Председателем ее оказался один из директоров «Рэнд корпорейшн», виднейший на сегодняшний день знаток терроризма в США Б. Дженкинс. Как бывший парашютист американских «зеленых беретов», служивший в Доминиканской Республике и во Вьетнаме, он знаком не только с теорией этого вопроса.

85-е ежегодное заседание Американской академии политических и социальных наук (апрель 1982 г.) было полностью посвящено проблеме «международного терроризма». С докладами выступил тот же Дженкинс, консультант по антитерроризму итальянского министерства внутренних дел Ф. Ферракути, профессор социологии и криминалистики Торонтского университета О. Терк, перешедший в 1979 г. работать в ЦСМИ Р. Купперман и многие другие теоретики и практики в этой области.

Определенный практический опыт, безусловно, имеет и сенатор от штата Алабама Дж. Дентон. Сбитый во время очередного «миротворческого» налета в небе Вьетнама, он провел несколько лет в плену. Возвратившись оттуда, вскоре возглавил подкомиссию конгресса США по безопасности и

терроризму, уже первые шаги которой дали веские основания сравнивать ее с известной комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, возглавлявшейся сенатором Дж. Маккарти. Акции прогрессивной общественности США, направленные на выражение солидарности с национально-освободительным движением, рассматриваются ею как усиливающие международный терроризм, зато ее совершенно не беспокоит активность неонацистских и ультраправых группировок в США.

6. Под предлогом борьбы с терроризмом правящие круги империалистических государств вводят различные санкции против социалистических и развивающихся стран. Как известно, Вашингтонская администрация объявила о введении санкций против Польши и СССР, когда для защиты социалистических завоеваний в декабре 1981 г. в ПНР было установлено военное положение. В марте 1982 г. Рейган объявил о прекращении импорта ливийской нефти и об отзыве американских технических специалистов из этой страны, ссылаясь на «инспирирование» Ливией «международного терроризма». Весной 1982 г. страны — члены ЕЭС и США наложили эмбарго на поставки многих товаров в Аргентину, когда последняя попыталась восстановить свой суверенитет над Фолклендскими (Мальвинскими) островами. Торгово-экономической блокаде подвергались Куба, Мозамбик, Гренада, Никарагуа, также обвиняемые в поддержке «международного терроризма».

Во многих случаях эти санкции еще более ухудшают и без того тяжелое положение развивающихся стран, способствуют росту массовой нищеты, обострению социальных и политических конфликтов. Практически безраздельное хозяйничанье США в большинстве государств Латинской Америки, манипулирование американской «помощью» и санкциями в качестве неоколониалистского «кнута и пряника» привели к тому, что в начале 80-х гг. из 357 млн. жителей этого региона 160 млн. проживали в крайней бедности, 30 % не умели ни читать, ни писать. Как подчеркнул президент Панамы Аристидес Ройо Санчес, «нищета и беспочвенность продолжают сказываться на жизни слаборазвитых стран, приводя к жестоким политическим конфрон-

тациям, государственным переворотам и различным формам терроризма»⁷¹.

Таким образом, направленные якобы на обуздание насилия санкции империалистических держав против освободившихся государств на практике лишь способствуют росту социальных причин, его порождающих. Анализ источников и последствий кампании борьбы с «международным терроризмом» показывает, что, выражая имманентно присущую империализму тенденцию к реакции, эта кампания развивается как самоускоряющийся (автокаталитический) процесс, где каждое следствие является одновременно причиной, импульсом его развития.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: МЕТОДЫ И СРЕДСТВА

Развернув мощное наступление на «международный терроризм» (читай: прогрессивные, национально-освободительные движения развивающегося мира), субъект неокOLONиализма не стесняется в выборе средств и методов борьбы. Используя регулярную армию, военных инструкторов, советников, специальные и разведывательные подразделения, наемников, контрреволюционных политических эмигрантов, силы империализма и реакции стремятся держать освободившиеся народы в постоянном страхе. Все чаще обстановка террора начинает рассматриваться на Западе как наиболее благоприятная для решения задач, стоящих перед политическим неокOLONиализмом.

Как известно, военная сила или угроза ее применения в свое время широко использовалась метрополиями для установления и укрепления колониального господства. Распад колониальной системы, образование десятков новых суверенных государств заставили некоторых стратегов неокOLONиализма пересматривать систему приоритетов для методов взаимоотношений с развивающимися странами. В начале 60-х гг. «Рэнд корпорейшн» даже сделала вывод о том, что «дипломатия канонеров» должна быть сдана в архив. Указывалось, что средства, необходимые для удержания какой-либо страны в сфере влияния США, должны быть по преимуществу экономическими, а не военными. Однако эта теория не была подкреплена практикой. В 1965 г. американские морские пехотинцы и авиадесантные части вторглись в Доминиканскую Республику, подавили народные выступления и поставили у власти контрреволюционную хунту. В том же году началась эскалация военных действий в Индокитае. Не только флот и ВВС, но и американская армия непосредственно включалась в боевые действия, поддер-

живая прогнивший марионеточный режим Южного Вьетнама. Весной 1970 г. президент Никсон отдал приказ о вторжении американских войск в Камбоджу.

В начале 80-х гг. военные интервенции и угрозы вторжения активно примесились США и их союзниками против развивающихся стран Азии (Ливан, Сирия), Африки (Чад, Ангола), Латинской Америки (Аргентина, Гренада, Никарагуа). Как отметил бывший посол США в Доминиканской Республике Дж. Мартин, за последние сто лет Соединенные Штаты осуществили 199 необъявленных военных агрессий за границей, в том числе 81 в Латинской Америке. В марте 1982 г. блок НАТО впервые провел военные маневры в Мексиканском заливе. Выступая перед подкомитетом по делам вооруженных сил палаты представителей конгресса США 3 марта 1983 г., адмирал Томас Хэйуорд заявил, что Пентагон активно изучает перспективы использования военно-морского флота и морских пехотинцев для защиты американских интересов в этом регионе¹.

В целом, если оценивать частоту и масштабность применения военной силы субъектом неоколониализма в современных условиях, то можно заключить, что «дипломатия канонерок» отнюдь не сдана в архив. Возросшая мощь главных революционных сил современности заставляет правящие круги империалистических государств реже прибегать к использованию оружия в обычных обстоятельствах, однако в кризисной для интересов Запада ситуации они активно и целенаправленно применяют его. Наглядным примером тому служит колониальная война Англии против Аргентины из-за Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 г.

Правительство М. Тэтчер рассматривало ее как политический и военный акт, призванный вселить страх перед английской мощью и, несмотря на чувствительные потери (7 кораблей, 20 самолетов и вертолетов, 256 убитых), облегчить для Англии решение всего комплекса неоколониалистских задач. Однако в данном случае оно просчиталось. Видимо, прав был Уинстон Черчилль, который в 1917 г., будучи министром военного снабжения, писал, что нельзя твердо быть уверенным, заставят ли массированные бомбардировки гражданского населения

покориться его своей судьбе, или вызовут еще большую решимость к сопротивлению².

Несмотря на определенную модификацию, имевшую место в средствах и методах политического неоколониализма: увеличение количества тайных операций, расширение института военных и иных «советников», интенсификация давления через международные организации, банки, ТНК и т. д., — регулярная армия по-прежнему остается наиболее надежным средством воздействия на молодые государства. Под влиянием изменений в международной обстановке и, в частности, уроков войны за Фолкленды началась реорганизация вооруженных сил ведущих империалистических держав. Впервые за многие годы не только шло их переоснащение более современными военно-техническими орудиями убийства, но видоизменялась, усложнялась их структура. Наряду с совершенствованием их основного ядра, традиционно ориентированного на войну против мировой системы социализма, в составе вооруженных сил создаются или разрастаются специальные подразделения, призванные наносить молниеносные мощные удары в различных точках земного шара, тренируются части, специально предназначенные для подавления «гражданских беспорядков» и партизанской войны. Как заявил председатель комитета начальников штабов США Эдвард Мейер, «перед армией 80-х годов стоит стратегическое требование быть готовой к беспрецедентной гибкости»³.

Для его реализации 9-ю пехотную дивизию решено превратить в гибкую, технологически и электронно высокооснащенную часть, способную так же быстро реагировать на кризисы, возникающие в различных точках планеты, как и элитная 82-я аэромобильная дивизия. Использование легких автомобилей и бронетранспортеров, новых видов оружия, современных средств ведения электронной войны, специально оборудованных вертолетов позволит этой дивизии, по мнению американских специалистов, нанести удар гораздо более сильный, чем тот, на который способна аналогичная современная механизированная часть. Переоснащение 9-й пехотной дивизии, более легкими видами оружия и боевой техники позволит затратить на ее переоборудование в районе Среднего Востока в два раза меньше авиарейсов, чем

сейчас требуется для переброски обычной дивизии.

Форт Левис в штате Вашингтон неподалеку от города Сиэтла превращен ныне в испытательный полигон для новых вооружений, предназначенных для использования главным образом в различных регионах развивающегося мира. Лазеры должны помочь «солдату завтрашнего дня» (выражение еженедельника «Ю. С. Ньос энд Уорлд рипорт») засечь цели для артиллерии, сложные компьютеры — перехватить и расшифровать радиопереговоры противника. Мобильные радарные установки следят за передвижением войск и позволяют точно определить даже в густом тумане, где находятся позиции врага. Специальные очки защищают глаза солдата от лазерных лучей. Вес пищевого рациона сокращается на 80 % благодаря облегченным упаковкам и высококалорийным продуктам, что уменьшает количество груза, который военнослужащий несет с собой в бой.

Известные всем миниавтомобили «багги» переоборудуются в вездеходную боевую машину, оснащенную ракетами, гранатометами, пулеметами, на которой два человека атакуют противника со скоростью 60 миль в час (около 100 км). Новый, более маневренный и быстрый, чем прежние модели, вертолет АН-64 с ультрасовременной противотанковой ракетной системой способен в считанные минуты доставить такие «багги» на передний край или в тыл противника. В форте Левис испытывается также управляемая компьютером 155-миллиметровая гаубица, способная стрелять 14-ю видами снарядов.

Грузовик новой модели способен копать укрытие, самозагружаться, разгружаться и делать многое другое, для чего сейчас используются пять автомобилей различных модификаций. На смену тяжелым гусеничным бронетранспортерам идут новые, легкие и быстроходные с четырьмя ведущими колесами. Мотоциклы заменяют традиционные американские «джипы». 9-й дивизии предполагается также придать особое подразделение роботов, которых можно было бы использовать при установлении минных полей и разминировании, для погрузочных работ. «Мы потратили 15 лет, — сетовал один из ее офицеров, — тренируясь использовать тяжелые вооружения для наименее вероятной угрозы — войны

в Европе — игнорируя другие опасности, такие как взрывоопасная ситуация на Среднем Востоке или партизанская война»⁴. Судя по последним событиям, военные стратеги США собираются в ближайшие годы исправить это «упущение».

В сентябре 1982 г. Пентагон принял решение создать «Командование по специальным военным операциям», которому подчинялись бы части особого назначения различных родов войск, обученные методам борьбы с «партизанами, диверсантами и террором» на территории освобожденных государств. Это, по мысли американского руководства, должно улучшить управление и координацию действий спецвойск («зеленые береты»), «рейнджеров» армии США («черные береты»), «специальных частей» ВВС и отрядов диверсантов-аквалангистов из состава ВМС США. Помимо этих боевых частей в состав нового «Командования» предполагается ввести специализированные подразделения для «психологической войны» и «гражданских акций» (т. е. организации «массового» недовольства и контрреволюционных выступлений). Основу интервенционистского корпуса США в развивающемся мире составляет морская пехота, насчитывавшая в начале 80-х гг. 192 тыс. человек. Ее действия обеспечивают 13 авианосцев с базирующимися на них 1050 военными самолетами, 65 кораблей-амфибий и 558 военно-транспортных самолетов-гигантов.

Тенденция к «беспрецедентной гибкости» проявила себя и в создании «сил быстрого развертывания» (СБР), предназначенных, как объяснял начальник штаба армии США генерал Б. Роджерс, для использования «в кризисных ситуациях» в районе Персидского залива или других горячих точках за пределами НАТО. В послании конгрессу «О положении страны» в январе 1980 г. Картер отмечал, что эти силы предполагается сделать очень гибкими, их состав будет меняться от боевой группы в несколько кораблей или несколько эскадрилий до формирования численностью в 100 тыс. человек, обеспеченных всем необходимым для автономного ведения боевых действий. Они будут находиться в состоянии постоянной готовности к быстрому развертыванию в любом регионе, имеющем стратегическое значение.

Все это преподносилось буржуазной пропаган-

дой как ответная мера на резко усилившуюся нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке, связанную с падением шаха Ирана, и на возникновение угрозы поставкам нефти из Персидского залива, якобы вызванной введением советского воинского контингента в Афганистан⁵. В действительности же указания о создании СБР (только без употребления названия) содержались в утвержденной 25 июня 1977 г., т. е. за два года до афганских событий и за полтора года до отъезда шаха из Ирана, директиве президента Картера ПД-18.

Еще более пристальное внимание развитию СБР уделила администрация Рейгана, наметившая довести их численность до 350 тыс. человек. В докладе министра обороны США конгрессу «Об ассигнованиях на программы развития вооруженных сил на 1983 финансовый год и на 1983—1987 финансовые годы» отмечалось, что в состав этого специального формирования планируется включить аэромобильную и механизированную дивизию, разведывательную воздушную бригаду, несколько воздушно-десантных дивизий, «рейнджеров», амфибийные части и подразделения морской пехоты, 2 эскадрильи стратегических бомбардировщиков, до 11 крыльев тактических истребителей ВВС, 3 боевые группы авианосцев, боевую группу надводных кораблей, 5 эскадрилий патрульных самолетов противолодочной авиации и т. д.

Чтобы достигнуть наивысшей мобильности СБР, их подчинили с 1 января 1983 г. новому «центральному командованию» (Сентком), в сферу действия которого включены 19 государств — Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовская Аравия, Оман, ЙАР, НДРИ, Египет, Иордания, Судан, Эфиопия, Джибути, Сомали, Кения, а также значительная часть Индийского океана, Персидский залив и Красное море. (Израиль, Ливан и Сирия отнесены к зоне действия штаба командования американскими вооруженными силами в Европе, находящегося в ФРГ.) Советские американцы справедливо подчеркивают, что задачи СБР не сводятся к обеспечению «„жизненных интересов“ США только в Юго-Западной Азии. Правительство Рейгана стремится приобрести потенциал для ведения воен-

ных действий в любом уголке мира, будь то крупная или малая война, выбирая место нанесения первого удара и развертывания своих войск ранее противника»⁶.

В апреле 1983 г. в Париже было объявлено о намерении сформировать по аналогичному образцу французский 47-тысячный корпус «сил быстрых действий», первые подразделения которого уже были использованы в операции «Манта» по спасению прозападного правительства Х. Хабре в Чаде и подавлению там национально-освободительного движения.

Не отстает от своих партнеров и Англия. После войны за Фолклендские (Мальвинские) острова она приступила к созданию мощной мобильной группировки войск, способной самостоятельно решать крупные военные задачи в отдаленных районах мира, что, по мнению представителей английского министерства обороны, «значительно улучшит способность Великобритании отвечать на неожиданные угрозы, возникающие вне Европы». Премьер-министр Великобритании М. Тэтчер внесла предложение организовать «силы быстрого развертывания Запада», которые можно было бы использовать не только в районе Персидского залива, но и в других частях мира. Это, дескать, стало бы «существенным сдерживающим Советский Союз фактором»⁷.

Такой же цели призваны служить и проектируемые Вашингтоном для Западной Африки региональные африканские вооруженные силы. В качестве первого шага в апреле 1981 г. в Либерию направилась сотня американских военнослужащих из спецвойск во главе с генералом Дж. Лутцем для «обучения военному искусству» местных солдат. Это первое вступление «зеленых беретов» на африканскую землю, но, судя по всему, не последнее.

С конца 70-х гг. субъект неокolonialизма начал осуществлять программу по созданию и расширению особой инфраструктуры в развивающемся мире, которая облегчала бы и делала более эффективным применение там военной силы. Имеется в виду расширение сети стратегических опорных пунктов: баз, складов оружия, временного или постоянного дислоцирования ударных соединений ВМФ и ВВС. Администрация Рейгана приняла пя-

тилетний план строительства новых и расширения уже существующих военных баз в районе Ближнего и Среднего Востока.

Для обеспечения успешного функционирования неоколониалистских «сил быстрого развертывания» империалистические государства усиливают нажим на некоторые развивающиеся страны с целью добиться от них разрешения на строительство баз, транспортных систем, предназначенных для использования при «чрезвычайных обстоятельствах». В начале 1982 г. было решено образовать совместные военные комиссии США — Марокко и США — Иордания. Одной из первоочередных задач, стоящих перед ними, было создание необходимых транспортных мощностей для военных целей. Пентагон запросил 21 млн. долларов на 1983 финансовый год специально для строительства аэродромов в Гондурасе и Колумбии, способных принимать современную боевую технику. Видимо, в Вашингтоне не исключают использования фосфорных, кассетных бомб в борьбе против «террористов» этих и соседних стран.

В обмен на «помощь» Пакистану Пентагон потребовал права использовать аэропорт в Карачи и авиабазу в Белуджистане. США намереваются установить на территории этой страны мощные подслушивающие устройства (вроде тех, что базировались в Иране) с тем, чтобы следить за обширными районами на советской, афганской и индийской территории. Опорным пунктом «ближневосточной группы» ВМС США стала военно-морская база Джуфайр в островном княжестве Бахрейн. Кроме того, здесь построены радиорелейные станции и пункты сбора информации со спутников связи, контролирующей бассейны Индийского океана. ВВС США используют авиационные базы Эль-Мухаррак и Эль-Химля. Укрепляется комплекс баз на острове Диего Гарсия, где, по некоторым данным, складывается ядерное оружие. Достигнута договоренность о строительстве военных баз в Сомали, Омане, Кении. Остров Масира, принадлежащий Оману, стал закрытым районом для иностранных журналистов. Он превращается в одну из крупнейших баз американского флота, действующего в Индийском океане. Здесь завершается реконструкция аэродро-

мов, которые будут в состоянии принимать различные виды современной реактивной авиации.

На Аравийском полуострове намечено создать систему командования, наведения и связи «С-3», которая свяжет воедино принадлежащие Саудовской Аравии истребители «F-15», «летающие радары» АВАКС, а также радиолокационные станции и зенитные ракеты в других нефтяных государствах. Система «С-3» через военные спутники будет связана с базами США в Индийском океане и прямо с Вашингтоном. В нее должны быть включены новейшая вычислительная техника и самые современные средства программирования, что позволит, по замыслу американских стратегов, объединить все сухопутные и военно-морские базы полуострова в единый комплекс. Стратегический плацдарм Пентагона создается также на Синайском полуострове.

Продолжается активная милитаризация подопечных островных территорий США в Тихом океане. Причем под строительство новых и расширение старых военных баз идеологи неоколониализма стараются подвести теоретический фундамент, доказывая, например, что существование баз способствует увеличению занятости среди местного населения и приобщает его к более передовой культуре. Как заявил американский представитель на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «Соединенные Штаты не верят, что наличие военных баз на самоуправляемых территориях обязательно препятствует полному осуществлению права на самоопределение. Призыв к немедленному и безоговорочному выводу всех военных объектов с самоуправляемых территорий является поэтому необоснованным»⁸. Вместе с тем правящие круги США продолжают поиск альтернатив на случай возможного нового «иранского варианта». Недавно стратеги Пентагона предложили способ базирования на кораблях, которые должны стоять в Красном море, Персидском заливе, восточной части Средиземного моря и в Индийском океане. Такие «плавающие базы» способны оперативно перемещаться в любой район предполагаемой высадки десанта. Как видно из всего сказанного, использование регулярной армии остается для субъекта неоколониализма важным

методом по запугиванию, удержанию в узде народных масс развивающегося мира.

Кампания борьбы с «международным терроризмом» еще больше подтолкнула вперед торговлю оружием на мировых рынках, которая всегда была одной из самых прибыльных сфер приложения капитала. В 70-х гг. США предоставили оружие и военные услуги почти 130 государствам мира на сумму 123 млрд. долларов. Только за период с 1973 по 1980 г. Соединенные Штаты и страны Западной Европы поставили в «третий мир» 8780 танков и самоходных установок, 8610 артиллерийских орудий, 17 100 бронетранспортеров, 581 боевой корабль, 38 подводных лодок, 2840 боевых самолетов, 2460 самолетов иного назначения, 2940 вертолетов, 8460 управляемых ракет⁹. С военно-технической точки зрения значительная часть закупленной дорогостоящей военной техники — танки, бронетранспортеры — представляется бесполезной, так как она может быть легко нейтрализована гораздо более дешевыми средствами обороны (например, французскими противотанковыми ракетами SS-11 и SS-12, поражающими цели на расстоянии 3 и 6 км соответственно). Однако для контроля за гражданским населением, для поддержания «порядка» в перенаселенных столицах молодых государств эта техника может быть использована и используется эффективно.

Начало нынешнего десятилетия ознаменовалось невиданным ранее бумом в торговле оружием. В 1980 г. страны развивающегося мира удвоили свои военные расходы по сравнению с 1971 г., а в 1982 г. уже 75 % объема купли и продажи неядерных вооружений во всем мире приходилось на освободившиеся страны. Только за один 1980 г. молодые государства закупили на Западе оружия на 25 млрд. долларов. «Во многих наших странах, — отметил президент Панамы А. Ройо Санчес, — приобретение оружия превышает нужды обороны и возможности экономики. Это оружие и военная техника импортируются за счет средств и валюты, которые могли бы быть использованы на цели мирного развития... А с 1945 года применение этого оружия стоило жизни более 10 млн. человек»¹⁰. Отвлечение средств от нужд развития ведет к росту нищеты, со-

циальных конфликтов и в итоге к появлению террористических группировок, нередко использующих оружие, закупленное по государственным каналам.

Крупнейшим поставщиком оружия освободившимся странам выступает самый активный борец с «международным терроризмом» — администрация США. Рейган отменил почти все ограничения на экспорт американского оружия. За первый год своего президентства он рекомендовал конгрессу одобрить продажу вооружений иностранным государствам на общую сумму 25 млрд. долларов. В 1982 финансовом году США экспортировали оружия более чем на 30 млрд. долларов, значительно превзойдя все предыдущие рекорды. Центр оборонной информации в Вашингтоне, проанализировав сложившуюся ситуацию в этой области, пришел к выводу, что «Соединенные Штаты продолжают быть поставщиком оружия номер один в другие страны мира. США и их союзники поставляют намного больше оружия в „третий мир“, чем Советский Союз и его союзники»¹¹.

Военный бизнес стал важной статьёй дохода для французского капитала. Как явствует из сообщений парижской газеты «Монд» (18 августа 1983 г.), Саудовская Аравия, Ирак и Судан подписали контракт с фирмой «Сосьете де конструкторов денег моторизе» на поставку в общей сложности около 100 сверхлегких самолетов, оснащенных ракетами класса «воздух — земля». Эти маленькие самолеты с радиусом действия 100 миль обладают тем преимуществом, что их почти невозможно заметить на экране радиолокатора. Они также относительно дешевы — всего 19 тыс. долларов за штуку, что в 500 раз дешевле истребителя-бомбардировщика «Мираж».

Монополии военно-промышленного комплекса выбрасывают на рынок молодых государств различные все более дорогостоящие, все более сложные системы оружия. Специалисты «по борьбе с терроризмом» не исключают возможности того, что какие-то террористические группы смогут получить в свое распоряжение химическое, биологическое и даже ядерное оружие массового уничтожения. Бизнес на вооружениях, как и всякий другой капиталистический бизнес, основан на законе: все продается и

все покупается, надо только назвать подходящую цену.

Для освоения оружия, проданного в развивающиеся страны, вслед за ним посылаются западные советники или инструкторы. Они обучают «национальные кадры» современным методам пытки, антипартизанской борьбы, внушают своим подопечным, что только сила имеет в этом мире настоящую ценность. По мнению ЦРУ, именно профессионалы из Лэнгли с их «опытом» должны стать основными и постоянными советниками и консультантами проамериканских режимов в развивающемся мире¹².

По данным Пентагона, к началу 1982 финансового года намечалось иметь 323 американские «группы по оказанию помощи в целях безопасности» в 53 странах. Сюда, конечно, не входят регулярные части, такие как 15 500 американских военнослужащих в Латинской Америке, 147 500 — в Тихоокеанском бассейне, более 20 000 — на Ближнем Востоке и в других регионах развивающегося мира¹³. В первой половине 80-х гг. рост численности американских советников за рубежом намного перекрыл самые оптимистические прогнозы. В Гондурасе, например, к концу 1983 г. их число достигло 300, не считая 200 кадровых сотрудников ЦРУ, обучающихся в этой стране бывших сомосовцев.

Примечательно, что решение о посылке таких «инструкторов» в ту или иную развивающуюся страну принимается подчас первоначально в Вашингтоне, Лондоне, Париже, а не в столице государства, которое собираются «инструментировать». Во время слушаний в сенатской комиссии по иностранным делам, посвященным ситуации в Сальвадоре (19 апреля 1981 г.), бывший посол США в этой стране Р. Уайт в своем выступлении дал понять, что именно Вашингтону принадлежала инициатива посылки военных советников в Сальвадор. Не поверивший своим ушам сенатор Сарбэйнс переспросил его: «Действительно ли я вас правильно понял, что решение о посылке военных советников предшествовало на какой-то период времени просьбе (президента) Дуарте об их присылке?», на что Уайт ответил: «Да, так и обстояло дело»¹⁴.

Если регулярные воинские части империализм

использует в основном в кризисных ситуациях, возникающих в «третьем мире» время от времени, то деятельность разведки и специальных подразделений осуществляется там постоянно. В США, кроме окутанного мрачной известностью ЦРУ¹⁵, в зоне национально-освободительного движения активно действуют разведывательно-диверсионные формирования армии, флота и ВВС. Схожая структура разведывательных органов функционирует и в других развитых капиталистических странах.

В век научно-технической революции все большее значение приобретает электронная разведка. В форте Мид (штат Мэриленд) расположена штаб-квартира самого секретного американского учреждения — Агентства национальной безопасности (АНБ). По своим масштабам это правительственное учреждение уступает только Пентагону. Большая часть засекреченного разведывательного бюджета США используется АНБ. В дополнение к 10 тыс. гражданских сотрудников здесь занято около 45 тыс. солдат, матросов, морских пехотинцев и летчиков, которые обслуживают подслушивающие посты, разбросанные по всему миру — от Пуэрто-Рико до Крита и Окинавы. В монографии «Дворец загадок», вышедшей в свет в 1982 г., бывший сотрудник АНБ Джеймс Бэмфорд пишет, что ежедневно агентство выдает 40 т секретных документов. Ему подчиняется целая система разведывательных спутников, сложнейших компьютеров и сверхчувствительных антенн, которая, по мнению Дж. Бэмфорда, в состоянии узнать содержание практически любого международного телекса, телеграммы или телефонного разговора¹⁶. Во время войны за Фолклендские (Мальвинские) острова специалисты АНБ расшифровали аргентинский военный код и передавали англичанам критически важную информацию о местоположении аргентинских частей¹⁷.

Почти с момента своего создания также широко используется для незаконного вмешательства во внутренние дела государств развивающегося мира ЦРУ. Оно оказывало незаменимые услуги неокolonизаторам при организации различных подрывных акций против Ирана, Гватемалы, Египта, Индонезии, Лаоса, Кубы, Никарагуа и т. д.

Следствием тайной войны, ведущейся разведка-

ми империалистических держав в зоне национально-освободительного движения, явились убийства Че Гевары, Патриса Лумумбы, президента Доминиканской Республики Антонио Гусмана, президента Эквадора Ханме Рольдоса Агилера, министра обороны Эквадора генерала Марно Ауралио Субиа Мартинеса, президента Панамы Омара Торрихоса, перуанского генерала Рафаэля Хойоса Рубио и многих других видных политических лидеров развивающегося мира, позиции которых не соответствовали интересам Соединенных Штатов Америки.

Разведывательно-диверсионное сообщество Запада, естественно, отрицает свою причастность к террористическим актам в освободившихся государствах. По поводу смерти эквадорских, перуанских и панамских руководителей ЦРУ заявило, что это были обычные авиационные катастрофы. Несчастные случаи, не более того. Но вот что писал мексиканский журнал «Просесо» в годовщину смерти эквадорского президента и министра обороны. Хотя всякая связь с президентским самолетом была потеряна в 13 часов 50 минут, до 16 часов 10 минут ничего не предпринималось, чтобы установить его местонахождение. Самолет следовал в город Макала на границе с Перу, но почему-то отклонился от маршрута, и пилот не сообщил об этом диспетчеру. Люди, контролировавшие полет с земли, также не сообщили на самолет об отклонении с курса. Как вообще пилот самолета, оборудованного радаром и всей необходимой современной навигационной техникой, мог не рассчитать и врезаться в гору? Почему магнитофонные ленты, содержавшие записи переговоров контрольной башни в Гуаякиле с президентским самолетом, оказались размагнитченными? Почему бывший министр обороны адмирал Рауль Сорроса Энкалада сказал корреспонденту ЮПИ сразу после катастрофы, что имеется „черный ящик“*, который поможет точно установить причины трагического инцидента, а позднее заявил, что на самолете вообще не было такого „ящика“? Почему ни одна из находящихся поблизости контроль-

* Специальное хорошо защищенное приспособление, устанавливаемое в кабине пилотов, которое фиксирует все шумы и разговоры внутри самолета. После авиационных катастроф с его помощью специалисты устанавливают причины аварии.

ных башен не зафиксировала сигнала тревоги, который должен был автоматически передаваться специальным устройством? Священник Кристоаль Эспиноса заявил, что он видел, как самолет охватило пламя еще в полете, перед тем, как он врезался в гору Гуайрапунго¹⁸.

Попытки провести расследование авиационной «катастрофы» также сопровождались весьма странными событиями. После того как эквадорский журнал «Нуэва» в номере от 19 марта 1982 г. опубликовал статью, проливающую некоторый свет на загадочную причину гибели президента, помещение редакции журнала было ограблено и все бумаги, относящиеся к этому делу, похищены. 1 апреля 1982 г. было выкрадено досье парламентской комиссии, расследовавшей причины гибели Рольдоса. При этом ни один замок поврежден не был. «Грабители» имели ключи к парламентским архивам. Наконец, 29 апреля 1982 г. при самых загадочных обстоятельствах взрывается самолет «Геркулес С-130», на борту которого опять «по странному совпадению» оказывается главный свидетель по делу о гибели президента майор Р. Буэно. Через два месяца после гибели эквадорских руководителей в похожих авиакатастрофах погибают главнокомандующий вооруженными силами Перу генерал Рафаэль Хойос Рубио и генерал Омар Торрихос, президент Панамы.

Три генерала — Хойос Рубио, Омар Торрихос и Субиа Мартинес — не подписали договор о континентальном сотрудничестве по обороне Америки. Комитет Санта-Фе, определявший латиноамериканскую политику для Рейгана, назвал их «опасными». Президент Рольдос буквально накануне своей смерти попросил убраться из Эквадора филиал американского Летнего лингвистического института — «религиозной» организации, служащей уже 25 лет «крышей» для ЦРУ. В промежутке 70 дней все они погибли одинаково: в авиационных катастрофах.

В апреле 1981 г. официальные представители правительства Мозамбика сообщили на пресс-конференции в Мапуту, что агенты ЦРУ планировали убийство президента Народной Республики Мозамбик Соморы Машела и других руководителей страны. Террористическую акцию удалось предотвра-

тить лишь благодаря деятельности капитана ВВС Мозамбика Жоао Гонсалвиша, который по заданию мозамбикских органов безопасности внедрился в сеть ЦРУ. В июне 1981 г. правительство Замбии предложило двум американским дипломатам покинуть страну в течение 48 часов, а еще трем было запрещено возвращение в страну. Это решение было принято после раскрытия антиправительственного заговора, подготовленного ЦРУ и спецслужбой ЮАР с целью убийства главы Замбийского государства К. Каунды, начальника полиции Замбии, командующего армией и ряда старших офицеров¹⁹.

Известно, что по плану и при самой активной поддержке ЦРУ был осуществлен фашистский переворот в Чили с последующим безжалостным террором в отношении всех демократических и прогрессивных сил. За прошедшее с того времени десятилетие подрывные террористические акции разведывательного сообщества США не только не были сокращены или хотя бы несколько смягчены, а, наоборот, приняли невиданные масштабы и осуществляются с неслыханной жестокостью. «Диалог Америки» по проблемам суверенитета, состоявшийся с 9 по 13 сентября 1982 г. в Мехико, в котором приняло участие более 300 ученых из Северной, Южной Америки и Карибского бассейна, подчеркнул в принятой декларации, что США ведут подрывную тайную войну против Кубы, Никарагуа, Гренады и Суринама на политическом, экономическом, дипломатическом и военном фронтах.

Деятельность разведывательного сообщества западных стран, направленная против неугодных политических лидеров, режимов и движений в развивающемся мире, стремится вызвать дестабилизацию, посеять среди народов молодых государств, стремящихся идти по некапиталистическому пути развития, страх, разочарование, ужас и потому является в большинстве случаев проявлением терроризма. Ученый из Германской Демократической Республики Юлиус Мадер подсчитал, что за 35 лет своего существования ЦРУ провело почти 900 крупномасштабных подрывных операций и несколько тысяч более мелких.

Резкое расширение масштабов подрывной деятельности ЦРУ произошло в 80-х гг., когда его воз-

главил личный друг Рейгана У. Кейси. Цифры расходов на разведорганы открыто не фигурируют в официальной статистике США, однако по просочившимся в печать сведениям стало известно, что в 1983 г. бюджет этого шпионского ведомства увеличился на 25 % по сравнению с предшествующим годом и превысил 1,5 млрд. долларов²⁰.

Наряду с деятельностью разведывательных служб типичным для террористической активности империализма является использование наемников. Еще в 1954 г. президент Д. Эйзенхауэр с удовлетворением отмечал: «Мы вздохнули с облегчением, когда силы, поддерживающие демократию, восстановили Гватемалу на ее нормальное место в семье американских государств»²¹. Правда, он не стал расшифровывать того, что на самом деле эти силы представляли собой банду так называемых «солдат удачи», которая, свергнув под руководством ЦРУ и с согласия Д. Эйзенхауэра законное правительство Арбенса, уничтожила затем сотни гватемальцев по спискам, предоставленным послом США²². Наемники воевали в 1960 г. в Бельгийском Конго на стороне катангских сепаратистов. В 1978 г. под руководством Боба Денара ими был совершен государственный переворот на Коморских островах. В 1981 г. они предприняли попытку сбросить не устраивающее Запад правительство Республики Сейшельские Острова. Наемники широко использовались в борьбе с национально-освободительным движением в Заире, Анголе, Мозамбике, Зимбабве и многих других странах. Летом 1983 г. «солдаты удачи» были использованы для защиты режима Х. Хабре в Чаде. В июле 1983 г. была раскрыта операция по вторжению из Флориды в Суринам наемников с целью свержения правительства Д. Бутерсе.

Методы террора, используемые наемниками, вызвали настолько большое возмущение международной общественности, что средства массовой коммуникации ряда западных государств были вынуждены предпринять попытки как-то обелить их кровавый облик. Американский художественный фильм «Псы войны» изображает наемников чуть ли не борцами за справедливость, препятствующими осуществлению экспансионистских замыслов ТНК. Кино-

режиссеры на Западе, конечно, «свободны» в своих творческих поисках (и свободны без кавычек, если эти поиски идут в русле выполнения социального заказа власть имущих), но практика использования наемников в развивающемся мире рисует совсем иную картину: «псы войны» нанимаются и содержатся чаще всего ТНК, обеспокоенными проблемой сохранения монопольных прибылей от эксплуатации дешевой рабочей силы в освободившихся странах. Они используются также империалистическими государствами в тех обстоятельствах, когда вмешательство «советников» или официального разведывательно-диверсионного аппарата по ряду причин считается нежелательным²³.

Следует также помнить, что империалистические государства выступают в качестве субъекта международного терроризма (на стадии подготовки преступления) даже в тех случаях, когда они бездействуют: не предупреждают, не борются должным образом с организацией и проведением кампаний по вербовке наемников из граждан своих стран и иностранцев, которые, как показывает практика, не только входят в отряды агрессоров, но часто используются как непосредственные исполнители акций международного терроризма²⁴. В 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между странами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Res. 2625). В ней провозглашается, что государства должны воздержаться от организации или содействия организации иррегулярных сил или вооруженных банд, включая наемников, для вторжения на территорию другого государства.

Организация африканских государств в 1976 г. одобрила конвенцию об уничтожении наемничества на своем континенте. Во исполнение многочисленных резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, осуждающих практику использования наемников, особенно против развивающихся стран и национально-освободительных движений²⁵, в 1980 г. был образован Специальный комитет ООН (Res. 3548) по подготовке международной конвенции, запрещающей набор, использование, финансирование и подготовку наемников. Но западные

страны всячески противятся включению в проект международной конвенции требования о том, что государства обязаны препятствовать вступлению своих граждан в ряды «солдат удачи». Поставить вне закона их деятельность оказывается отнюдь не в интересах империалистических государств и ТНК.

Существенная роль в деятельности военно-политического неокOLONиализма отводится использованию контрреволюционеров, реакционных политических эмигрантов для дестабилизации и свержения народных режимов в развивающемся мире. Видный советский юрист А. Н. Трайнин еще в начале 50-х гг. отмечал связь, существующую между деятельностью контрреволюционных эмигрантских организаций и актами международного терроризма. «Это не только родственные, но и тесно связанные между собой явления, — писал он, — из рядов подобных организаций и банд выходят террористы, и сам терроризм является одной из функций этих организаций»²⁶.

Широко известен провал антикубинской авантюры в 1961 г., когда в «заливе свиней» высадился десант контрреволюционных эмигрантов, обученных и отретенированных американскими инструкторами. Неудача не обескуражила вашингтонских агрессоров. В последующие годы Пентагон продолжал координировать и направлять диверсионную деятельность кубинских контрреволюционеров. В 1964—1965 гг. этой работой руководил А. Хейг, будущий госсекретарь США, который самолично подбирал подходящих людей для «ударных групп».

Специалисты по терроризму, выражающие интересы республиканской администрации, готовы признать, что США в прошлом поддерживали террористов, но, мол, сегодня превратились в настоящих борцов с «международным терроризмом». Р. Куперман заявил на сессии Американской академии политических и социальных наук (апрель 1982 г.), что США «тренировали террористов во время вторжения в „заливе свиней“ и даже еще раньше», но на поставленный вопрос о происходящем сегодня подобном же вмешательстве во внутренние дела Никарагуа он заявил, что «недостаточно знаком с никарагуанскими делами».

Между тем в марте 1982 г. президент Рейган официально признал, что он одобрил план ЦРУ по

дестабилизации сандинистского правительства Никарагуа. Согласно этому плану, в США и на территории Гондураса созданы и действуют специальные тренировочные диверсионные центры, где проходят соответствующую подготовку никарагуанские сомосовцы. В графстве Дэйд около Майами их лагерь находится поблизости от «тренировочных центров» кубинских контрреволюционеров. Периодически засылаемые в Никарагуа сомосовцы осуществляют террористические акции против представителей народной власти, взрывают мосты, разрушают линии электропередач, убивают учителей, врачей и т. п.

Чудовищной жестокостью «прославились» афганские контрреволюционеры, обосновавшиеся в Пакистане и осуществляющие набеги на территорию Демократической Республики Афганистан. Они проходят подготовку более чем в 80 «тренировочных центрах», на содержание которых США израсходовали 217 млн. долларов. Только с июня по ноябрь 1979 г. американские инструкторы подготовили в этих центрах на территории Пакистана более 30 тыс. контрреволюционеров, ставших фактически наемниками США. Всего к концу 1979 г. численность контрреволюционных бандитских формирований, оснащенных международной реакцией, превышала 100 тыс. человек. Посетивший Пакистан в конце 1982 г. министр юстиции США Ф. Смит заявил, что американская администрация и впредь будет оказывать им всестороннюю помощь. Арестованный службой безопасности Афганистана служащий американского посольства в Кабуле Исахан показал, что дипломаты США не только снабжали контрреволюционеров разведывательной информацией, но привозили из Пакистана пистолеты, гранаты, мины, которые распределяли потом среди членов группировки «Джамиат-и-ислами».

Использование контрреволюционных эмигрантов против национально-освободительного движения, так же как и регулярной армии, военных инструкторов, специальных разведывательно-диверсионных подразделений, наемников, может проводиться так и в определенной последовательности, диктуемой складывающимися обстоятельствами.

Опыт последних лет показывает, что террористи-

ческая активность империалистических государств и ТНК осуществляется на трех основных направлениях: 1) подрыв и дестабилизация политических режимов, проводящих прогрессивные социальные реформы, угрожающие их интересам; 2) поддержка репрессивных диктатур в развивающихся странах; 3) поощрение военно-террористических акций региональных субъектов неокOLONиализма (субимпериалистических центров) против национально-освободительного движения. Усиление активности на всех трех направлениях в 80-х гг. свидетельствует о том, что обычные, традиционные методы и средства неокOLONиалистской экспансии уже не всегда срабатывают, и монополистическая буржуазия чаще прибегает к военной силе, подрывным акциям, чтобы запугать, терроризировать своих противников, подавить стремление народов к свободе и независимости.

ПОДРЫВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПРОГРЕССИВНЫХ РЕЖИМОВ И ПОДДЕРЖКА РЕАКЦИОННЫХ ДИКТАТУР

Объектом неоколониалистской деятельности США, других развитых капиталистических держав, как уже указывалось, являются не только молодые государства, идущие по капиталистическому пути, но и освободившиеся страны социалистической ориентации. Стремясь свернуть их с избранного пути, империализм именно против этих стран, отстаивающих свое право на свободу и самостоятельность, ведет наиболее ожесточенную войну на экономическом, политическом, идеологическом, психологическом фронтах. Режимы именно этих стран оказываются постоянным объектом подрывных террористических акций со стороны субъекта неоколониализма. И напротив, режимам прозападной ориентации оказывается всесторонняя помощь и поддержка вне зависимости от того, насколько широко они используют методы террора для управления собственным народом.

В конце 1981 г. Белый дом направил американским посольствам за рубежом предписание, где указывалось, что 12 государств «должны быть изолированы или направлены друг на друга»: это Алжир, Ангола, Вьетнам, Индия, Иран, Куба, Ливия, Мадагаскар, Мозамбик, НДРГ, Никарагуа, Эфиопия¹. Как видим, список включает не только молодые государства социалистической ориентации, но и те страны, идущие по капиталистическому пути, чей политический курс не устраивает Вашингтонских правителей. Практика неоколониалистской активности США, да и других развитых капиталистических держав, а также ТНК показывает, что объектом применения подрывных, террористически-дестабилизирующих акций все чаще становятся режимы различной социально-экономической ориентации, стремящиеся проводить независимую политику. Как отмечалось в редакционной статье амери-

канского еженедельника «Нейшн», «то, что пугает президентскую рать, — это скорее независимость, чем русские ракеты или коммунистическая идеология»².

В комплексной деятельности империалистов по подрыву неугодного правительства сами американские исследователи обычно выделяют пять этапов, или ступеней: 1. **Пропаганда**, заключающаяся в том, чтобы максимально позитивно изображать США, западный образ жизни и максимально негативно — социалистический строй. Ее главными дрижерами на этом этапе обычно выступают действующие в тесном сотрудничестве ЦРУ и ЮСИА. 2. **Психологические операции**, которые проводятся в мирное время и призваны повлиять на исход выборов или несколько изменить политику того или иного иностранного правительства. «Боевое наставление по психологическим операциям», числящееся в реестре боевых уставов и наставлений армии США за номером М-33-5, содержит целый перечень подрывных методов, рекомендуемых для применения против стран, не отвечающих американским представлениям о «свободе» и «демократии». Необходимо, сказано там, «развивать вражду между военными и политическими кругами; подрывать веру в законное правительство; углублять недовольство религиозных, этнических, политических, экономических и других элементов правительством и друг другом; укреплять позиции дружественных США группировок и ослаблять оппозицию»³. 3. **Психологическая война** с использованием любых методов и средств, исключая открытые военные действия. На этом этапе создаются официальные и подпольные отряды «сопротивления», предпринимаются попытки восстановить массы против правительства; полувоенные операции, включая терроризм и политические убийства, сочетаются с подрывными пропагандистскими акциями. Все ведомства субъекта неоколониализма действуют как единое целое с задачей косвенно подтолкнуть гражданское население, армию или группу заговорщиков на свержение правительства. 4. **Гражданские действия** означают, что косвенным путем не удалось достичь желаемых результатов, в повестку дня становится инспирируемый из-за рубежа военный переворот или отправка

морских пехотинцев. Здесь главными действующими лицами оказываются американские войска и вооруженные силы «дружественных США стран», которые предпочтительно подключить к военным операциям. 5. **Реконструкция**, когда войска США или силы «дружественных им государств» держат под контролем всю территорию страны. Создается «мозговой центр» в составе обученных в США экономистов, юристов, журналистов с целью консультировать новое прокапиталистическое правительство⁴.

Все описанные этапы были пройдены в Чили. На Ямайке дело дошло до второго этапа, но во время выборов 1976 г. добиться успеха ЦРУ не удалось. Поэтому к выборам 1980 г. все было подготовлено для того, чтобы идти до конца. Мобилизация значительных сил и средств, выбор наиболее энергичных и надежных исполнителей обеспечили успех на третьей ступени, т. е. на этапе психологической войны. На этом же этапе находились действия ЦРУ и других ведомств США в Никарагуа в 1983 г.

Характерно, что для оправдания перехода к военным действиям против непокорных правительств все чаще используется предлог борьбы с «международным терроризмом». Оправдывая вторжение на Гренаду, Рейган, выступая по телевидению, говорил, что она «превращалась в важный бастион с целью экспорта терроризма и подрыва демократии». Подобные нелепицы неоднократно выдвигались вашингтонскими правителями и ранее против ряда молодых государств. Особенно разнуждающая клевета в этом плане возводилась на Кубу.

Новый раунд враждебных акций по отношению к первой на Американском континенте социалистической стране начался в 1976 г. после того, как в ноябре 1975 г. в Анголу по просьбе ее правительства прибыл контингент кубинских войск. 28 февраля 1976 г. президент Форд назвал решение острова Свободы откликнуться на просьбу ангольского правительства «вопиющим актом агрессии», а Фиделя Кастро — «международным преступником». Чем же была вызвана столь бурная реакция Белого дома? Что заставило правительство Анголы обратиться за помощью к Кубе?

Вот как развивались события. В январе 1975 г. в Португалии было подписано соглашение между МПЛА во главе с Агостиньо Нетто, ФНЛА во главе с Холденом Роберто и УНИТА во главе с Жозаком Савимби о разделении власти в независимой Анголе. Однако в марте, вопреки достигнутому соглашению, войска ФНЛА, сопровождаемые советниками из ЦРУ, 1200 солдатами регулярной заирской армии и западноевропейскими наемниками, начали наступление на Луанду. В ответ правительство А. Нетто пригласило в страну кубинских военных советников. В августе с ведома и согласия Вашингтона последовало крупномасштабное вторжение в Анголу войск ЮАР. И лишь в ноябре 1975 г. в полном соответствии с предусмотренным Уставом ООН правом на коллективную оборону кубинские войска стали прибывать на ангольскую территорию.

Как видим, правительство этого молодого государства вынуждено было обратиться за помощью к друзьям по причине военно-террористических действий, развязанных против него при пособничестве США. А «праведный» гнев Вашингтона явился следствием того, что из-за позиции Кубы не удалось изменить в свою пользу ход событий в Анголе, установить в ней послушное американцам правительство-марионетку.

Еще больше возмутила вашингтонских политиков интернационалистская помощь, оказанная Кубой Эфиопии в январе 1978 г. Однако и в этом случае намеренно забывается тот факт, что еще в июле 1977 г. США согласились поставлять оружие Сомали, развязавшей вооруженную агрессию за отторжение от Эфиопии Огадена.

Администрация Рейгана видит в Кубе причину всех революционных выступлений и партизанских войн в Латинской Америке. Летом 1982 г. сенат США принял «поправку Симмса», которая разрешает правительству прибегать к любым мерам, вплоть до военных, если оно обнаружит где-либо наличие «кубинской угрозы». А президент Рейган заявил, что Куба «действительно является угрозой миру в западном полушарии»⁵. Исходя из подобной установки, соответствующие службы США планируют и осуществляют диверсионно-подрывные акции против острова Свободы. Как убедительно показано в

работах советских авторов⁶, объектом этих акций становится весь кубинский народ, а методы их варьируются от торгово-экономической блокады до убийства кубинских дипломатов и проведения химико-биологических диверсий.

Психологическая война, грозящая перерасти в горячую, против сандинистского правительства Никарагуа также была развязана рейгановской администрацией под предлогом того, что сандинисты якобы поощряют международный терроризм, поставляя оружие сальвадорским повстанцам. Несмотря на все старания, ЦРУ, однако, так и не смогло представить этому ни одного серьезного фактического доказательства.

Впрочем, в своих действиях против Никарагуа нынешняя вашингтонская администрация далека от оригинальности. Еще в 1927 г. госсекретарь США Фрэнк Келлог выступил с нотой, в которой обвинял президента Мексики Кальеса в том, что он якобы заплатил советским агентам 100 тыс. долларов с тем, чтобы они вмешались в дела Никарагуа. К ноте прилагалось письмо Кальеса, а также «русские ружья», обнаруженные в Никарагуа. ...И морская пехота США двинулась в эту страну спасать ее от «большевизма». Через два года выяснилось, что письмо Кальеса оказалось поддельным, а «русские ружья» — трехлинейными винтовками с царским клеймом, которые заказал в США Миллюков.

9 марта 1982 г. на свет появился официальный доклад ЦРУ «Свидетельство военного строительства в Никарагуа», где доказывалось, что сандинистское правительство готовится напасть на своих соседей, для чего и содержит непомерно большую армию⁷. Этот доклад был использован администрацией США для оправдания увеличения военной помощи Гондурасу и усиления подрывной активности против соседней страны с неугодным империализмом режимом.

Вскоре подкомиссия по межамериканским делам комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США провела слушания по вопросу об американской помощи Гондурасу. Джон Бьюкенен, подполковник ВВС США, вышедший в отставку в 1979 г. и занимающийся с тех пор исследованием ситуаций в Центральной Америке, высту-

пая перед конгрессменами, заявил, что изучение военной силы Никарагуа убедило его в том, что военный потенциал сандинистов был сознательно преувеличен администрацией Рейгана. Не соответствующими действительности фактами и оценками были полны и упоминавшийся выше доклад ЦРУ, и другие подобные ему «свидетельства». «Можно лишь заключить, — отметил Бьюкенен, — что администрация Рейгана извращает факты для того, чтобы оправдать тайные операции, имеющие цель свергнуть сандинистов, и беспрецедентный рост милитаризма в Гондурасе»⁸.

Президент Рейган официально одобрил широкую программу политических и военных акций ЦРУ против, как выразилась администрация, «кубинских линий снабжения оружием в Никарагуа». ЦРУ было дано разрешение привлекать правительства других стран для осуществления этих акций. Программа включала выделение 19 млн. долларов ЦРУ для организации военизированных отрядов вдоль гондурасско-никарагуанской границы с целью «попытаться разрушить жизненно важные объекты в Никарагуа, такие как электростанции и мосты, чтобы подорвать экономику и отвлечь внимание и ресурсы правительства»⁹. В гондурасском районе Дандли создана школа военной подготовки, а в казармах 11-го пехотного батальона армии Гондураса — артиллерийский учебный центр, где проходят подготовку контрреволюционные элементы. В Тегусигальпе для координации подрывной активности образован штаб во главе с бывшим полковником национальной гвардии А. Сомосы Э. Бермудесом. На островах Амапала в заливе Фонсека около Тихоокеанского побережья и Сан Андрес в Карибском море оборудуются американские военные базы, чтобы «зажать Никарагуа между двумя океанами».

Согласно документу, опубликованному гондурасскими общественными организациями в начале 1982 г., банды сомосовцев намеревались переодеться в форму сандинистов и инсценировать оккупацию гондурасских деревень, чтобы дать повод для вторжения в Никарагуа. Одновременно контрреволюционеры усиливали террористические акции против индейцев мискито и других жителей восточного побережья Никарагуа, стремясь подтолкнуть их на

антиправительственное восстание. Как заявил координатор революционного правительства сандинистов Даниэль Ортега, «все наши усилия улучшить условия жизни и труда индейцев мискито и других жителей Атлантического побережья систематически саботировались контрреволюционерами-сомосовцами, окопавшимися в Гондурасе. Они вторгаются на нашу территорию, убивают, терроризируют и насилуют. Только за последние два месяца эти банды убили более 70 человек»¹⁰.

Самолеты без опознавательных знаков неоднократно пытались разбомбить единственное нефтехранилище страны в городке Коринто. Диверсионные банды убивали учителей, землемеров, осуществляющих аграрную реформу в отдельных районах, просто крестьян, встретившихся на пути. 5 декабря 1982 г. 250 вооруженных наймитов перешли гондурасскую границу и атаковали район Лома Оскура с использованием тяжелых пулеметов и артиллерии. Никарагуанский вертолет, эвакуировавший гражданское население из района боевых действий, был сбит. 75 детей погибли. Через 5 дней последовало новое вторжение 400 сомосовцев. Выбитые из пределов Никарагуа, они оставили 60-миллиметровые орудия, противотанковые гранаты, взрывчатку, предназначавшиеся для уничтожения народнохозяйственных объектов. Эта разбойничья акция поддерживалась артиллерийским огнем с гондурасской территории. Когда незадолго до ее начала корреспонденты задали президенту Рейгану, находившемуся в Коста-Рике, вопрос о причастности ЦРУ к этим событиям, тот заявил, что не намерен обсуждать «проблемы национальной безопасности».

Уход Рейгана от ответа на поставленный вопрос был отнюдь не случайным. Стоило ему хотя бы немного вдаваться в подробности, и всякому здравомыслящему человеку стало бы понятно, кто действительно занимается международным терроризмом, обвиняя в нем других.

Фактов, подтверждающих это, более чем достаточно. В частности, их немало представила группа никарагуанцев, возбудивших в нью-йоркском суде иск против президента Рейгана, директора ЦРУ Кейси, госсекретаря Шульца, министра обороны Уайнбергера и ряда других высших чиновников

США. Истцы утверждали, что их родственники убиты, а сами они «изувечены, ранены, похищались, подвергались пыткам в результате инспирированных США военных действий, направленных на уничтожение гражданского населения Никарагуа и разрушение ее экономики»¹¹. Они требовали, чтобы суд признал эту тайную войну «заговором» в нарушение американских и международных законов и издал постановление, запрещающее деятельность ЦРУ по дестабилизации Никарагуа.

И палата представителей американского конгресса была вынуждена 9 декабря 1982 г., продемонстрировав полное единодушие, одобрить поправку к закону об ассигнованиях на «оборону», запрещающую администрации оказывать военную помощь любой группе лиц, стремящейся свергнуть никарагуанское правительство или спровоцировать столкновение между Никарагуа и Гондурасом. Конгрессмены вроде бы продемонстрировали свое миролюбие. Однако, как считают американские политические обозреватели, формулировка этой поправки настолько неопределенна, что «дает администрации Рейгана значительный простор в осуществлении военной активности»¹².

Выступая в Совете Безопасности ООН 16 мая 1983 г., Киркпатрик пыталась доказать, что американская администрация не только не нарушает международные законы, требующие уважения государственного суверенитета, но даже действует в соответствии с принципами ООН. «Самое большое,— заявила она,— в чем серьезные люди упрекали или обвиняли Соединенные Штаты,— это в обеспечении оружием и советом никарагуанцев, сражающихся за свое право на национальное самоопределение». И если принять это высказывание всерьез, то выходит, что не заслуживают никакого доверия представители неприсоединившихся и социалистических стран, критикующие политику США в отношении Никарагуа как нарушающую основные нормы международного права и Устава ООН. Но вот что говорил, выступая в конгрессе США, Джим Лич, член одной с Рейганом партии, представляющий в нижней палате штат Айова: «Действия США против Никарагуа подрывают моральный императив, на котором базируется американская политика в

Сальвадоре. В Сальвадоре мы решительно выступаем против тех, кто вооружается и финансируется из-за рубежа и кто пробивает себе дорогу к власти с помощью оружия. В Никарагуа мы решительно поддерживаем такие же силы и фактически являемся финансистами анархии»¹³. Как видно, конгрессмен из Айовы имеет столь же извращенное представление о положении дел в Центральной Америке, как и республиканская администрация, но в отличие от последней ему не откажешь в знании формальной логики.

Только в течение 1983 г. почти 90 раз вторгались в Никарагуа из Гондураса контрреволюционные банды, обученные и экипированные на деньги американских налогоплательщиков. Жертвами их бесчинств стали 947 мирных жителей. Но наемникам Вашингтона не удалось запугать народ, тем более спровоцировать в стране гражданскую войну.

Если подрывные действия субъекта неоколониализма против Кубы, Никарагуа, Гренады и других характеризуют первое основное направление его террористической активности, то вторым направлением является помощь и поддержка репрессивных диктатур в развивающемся мире.

Установив в какой-либо стране прозападный режим, международный империализм начинает оказывать ему различную помощь. Ее объем первоначально достаточно велик и условия предоставления благоприятны для развивающейся страны: западные покровители стараются укрепить дружественный режим. После того как умиротворение полностью завершено, начинается обычный бизнес, т. е. безжалостная эксплуатация материальных и людских ресурсов молодого государства.

Когда речь идет о поддержке империалистическими державами, и прежде всего США, прозападных реакционно-террористических режимов, то некоторые исследователи склонны отмечать, что она осуществляется вопреки или даже в нарушение провозглашенной политики в «защиту прав человека». Однако, как представляется, дело обстоит иначе. Поддержка диктаторских режимов в развивающемся мире не только отвечает в ряде случаев интересам ТНК по беспрепятственному изъятию прибыли из страны, принимающей помощь, но также

является продолжением подрывной деятельности и находится в полном соответствии с глобальной политикой «защиты прав человека», как ее понимает субъект неоколониализма.

Как уже указывалось, некоторое заигрывание с идеальной внешнеисторической интерпретацией «прав человека», характерное для администрации Картера, было отброшено прочь в начале 80-х гг., и осталось то, что буржуазия всегда понимала под этой категорией — право и свободу частнокапиталистической инициативы. А в наши дни речь фактически идет уже о правах и свободах транснациональных корпораций.

Чтобы устранить последние формальные преграды для оказания помощи «дружественным» авторитарным режимам, оставшиеся в наследство от картеровской администрации, соответствующие указания были даны государственному департаменту. Когда в феврале 1982 г. увидел свет очередной 1142-страничный сборник докладов о состоянии «прав человека» в 160 странах мира, в нем уже содержались определенные коррективы, соответствующие акценты были проставлены и требуемые выводы были сделаны.

Закон о помощи иностранным государствам, одобренный конгрессом США в декабре 1981 г., требовал, чтобы предварительным условием для продажи оружия и оказания военной помощи какой-либо стране был «значительный прогресс» в области обеспечения там «прав человека». И вот теперь любой конгрессмен может своими глазами прочитать в официальном докладе госдепартамента, что «положение с правами человека в Чили значительно улучшилось с 1977 года», что президент Сальвадора «осуществляет концентрированные и серьезные усилия», чтобы защитить «права человека», и все «правительство Сальвадора движется в направлении осуществления демократического процесса для разрешения конфликтов».

И совсем другим тоном говорится в этом документе о «недружественных» странах «третьего мира»: «После революции 1974 года уровень нарушения прав человека в Эфиопии, высокий и при предыдущем режиме, при нынешнем резко увеличился»¹⁴. То есть даже из перечисленных примеров

видно, что глобальная политика защиты прав и свобод человека, проинтерпретированная с классовых позиций монополистической буржуазии, вполне может быть использована для «законного» обоснования ситуационной политики, направленной на поддержку репрессивных диктаторских режимов, на подрыв и свержение неугодных правительств и т. п.

Стремясь обеспечить себе наиболее широкую социальную опору среди буржуазии, Рейган неоднократно и по разным поводам высказывался в защиту «свободного предпринимательства» (вспомнить хотя бы его речь на съезде советов управляющих Мирового банка и Международного валютного фонда 30 сентября 1981 г.). Отталкиваясь от надуманного разделения развивающихся стран на тоталитарные и авторитарные, Вашингтон начал осуществлять кампанию борьбы с «международным терроризмом» также под флагом обеспечения свободы «частной инициативы» в этих странах, которая якобы лежит в основе демократического строя и гарантирует права человека.

Подобные апелляции к свободному предпринимательству как фундаменту, обеспечивающему права и свободы личности, выглядят в лучшем случае устаревшими лет на сто. Буржуазная демократия даже при своем зарождении и утверждении означала свободу лишь от вполне определенной, исторически переходящей формы зависимости — феодальной. По мере утраты собственной исторической прогрессивности с зарождением массового организованного рабочего движения буржуазия оказывалась все меньше заинтересованной в защите ранее провозглашенных прав и свобод.

Переход к высшей фазе капитализма — империализму означал, что доминированию свободного предпринимательства пришел конец. Оно породило свою противоположность — монополистический капитализм, общественно-политическим идеалом которого является отнюдь не демократия. «Монополии, — писал В. И. Ленин, — соответствует политическая реакция»¹⁵. Сейчас в отличие от периода французской революции буржуазия поддерживает «все отсталое, отмирающее, средневековое», стремится блокироваться «со всеми отживающими и отжившими силами»¹⁶. Именно из этого стремления и

той тенденции монополистического капитала вытекает поддержка развитыми капиталистическими государствами диктаторских режимов, осуществляющих террористическую деятельность против собственного населения и народов других стран.

Демократические традиции общества отстаиваются сегодня основными революционными силами современности во главе с мировой системой социализма. Как проговорился в июне 1983 г. один из любимых Вашингтоном диктаторов — А. Пиночет, демократия является «питательной средой» для коммунизма¹⁷. В этих условиях заявления Рейгана о том, что «Советский Союз не только всячески финансирует и вооружает марионеточные правительства в странах, где царят терроризм и геноцид, но и насаждает повсюду жестокие диктатуры в целях дальнейшей экспансии»¹⁸, являются лишь демагогической попыткой свалить все с больной головы на здоровую.

Факты доказывают, что без помощи США и их союзников не могли бы держаться у власти антинародные режимы Гаити, Парагвая, Сальвадора, Филиппин, Южной Кореи и др. В октябре 1981 г. президент Судана Дж. Нимейри сообщил корреспонденту американской телекомпании Эй-Би-Си о своем намерении вести «террористическую войну» против Ливии. И вслед за этим представитель Белого дома уведомил, что в дополнение к уже поставленному Судану оружию в текущем финансовом году администрация США ассигнует режиму Нимейри более 200 млн. долларов в качестве военно-экономической помощи.

Установление в апреле 1980 г. военной диктатуры в Либерии, не прекращающиеся с тех пор террор и репрессии не только не приостановили американских субсидий этой стране, а, наоборот, привели к их значительному росту: с 8 до 68,3 млн. долларов. Кроме этого, оказывается помощь в создании и обучении национальной армии. Как с огорчением признавал один из ливийских официальных деятелей, «большинство из нас чувствует, что Америке гораздо более удобно иметь дело с этими людьми (новыми военными властями Либерии. — Б.), чем с некоторыми интеллектуалами, кото-

рые могли бы проводить более независимую внешнюю политику»¹⁹.

Рассматривая деятельность террористических диктатур в развивающихся странах и их зависимость от иностранного капитала, лондонский журнал «Саус» приходит к выводу, что «самые репрессивные режимы третьего мира — это чаще всего режимы с максимальной идеологической близостью к Западу. Господствующие группы, которые управляют ими, обычно являются просто физическим продолжением западных интересов»²⁰.

Анализ событий, происходящих в разных уголках планеты, убеждает, что Соединенные Штаты оказывают поддержку репрессивным режимам именно в плане борьбы с «международным терроризмом». Это особенно ярко проявляется в их отношениях к диктатурам в Гондурасе, Гватемале и Сальвадоре.

Принятый в Гондурасе в апреле 1982 г. анти-террористический закон дает военным неограниченные права в борьбе против любой оппозиции и инакомыслия. Профсоюзные лидеры страны, высказавшиеся против правительственной политики в отношении Никарагуа, были арестованы. Церкви, оказывавшие гуманитарную помощь беженцам из соседних стран, подвергались обыскам, нередко случаи бесследного исчезновения неугодных режиму людей. Репрессии обрушены на сальвадорских беженцев, проживающих в Тегусигальпе.

Казалось бы, налицо вопиющие факты преступлений правительства против собственного народа. Но это ничуть не волнует вашингтонскую администрацию. Почему? Да потому, что ей очень хочется превратить эту страну в форпост против «международного терроризма», т. е. против Кубы, Никарагуа и сальвадорских повстанцев. В 1982 г. Гондурас по объему военной помощи, получаемой от США, оказался на втором месте в Латинской Америке (после Сальвадора). За один этот год он получил вооруженного снаряжения больше, чем с 1950 по 1979 г. При активном участии Вашингтона и на его средства идет здесь строительство и усовершенствование военных баз, чтобы сомкнуть кольцо вокруг Никарагуа. В 1981 г. 25 американских инструкторов обучали гондурасскую армию борьбе с «междуна-

родным терроризмом», а в 1982 г. их число достигло 150. «Зеленые береты» и специалисты ЦРУ начали обучать технике антиповстанческой войны тридцатилетних мальчиков. На военную форму им навешивают специальные грузы, чтобы достичь веса 110 фунтов, необходимого для раскрытия парашюта.

Как отмечал Бьюкенен, «военная помощь США усиливает позиции тех лиц, которые вероятнее всего уничтожат демократическое правительство в стране»²². Скажем прямо, насчет «демократичности» гондурасского правительства он хватил через край, но подмеченная тенденция действительно имеет место: даже среди правых сил в развивающемся мире рейгановская администрация наиболее активно поддерживает ультраправые и ультрареакционные, вроде тех, которые возглавляет генерал Густаво Альварес, призывающий к войне с Никарагуа и милитаризации южных районов Гондураса.

Стремясь превратить Гондурас в форпост своего вмешательства в Сальвадоре и Никарагуа, вашингтонская администрация летом 1983 г. отдала приказ о проведении на территории этой страны маневров «Биг пайн-II» в прилегающих водах «обычных» военных маневров «Биг пайн-II». К концу года стало ясно, что эти маневры явились не только самыми крупными из всех когда-либо проводимых США в Центральной Америке (участвовало более 5000 американских военнослужащих), но и самыми продолжительными. Еще не закончились «Биг пайн-II», а Пентагон объявил, что в апреле 1984 г. начнутся «Биг пайн-III», и, как стало известно, имеются планы по проведению «Биг пайн-IV, V, VI» и т. д. То есть фактически это — целый каскад маневров, задача которых — превратить участвующие в них войска в постоянную оккупационную армию, обеспечивающую тыл гондурасским правителям. Теперь они могут, не опасаясь собственного населения, более широко включиться в операции против сальвадорских повстанцев в Никарагуа.

Вопиющие нарушения прав человека, террор, массовые убийства, осуществляемые диктаторским режимом Гватемалы, вынудили администрацию Дж. Картера в 1977 г. прекратить военную помощь этой стране. Республиканская администрация, опи-

раясь на «научное» отделение авторитарных режимов от тоталитарных, стремилась возобновить военные поставки «дружественным правительствам». Но в случае с Гватемалой сделать это было не так просто. Очень уж был велик счет кровавых преступлений режима. По данным профессора Пенсильванского университета Эдварда Германа, только в 1980 г. гватемальская охранка убила более 4 тыс. мирных граждан.

Требовалась впечатляющая акция, которая бы заставила американских конгрессменов смириться с возобновлением военной помощи «авторитарной» Гватемале. Состоявшиеся в этой стране 7 марта 1982 г. выборы были представлены общественности Соединенных Штатов как триумф «прав человека» как переход к «свободным и демократическим методам правления». Руководил «выборами» брат президента Гарсии генерал Бенедикто Лукас Гарсиа. Он приказал воинским частям окружить города и поселки, предупредил, что «те, кто будет стараться убежать, никогда не вернутся обратно». Гватемальцы знали: брат президента слов на ветер не бросает, а если и бросает, то только одно слово: «Kill! Kill! Kill!» (Убей!) Именно это выкрикивал генерал, нажимая гашетку американского пулемета М-60, пролетая в вертолете над индейскими деревнями. Армейские патрули сопровождали избирателей к урнам, чтобы защитить их от атак «террористов». Однако даже в столь «демократических» условиях 70 % избирателей не явились для голосования. Впрочем, это никого не смутило. Один из кандидатов генерал Ганибал Гуэвара провозгласил себя избранным еще до того, как половина бюллетеней была сосчитана, а «парламент» безотлагательно это подтвердил.

Установленная таким образом «демократия» торжествовала считанные дни. В результате очередного государственного переворота к власти пришел «истинный демократ и либерал» (по определению Белого дома) Эфраим Риос Монтт, начавший беспощадную войну против «терроризма».

Вот лишь некоторые зверские преступления, лежащие на совести диктатора Монтта и тех, кто привел его к власти. В одной из деревень провинции Квише солдаты обезглавили всех мужчин, из-

насиловали женщин и изрубили детей в куски. В индейской деревушке Сан-Франциско всех женщин и детей согнали в церковь, мужчин — в полицейский участок. Начали с церкви. Патроны бергели, рубили мачете... Уничтожили более 300 человек, лишь чудом уцелевшие единицы смогли повесть миру правду о случившемся. Такая же участь постигла деревушки Сан-Хосе Лас-Росас и Ко-Хо-Метаба. По неполным данным, только с марта по июль 1982 г. прислужники кровавого диктатора применяли пытки и массовые убийства в 112 операциях²³.

В октябре 1982 г. Комитет солидарности с народом Гватемалы выступил в Нью-Йорке с заявлением, в котором требовал от американского правительства прекратить помощь режиму, который за несколько месяцев уничтожил 8 тыс. человек. Государственный терроризм и терроризм частных отрядов буржуа и олигархов достиг здесь самого широкого распространения и держит под напряжением всю страну. В некоторых провинциях складывается такая обстановка, что присоединение к повстанцам, уход в партизаны оказываются не более опасными, чем «нормальная жизнь».

Разгул варварства и садизма несколько не смущает борцов с «международным терроризмом». Помощник госсекретаря США Томас Эндерс отмечал, что эти действия правительства оправданы, так как направлены против террористов. Еще с большей откровенностью высказался американский генерал У. Наттинг, без обвиняемых заявивший: «Мы не можем допустить падения нынешнего гватемальского режима и прихода к власти левых сил. Эта страна имеет для нас даже большее стратегическое значение, чем Сальвадор».

В Гватемале, как и в Гондурасе, Вашингтон делает ставку на самые реакционные круги, которые не допускают и мысли о какой-либо независимости политического курса от желаний «великого северного соседа». Стоило президенту Монтту несколько заупрямиться, попытаться намекнуть, что кроме служения Вашингтону у Гватемалы есть некоторые национальные интересы, как его судьба была решена. Главнокомандующий Южной группой войск США генерал П. Горман вызвал к себе на борт

авианосца «Рейнджер» гватемальского министра обороны генерала Умберто Мехиа и вручил ему инструкции. Вернувшись домой, Мехиа отдал соответствующие распоряжения, и через день (8 августа 1983 г.) президент Монтт был свергнут.

Занявший его кресло Мехиа немедленно начал доказывать Вашингтону, что он не менее ревностный «борец с терроризмом», чем его предшественник. Всего в Гватемале после захвата в 1954 г. власти военщиной было уничтожено около 100 тыс. человек.

С еще большей наглядностью лицемерно-фальшивый характер кампании борьбы с «международным терроризмом» был продемонстрирован американской поддержкой кровавой хунты в Сальвадоре. Лидеры республиканской администрации пытаются доказать, что антиправительственные выступления в этой стране были инспирированы Советским Союзом, действующим через Кубу и Никарагуа. В специальном докладе, выпущенном госдепартаментом в феврале 1981 г., говорится, что «восстание в Сальвадоре прогрессирующе трансформировалось в случай из учебника о косвенной вооруженной агрессии коммунистических держав через Кубу»²⁴. С момента его опубликования было ясно, что обнаружение этого пространного доклада призвано оправдать внешнюю политику новой вашингтонской администрации, взявшей курс на усиление антисоветизма и неокOLONиализма, на подрыв международной разрядки.

Впоследствии выяснилось, что одни цитируемые «документы» оказались фальшивками, другие — неизвестного происхождения. Сотрудник фонда Карнеги, занимавший при Картере пост директора отдела госдепартамента по кубинским делам, Уэйн С. Смит отметил, что «ни один из документов не указывал на связь СССР с поставками партизанским силам в Сальвадоре или демонстрировал бы, что насилие там скорее вызвано внешней агрессией, нежели внутренним конфликтом». «Если бы партизаны получили все вооружения, о которых сообщила разведка США, — продолжал Смит, — они превосходили бы сальвадорскую армию по количеству оружия в соотношении 20 : 1»²⁵.

Восстание против правящей элиты Сальвадора

явилось, конечно, не следствием деятельности «международного терроризма», а логическим продолжением многовековой борьбы угнетенных масс страны за лучшую жизнь. В 1832 г. богатые землевладельцы потопили в крови бунт крестьян-индейцев. После этого было еще немало крупных восстаний²⁶, вошедших в историю борьбы сальвадорцев за свою свободу. Наиболее значительное из них произошло в 1932 г., когда 60 тыс. крестьян и индейцев под руководством Фарабундо Марти поднялись против диктатора Мартинеса. В результате массовой резни, устроенной армией и военизированными группами молодых олигархов, 30 тыс. мужчин, женщин и детей были убиты.

Шло время, а народ по-прежнему оставался в нищете и несправедливости. В конце 70-х гг. 2 % населения контролировало 60 % земли, 96,3 % сельских жителей имели 12 акров земли или меньше, 58 % трудящихся зарабатывали в месяц не более 10 долларов, 70 % детей в возрасте до 5 лет страдали от недоедания, калорийность питания была самой низкой в Западном полушарии. Почти каждый второй сальвадорец не умел ни читать, ни писать, детская смертность составляла 60 на 1000 рождений, что в 2,5 раза выше, чем на Кубе. 64 % горожан не пользовались канализацией, 45 % не могли регулярно получать питьевую воду. Доход на душу населения был самый низкий в Центральной Америке, в то же время 8 % жителей страны владели половиной национального богатства. Безработица и недозанятость в сельских районах постоянно держалась на уровне 45 %²⁷. Таковы были истинные причины народной революции в Сальвадоре.

Стремясь подавить борьбу сальвадорцев за социальную справедливость, вступившие в зрелый возраст душители восстания 1932 г. продолжали действовать испытанными методами. Весной 1980 г. обстановка накалилась до такой степени, что архиепископ Сальвадора Оскар Арнульфо Ромеро, выступая по радио, обвинил силы безопасности в том, что они «сеют террор», и призвал солдат не убивать своих соотечественников. Представитель правительства тут же назвал этот призыв «преступлением», а на следующий день, 24 марта 1980 г., во

время мессы в соборе архиепископ Ромеро сам пал жертвой террора. Его последними словами были: «Я хочу обратиться со специальным призывом к солдатам... Крестьяне, которых вы убиваете,— ваши братья и сестры... Во имя бога и во имя нашего распятого народа, который страдал так много и чьи мольбы слышны на небесах, я заклинаю вас, я умоляю вас, я приказываю вам во имя бога — остановите репрессии!»²⁸

В следующем месяце правительство США выделило дополнительно 5,7 млн. долларов на увеличение военной помощи Сальвадору. К началу 1982 г. сальвадорская хунта уничтожила 40 тыс. своих соотечественников и продолжила массовые убийства. Как считает бывший посол США в Сальвадоре Уайт, 95 % жертв — это невооруженное гражданское население, которое зачастую истреблялось поголовно.

Широко известны жуткие подробности резни, устроенной солдатами отренерированного американскими советниками батальона «Атлакатель» 12 декабря 1982 г. в деревне Эль Мосоте. Солдаты пришли на рассвете. Людей выгнали из домов, собрали на площади. Отделили детей, заставили их раздеться и заперли в одном из домов. Мужчин загнали в церковь. Женщин поместили в дом Альфредо Маркеса, где держали до вечера без пищи и воды. В полдень покончили с мужчинами. Затем принялись за девушек. Отвели на ближайшие холмы. Там их изнасиловали, умертвили и сожгли. Не пощадили головорезы оставшихся пожилых женщин и детей. Общий итог декабрьской карательной экспедиции батальона «Атлакатель» в департаменте Морасан: более 1000 убитых, в том числе 200 детей. «Это хуже, чем в 1932 г.,— говорил 82-летний Эмертио Дюбон, которому удалось бежать из страны,— тогда они убивали только молодых мужчин. Сейчас армия приходит и убивает любого, женщин, детей, стариков. Безразлично, кто ты»²⁹.

Возмущение международной и американской общественности было настолько велико, что понадобился опять эффектный «демократический акт», который оправдал бы предоставление Вашингтоном военной помощи Сальвадору. И он был спланирован и проведен в «лучших» традициях ЦРУ: в мар-

те 1982 г. в Сальвадоре состоялись «свободные», «демократические» выборы. И пусть проводились они под дулами автоматов, а 438 избирателей, показавшихся подозрительными, были застрелены на месте, пусть даже многие политические лидеры Запада назвали эти выборы «фарсом» — главное, они состоялись. И это послужило достаточным основанием для того, чтобы в распоряжение кровавой хунты потекли новые миллионы долларов американской помощи.

После «выборов» репрессии против мирного гражданского населения не только не ослабли, но еще более усилились. По документально подтвержденным данным офиса архиепископа Сальвадора, за 6 месяцев 1982 г. правительственными органами и силами, пользующимися официальной поддержкой, в стране было убито почти 3 тыс. человек. Тем не менее 27 июля президент Рейган подтвердил, что вне всякого сомнения Сальвадор отвечает критериям в области прав человека, налагаемым законом о помощи иностранным государствам, и потому военная помощь ему будет продолжаться.

Пентагон, по свидетельству заместителя министра обороны США Ф. Икле, обучает в форте Брагге (штат Северная Каролина) и форте Беннинге (штат Джорджия) 1500 сальвадорских солдат и офицеров. «Мы помогаем также,— подтвердил директор ЦРУ Кейси,— тренировать антитеррористические военные отряды».

Выше уже рассказывалось, как применяются полученные «антитеррористические» навыки на практике. Процесс же овладения ими описал Карлос Монтано, дезертировавший из сальвадорской армии в Мексику: «В армии мы прошли курс ведения антипартизанских операций. Для этого в наш гарнизон торжественно прибыли из США 8 американцев из спецвойск „зеленых беретов“. Они принялись обучать нас технике пыток. Однажды вечером они приволокли к нам девятерых подростков, объявленных партизанами. Первому — юноше 15 или 16 лет — „зеленые береты“ вонзили штыки в пальцы рук и вырвали ногти. Затем выкололи ему глаза, содрали кожу с его груди, рук и ног, сняли с головы скальп, облили парня бензином и сожгли. На следующий день они проделали то же самое с

13-летней девочкой. Тем же способом поочередно замучили насмерть всех девятих пленников»³⁰.

На этом фоне очевидным фарисейством выглядит сделанное Рейганом в канун Нового 1983 года заявление о том, что он будет и впредь добиваться продолжения и увеличения помощи правительству Сальвадора, которое «очень сильно старается и делает большой прогресс» в защите прав человека. Как видим, немалая заслуга в этом «прогрессе» и американских военных советников, натаскивающих сальвадорских «антитеррористов».

Анализ уже имеющихся итогов борьбы с «международным терроризмом», точнее говоря, борьбы, развязанной империализмом в начале 80-х гг., по подавлению стремлений к социальной справедливости, свободе и независимости в развивающемся мире показывает, что ее основными направлениями стали подрывные действия против прогрессивных режимов в освободившихся странах и поддержка реакционно-репрессивных диктатур. Также большое значение «антитеррористами» придается формированию и укреплению региональных субъектов неокониализма («субимпериалистических центров»), призванных осуществлять в широких масштабах «грязную» работу по подавлению национально-освободительного движения. Их главнейшая задача — с помощью военно-террористических методов удерживать страны и народы определенных регионов развивающегося мира в страхе и покорности. Для ее выполнения объединенные силы реакции идут и будут идти решительно на все.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «СУБИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ» ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Советские и зарубежные исследователи взаимоотношений развитых капиталистических и развивающихся стран давно подметили, что инвестиции транснациональных корпораций все активнее концентрируются в относительно небольшом числе молодых государств. Во второй половине 70-х гг. свыше половины их общего объема приходилось всего на 11 наиболее крупных развивающихся стран (таких, как Бразилия, Мексика, Индия, Иран и т. п.). По мнению профессора Р. Ульяновского, это объясняется не только экономическими соображениями, но и военно-политическими интересами Запада и стратегическим значением для него отдельных освободившихся государств¹.

По подсчетам А. А. Громыко, в 1981 г. около 70 % общей суммы прямых инвестиций США в развивающиеся страны приходилось на Бразилию, Мексику, Панаму, Аргентину, Венесуэлу, Перу, Бермудские и Багамские острова². Министр экономики ФРГ Отто Ламсдорф писал, что столько же западногерманских инвестиций в «третьем мире» находилось всего в 10 странах³. Комиссия ООН по транснациональным корпорациям констатировала в 1983 г., что «в рамках принимающих развивающихся стран по-прежнему имеет место высокий уровень концентрации капиталовложений: на шесть из этих стран приходится от 50 до 75 % всего притока капитала».

Подобное распределение инвестиций ТНК в развивающемся мире вызывается наряду с политическими и стратегическими соображениями также тем фактом современной экономической жизни, что капиталистические монополии стремятся эксплуатировать более квалифицированную рабочую силу, дающую наивысшую прибыль. А такая рабочая сила

наличествует в относительно небольшом числе молодых государств.

Следствием такой практики является усиление дифференциации среди освободившихся государств. Из их среды выделяются «новые индустриальные страны», которые субъект неокOLONиализма пытается использовать в качестве «субимпериалистических центров» для контроля над национально-освободительным движением и защиты своих экономических и военно-стратегических интересов в соответствующих регионах.

Советские экономисты, анализирующие эти процессы, приходят к выводу, что «традиционная двухзвенная схема отношений „международные корпорации — эксплуатируемая периферия“ может заменяться на трехзвенную, в которой наиболее развитые освободившиеся государства выполняют, по сути дела, роль посредников монополий»⁴. Ряд исследователей делает заключение, что «на базе наиболее далеко продвинувшихся в экономической и военно-политической областях стран Азии, Африки и Латинской Америки в развивающемся мире постепенно формируются отдельные локальные „мини-центры силы“ или „субимпериалистические очаги“»⁵.

Следует подчеркнуть, что советская общественная наука, занимающаяся внешнеполитической проблематикой, сравнительно недавно начала исследования этих тенденций. Актуальной задачей для будущих исследователей, безусловно, явится проведение комплексного марксистско-ленинского анализа причин, сущности и перспектив развития «субимпериалистических центров». Однако уже сегодня ряд ученых отмечает, что формирование подобных центров является не только следствием политики ТНК, что они не только выполняют роль посредников и проводников стратегии субъекта неокOLONиализма, но нередко преследуют собственные автономные цели, осуществляют относительно самостоятельный политический курс. Е. М. Примаков, в частности, подчеркивает, что при известных условиях сфера несовпадения интересов субъекта неокOLONиализма и «субимпериалистического центра» может расширяться и что, опираясь на значительные материальные ресурсы и вооружения, ло-

кальные «центры силы» могут вести борьбу не только с освободившимися государствами и между собой, но и с развитыми капиталистическими странами⁶. Исследуя взаимоотношения латиноамериканских государств с США, В. А. Кременюк приходит к выводу, что «усиливающиеся тенденции к независимости и самостоятельности в некоторых важных решениях (например, закупка Бразилией комплекса заводов по регенерации ядерного топлива в ФРГ), а главное — военное выступление Аргентины против оккупации Англией Фолклендских (Мальвинских) островов показали, что в перспективе США уже не могут рассчитывать на полную „свободу рук“ в этом районе мира»⁷.

Как свидетельствует почти 20-летний опыт интенсивной деятельности субъекта неокOLONиализма по созданию «субимпериалистических центров» (начиная с военного переворота в Бразилии в 1964 г.), свои первоначальные замыслы стратегам неокOLONиализма осуществить не удалось. Хотя военное правительство Бразилии (и на определенных этапах Аргентины) обеспечило относительно стабильную социально-политическую обстановку в стране для беспрепятственного развития капиталистического бизнеса, хотя в ряде случаев оно пыталось играть активную роль в подавлении национально-освободительных тенденций в латиноамериканском регионе, однако в целом, как представляется, нет достаточных оснований говорить о превращении Бразилии в «субимпериалистический центр».

Процессы демократизации внутривнутриполитической жизни в Бразилии и Аргентине в начале 80-х гг. еще раз подтвердили, что достижение сравнительно высокого уровня в развитии капиталистических отношений связано не только с укреплением позиций местной буржуазии и «мини-ТНК», но и со становлением мощного рабочего и общедемократического движения, которое может оказаться труднопреодолимой преградой на пути имперских амбиций реакционных сил.

Практика показывает, что «субимпериалистические» тенденции наиболее сильно проявляют себя в тех случаях, где присутствует комбинация внутренних материальных, социально-классовых, а также внешнеэкономических и внешнеполитических

факторов. Их соответствующая комбинация может сложиться как на капиталистической, так и докапиталистической стадии развития. Наличие уникальных или просто больших запасов природных ресурсов, демографического потенциала, гипертрофированная роль государственного аппарата в условиях многоукладности и размытости, несформированности социально-классовых и политических структур, гегемонистские устремления по отношению к соседним и близлежащим странам, «особые» взаимоотношения с субъектом неокOLONиализма — все эти и ряд других обстоятельств могут послужить причинами превращения молодого государства в «субимпериалистический центр».

Правящие круги развитых капиталистических стран стремятся ускорить формирование таких локальных «центров силы» в регионах их преимущественного влияния. Особенно большую активность в этом направлении проявляют Соединенные Штаты. Выступая в сенатской комиссии по иностранным делам летом 1981 г., Джеймс Бакли, рекомендованный Рейганом на пост заместителя госсекретаря США, заявил, что мечтает о том времени, когда ключевые страны Азии, Африки и Латинской Америки окажутся под руководством военных режимов, способных силой оружия обеспечить «внутреннюю стабильность» и одновременно — «свободу действий» для США.

На такие сильные в военном отношении развивающиеся государства Вашингтон стремится переложить значительную долю грязной работы в борьбе с «международным терроризмом». Эти так называемые «субимпериалистические центры» не только выполняют роль посредников субъекта неокOLONиализма, но и преследуют собственные агрессивные, экспансионистские цели в соответствующих регионах развивающегося мира. Хотя нередко между ними и империалистическими государствами или отдельными транснациональными корпорациями и возникают острые противоречия, конфликты по частным вопросам, но в целом они действуют в пользу долгосрочных интересов неокOLONиалистской стратегии монополистической буржуазии.

Выступая с этих позиций, они направляют острие «антитеррористической» кампании прежде все-

го против прогрессивных национально-освободительных движений и освободившихся стран, придерживающихся социалистической ориентации. Это резко усложняет условия деятельности революционной демократии развивающегося мира, ставит перед ней ряд новых задач. Если раньше основные беспокойства для правительства государства национальной демократии исходили из сферы экономики (первым в повестке дня стояло удовлетворение насущных материальных нужд населения страны), то сейчас речь все чаще идет о судьбе политической власти. Прогрессивные режимы развивающегося мира, обвиняемые в инспирировании «международного терроризма», становятся объектом нарастающих нападков, подрывных действий, подвергаются продуманной кампании изоляции и дестабилизации. Им приходится вести изнурительную, неравную и зачастую кровопролитную борьбу не только с действительным государственным терроризмом западных держав, но и порой с подрывной деятельностью соседних государств, правительства которых, не устояв перед усилением неокOLONиалистской социально-политической экспансии американского империализма, проводимой под флагом борьбы с «международным терроризмом», поспешили заверить Вашингтон в том, что они понимают и разделяют цели этой кампании и сами готовы стать в ряды «борцов с терроризмом».

Надо сказать, что противостоять давлению субъекта неокOLONиализма на данном направлении тем более нелегко, что все чаще политическую, «антитеррористическую» лояльность увязывают с представлением экономической помощи, займов, кредитов, поставками продовольственных товаров, оказывающимися в ряде случаев жизненно необходимыми для физического выживания широких масс населения стран, пораженных засухой, хозяйственной неразберихой, находящимися в глубокой долговой яме. Анализ последних событий показывает, что самыми ревностными «антитеррористами» оказываются наиболее кровавые и репрессивные диктатуры развивающегося мира, вроде нынешнего сальвадорского режима. И не случайно. Ведь без поддержки субъекта неокOLONиализма — экономической, диплома-

тической, военной — они были бы давно выброшены на свалку истории собственным народом.

В 1982—1983 гг. Пентагон приложил немало усилий, чтобы превратить Гондурас в локальный «центр силы» для Центральной Америки. Однако, видимо, как и в случаях с Бразилией, Аргентиной, Ираном, «субимпериалистические» тенденции в этой стране отнюдь не носят необратимый характер.

Классическими примерами полностью сформировавшихся «субимпериалистических центров» служат Израиль и ЮАР. Эти страны имеют как «особые» взаимоотношения — помощи и поддержки — с субъектом неокolonизма, так и своеобразное сочетание природного и демографического потенциала, внешнеполитических условий. Выполняя роль региональных субъектов неокolonизма соответственно в Северо-Восточной Африке, Западной Азии и в Африке к югу от Сахары, Израиль и ЮАР не только являются защитниками интересов ведущих империалистических держав, мировой финансовой олигархии, но отстаивают там собственные специфические цели, не всегда и не во всем совпадающие с позициями их покровителей. Органическая связь действительного международного терроризма с монополистическим капитализмом особенно наглядно проявляется в той помощи и поддержке, которые оказываются Израилю и ЮАР, выполняющим функции региональных политических жандармов самыми безжалостными, бесчеловечными средствами и методами.

Задолго до образования государства Израиль международный сионизм создал ряд террористических организаций, ставящих целью очистить место в Палестине для евреев, вынудить арабское население бросить свою землю и бежать в другие страны. Жертвами сионистского террора оказались не только беззащитные арабы, но и служащие английской администрации, а также представители ООН. 17 сентября 1948 г. в Иерусалиме молодчиками из отряда Стерна был убит шведский дипломат граф Фольке Бернадотт, стремившийся добиться компромисса между арабами и израильтянами на основе предложенного ООН плана раздела Палестины.

За 35 лет своего существования Израиль с помощью западных стран превратился в одного из

крупнейших в мире импортеров, производителей и экспортеров оружия. Его правительство не только само проводит агрессивную внешнюю политику по отношению к соседним арабским странам, но выступает в роли друга и поставщика вооружения и боевой техники наиболее реакционным режимам развивающегося мира. Современные средства ведения войны, включая радары, ракеты, реактивные истребители, производятся на 120 предприятиях Израиля, работающих в основном на базе западной технологии.

Находящаяся на вооружении израильской армии винтовка «фал» создана по бельгийскому образцу, 90-миллиметровое противотанковое ружье — по французскому, 106-миллиметровое безоткатное противотанковое орудие «шеффер» и 144-миллиметровая гаубица — по американскому. По лицензиям ТНК здесь производятся ракеты «хок», танки М-48 «паттон».

В основе израильского танка «супершерман М-4» лежит американский «шерман», ракеты ЛАЗ-1 — ракета «маверик», патрульного судна класса «дебюр» — корабль класса «свифт». Танк модели «меркава» производится совместно с США, а истребитель «ирайе» имеет прототипом F-16. По лицензии французской компании «Марсель Дассо» производится истребитель «кфир» (реконструированный «мираж-3» с американским двигателем), ракета «нерихон», способная нести ядерную боеголовку, противотанковая ракета СС-11. Управляемый снаряд «габриэль» создан на базе западногерманской ракеты системы «корабль — корабль» — «корвет». В пустыне Негев под видом «текстильной фабрики» с французской технической помощью выстроен ядерный реактор.

Одна треть военных предприятий Израиля работает на экспорт. Самолеты «арава» продавались в Мексику, Эквадор, Боливию, «кфир» — в Бразилию, Эквадор, Перу, Венесуэлу, Филиппины, катеры «дебюр» — в Сингапур и Таиланд. Наиболее значительная часть продукции израильского военно-промышленного комплекса (ВПК) идет реакционным диктатурам. Армия Сомали использовала против сандинистов самолеты «арава», ЮАР получает 106-миллиметровые безоткатные орудия «шеф-

фер», самолеты «кфир», кооперируется с Израилем в производстве военных судов. Тайваньскому режиму и клике Пиночета поставляются орудия «шеффер», Уругваю — самолеты «арава». «В самое последнее время, — отмечает советский исследователь И. Д. Иванов, — крупнейшим клиентом ВПК Израиля стал террористический режим Сальвадора, закупивший оружия более чем на 57 млн. долларов»⁸.

Можно добавить, что правительство Тель-Авива вместе с оружием все чаще направляет в эти страны и своих военных советников, инструкторов, которые, пройдя американскую школу и используя собственный опыт, оказывают помощь в подготовке «антитеррористических сил». В Гондурасе, например, они тренируют местных летчиков, учат их уничтожать противоздушные ракеты советского производства, могущие, по их лживым утверждениям, оказаться на вооружении ПВО Никарагуа⁹.

Мобуту из Конго (ныне Заир) и Иди Амин из Уганды прошли специальную военную подготовку в Израиле. Как стало впоследствии известно, именно Мобуту была отведена главная роль в свержении правительства Патриса Лумумбы. Иди Амин возглавил военный переворот, в ходе которого был свергнут президент Уганды Милтон Оботе. Сионистское руководство Израиля всячески поощряет реакционные сепаратистские движения в Африке, чтобы облегчить ТНК эксплуатацию природных богатств континента. В начале 60-х гг. Израиль помогал Чомбе, пытавшемуся отделиться от Конго богатый полезными ископаемыми район Катанги. Правительство Израиля активно поддерживало тех, кто стремился отделиться от Нигерии так называемую Биафру, богатую нефтью; открыто стояло на стороне сепаратистов в Южном Судане во времена антиимпериалистического правительства в 1968—1971 гг. Власти Израиля поддерживали феодальный режим Хайле Селассие в Эфиопии и предлагали помощь ОАС — реакционной организации французских офицеров, выступивших против решения президента Франции де Голля предоставить Алжиру независимость¹⁰.

Во всей этой активности Тель-Авив получает одобрение и помощь официального Вашингтона.

С 1951 г. он одарил Израиль военными поставками на сумму в 15 млрд. долларов. Однако, с точки зрения израильских руководителей, этого явно недостаточно. В свое время М. Бегин сетовал, что «Израиль обеспечивает стратегическую поддержку и вкладывает в национальную безопасность США больше, чем Соединенные Штаты поддерживают Израиль и вкладывают в его национальную безопасность»¹¹. После вторжения в Ливан в 1982 г. Шарон, бывший тогда министром обороны, прямо заявил американскому представителю: «Мы спасли для вас Ливан».

В действительности, несмотря на относительно развитую экономику, мощный ВПК, Израиль в огромной степени зависит от своего заокеанского покровителя, предоставляющего ему ежегодно 1,8 млрд. долларов в виде военной и 785 млн. долларов в виде экономической помощи. Тель-Авив остается в огромном долгу у Вашингтона по старым займам. Но каждый год американский конгресс относит сроки платежей по 500 млн. долларов. Общая сумма перенесенных таким образом платежей — 6 млрд. долларов. Израиль является одной из пяти стран мира (другие — Египет, Турция, Либерия, Заир), которым разрешено игнорировать обязательное требование «покупать американское» за деньги, получаемые по каналам помощи.

Да, в свете приведенных фактов Белому дому не очень приятно вместо благодарности слышать упреки в недостаточной помощи. По этому поводу один американский дипломат высказался так: «Перед вторжением в Ливан Израиль имел 567 боевых самолетов и 457 из них были американскими самолетами, оплаченными с помощью американских кредитов и займов. Если и это не вклад Америки в безопасность Израиля, как полагает Бегин, тогда я не знаю, что может считаться таковым»¹².

Практически ни одна страна в мире не находится в столь сильной зависимости от другого государства, как Израиль от США. «Тель-Авив, — пишет бостонская газета «Крисчен сайенс монитор», — может делать только то, что ему разрешают США. Он не осмеливается провести хотя бы одну военную операцию без молчаливого согласия официального Вашингтона».

Следовательно, осуществляя политику террора и геноцида против арабского национально-освободительного движения в целом и палестинского в частности, правящие круги Израиля действуют с полного благословения США. Сообщая они выступают и душителями мирового революционного процесса, поддерживают и укрепляют антинародные диктаторские режимы. Их объединяют общие цели и интересы. Значит, и ответственность за кровавую резню в палестинских лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г. одинаково несут Тель-Авив и его западные покровители.

Впрочем, по мнению борцов с «международным терроризмом», массовое убийство мирных людей в Ливане оказывается даже в какой-то степени полезным и оправданным. Выступая в вашингтонском пресс-клубе 24 сентября 1982 г., вице-президент Дж. Буш заявил, что «ужасная резня» палестинцев в Бейруте дает дополнительный импульс Израилю к решению палестинского вопроса, а арабским странам — к признанию государства Израиль. Бывший госсекретарь Г. Киссинджер, по сообщению информационного агентства ЮПИ, предупредил, что Соединенные Штаты должны поддерживать Израиль, несмотря на существенную возможность того, что его официальные деятели знали о резне палестинского гражданского населения в Ливане. «Внешняя политика нашей страны, — отметил Киссинджер, — должна проводиться на основе национального интереса и не может проводиться на основе элемента гуманности».

Экс-террорист Бегин и его подручные перед лицом возмущенного общественного мнения попытались всячески выкручиваться, отрицать то, что они были в курсе кровавых событий, происходивших в Бейруте. Факты, собранные мировой прессой, разоблачили фальшь и лицемерие этих попыток. Вот лишь некоторые из них.

16 сентября, когда началась резня в Сабре и Шатиле, начальник генерального штаба израильской армии генерал Эйтан заявил в интервью израильской газете «Маарив»: «Теперь мы уничтожим то, что должно быть уничтожено в Западном Бейруте. И мы арестуем всех, кого нужно арестовать». Газета «Еднот ахронат» сообщила, что вошедшие

в лагеря каратели получили приказ «уничтожить все мужское население в возрасте свыше 12 лет». «Джерузалем пост» информировала, что вступление карателей в Сабру и Шатилу была оказана «полная поддержка израильских войск в этом районе». Артиллерия вела массированный огонь, вынуждая палестинских беженцев покидать дома. «Наш орудийный расчет делал по два залпа в минуту, стреляя всю ночь с четверга (16 сентября) на пятницу, — сказал корреспонденту «Джерузалем пост» израильский солдат. — Под утро мы пустили в ход сверхмощные и фосфорные снаряды».

Но даже и эта преступная акция против женщин, детей и стариков в Западном Бейруте не поколебала твердой политики поддержки, оказываемой Израилю главным покровителем. «Наши отношения с Америкой не изменились, — удовлетворенно заявил Шарон. — Американцы поддерживают нашу программу, они во всем согласны с нами».

Поощряемые этим согласием «специалисты» из «Шин-бет» (служба контрразведки Израиля) избивают арестованных плетьюми, палками, вырывают ногти, подвешивают за руки или за ноги, применяют электроток и слезоточивые препараты. «Фирменная» пытка тюрьмы Ягур, что в пригороде Хайфы, — многократное погружение человека в ледяную ванну, затем в горячую. Фантазия «шин-бетовцев» неистощима. И не удивительно: ведь многие из них прошли соответствующую подготовку в США.

Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов, созданная по инициативе крупных юристов, видных общественных деятелей 17 стран Европы, Азии, Африки и Америки, доказала, что в Ливане оккупанты систематически применяют террор в отношении гражданского населения, создают концентрационные лагеря для беженцев и мирных жителей, жестоко обращаются с военнопленными, калечат их, целенаправленно разрушают здания дипломатических представительств, уничтожают культурные и научные ценности и институты.

Все это, однако, нисколько не тревожит покой борцов с «международным терроризмом», велико-

лепно усвоивших практику двойных стандартов, согласно которой все действия ООП рассматриваются как террористические, а варварские акции Израиля — как осуществление законного права на самооборону и даже как борьба с «международным терроризмом»¹³. В этом контексте вполне логичным выглядит решение сенатской комиссии по ассигнованиям конгресса США об увеличении военной и экономической помощи Израилю в 1983 г. на 475 млн. долларов. Сенаторы, видимо, рассматривали это как собственный вклад в «антитеррористическую кампанию».

На Африканском континенте южнее Сахары роль регионального субъекта неокOLONIALИЗМА выполняет ЮАР. В силу исторических особенностей развития юга Африки (специфика инфраструктуры, транспортных коммуникаций, регионального разделения труда) страны этой зоны находятся в особенно сильной экономической зависимости от ЮАР. Например, в 1980 г. 34 % экспорта Замбии и 42 % ее импорта осуществлялось через ЮАР. Для Зимбабве эти цифры близки к 75 %. Для Лесото и Свазиленда от 80 до 90 % импорта идет через ЮАР¹⁴. Единственным источником заработка для многих десятков тысяч граждан Мозамбика, Замбии, Лесото, Ботсваны, Зимбабве является работа на предприятиях ЮАР. Сложилась достаточно масштабная система торгово-экономических связей между этими странами. Если за период с 1964 по 1979 г. объем торговли ЮАР со всей черной Африкой увеличился со 140 до 737 млн. рэндов¹⁵, то только за один 1980 г. он подскочил до 1,1 млрд. рэндов.

Правящие круги ЮАР стремятся осуществлять комплексную неокOLONIALИСТСКУЮ экспансию в страны Африки к югу от Сахары. Еще премьер-министр Б. Форстер высказал сокровенное желание Претории «стать во главе остальной Африки»¹⁶. И сделал немало для этого. А его преемник П. Бота предложил дополнить существующую экономическую зависимость стран Южной Африки заключением политического союза, который он определил как «созвездие южноафриканских народов». Но на эту идею охотно откликнулись лишь марионеточные руководители так называемых «независимых» бан-

тустанов. Все другие государства региона не желали иметь дела с расистским режимом точно так же, как ранее отказались признать созданные им бантустаны. Однако сам факт выдвижения подобного проекта доказывает, что ЮАР готова всеми путями усиливать свое неокOLONIALИСТСКОЕ влияние на Африканском континенте.

Западная и юаровская пропаганда характеризуют в целом политику Претории до второй половины 70-х гг. как «либерализм за границей и репрессии дома». «Эта стратегия, — утверждает профессор Дж. Спенс, — потерпела крушение между 1974 и 1980 годами с появлением Мозамбика и Зимбабве как независимых государств, встревоживших белых юаровцев...»¹⁷ Подобная оценка эволюции внешней политики ЮАР является как крайне односторонней, так и по существу неверной. Агрессивность внешнеполитического курса режима апартеида не детерминирована внешними обстоятельствами, не связана с образованием независимых африканских государств. Она обусловлена самой эксплуататорской, расистской сущностью утвердившейся в ЮАР социально-экономической системы.

Южноафриканские расисты постоянно выступали на стороне сил реакции и колониализма против прогрессивных, национально-освободительных движений. На протяжении десятилетий Претория проводила политику открытого вмешательства во внутренние дела соседних стран. Пока сохранялась португальская колониальная империя, она оказывала разностороннюю помощь колонизаторам. В Мозамбике подразделения ее армии сражались против ФРЕЛИМО. По соглашению 1968 г. в Анголе был создан совместный португало-юаровский командный центр по руководству обеспечиваемых ЮАР авиаразведкой и транспортировкой войск. В 1965 г. Претория поддержала одностороннее провозглашение независимости Южной Родезии Я. Смитом и в нарушение санкций ООН поставляла ему войска и военное снаряжение. В августе 1981 г. юаровские солдаты оккупировали значительную часть ангольской территории, захватили 9 городов. В конце 1983 г. расистский режим предпринял новое крупномасштабное вторжение в Анголу. Непрекращающиеся нападки на эту страну, придержи-

вающуюся социалистической ориентации, преследуют цель создать в Южной Анголе буферное марионеточное государство под эгидой контрреволюционной группировки УНИТА, заставить ангольцев отказаться от поддержки национально-освободительного движения Намибии — СВАПО.

Атакам со стороны ЮАР подвергаются практически все граничащие с нею государства. Например, в феврале 1980 г. совершено вторжение в западную провинцию Замбии. При этом были разрушены мосты, линии электропередач, нанесен большой ущерб сельскохозяйственным угодьям, убиты сотни мирных жителей. Претория снабжает оружием и продуктами так называемое «Национальное движение сопротивления Мозамбика», объединившее остатки вспомогательной армии Музоревы численностью около 5 тыс. человек, бывших наемников Я. Смита, некоторые отсталые племена Мозамбика¹⁸. Она приложила руку к артиллерийскому налету, совершенному в июле 1981 г. на столицу Лесото Масеру, в результате чего серьезные повреждения получили нефтехранилища и промышленные предприятия; организовала разбойничий набег на Масеру в декабре 1982 г. Годом раньше юаровские наемники пытались свергнуть законное правительство Сейшельских островов. А месяц спустя после этого был раскрыт антиправительственный заговор на Мадагаскаре, подготовленный спецслужбами ЮАР.

Поддержание режима, отличающегося внешней агрессивностью и массовыми репрессиями внутри страны, требует огромных расходов на содержание сил подавления. Если в 1960/61 финансовом году военный бюджет ЮАР составлял 44 млн. рэндов, то в 1979/81 — 1,8 млрд., а в 1981/82 — 2,9 млрд. В последние годы военные расходы ЮАР превышали 20 % государственного бюджета и продолжают расти.

По данным Лондонского института стратегических исследований, юаровская армия насчитывает 81,4 тыс. человек под ружьем, 400 тыс. резервистов, 211 боевых самолетов, большое количество иной военной техники. 10 лет назад государственная корпорация ЮАР по производству вооружений — АРМСКОР — обеспечивала нужды юаров-

ской армии только на 30 %, к концу 1982 г. этот показатель увеличился втрое. Сегодня она производит современные танки, вездеходы, ракеты. Одна из последних ее новинок — самоходная 155-миллиметровая артиллерийская установка, которая стреляет стандартными снарядами, находящимися на вооружении НАТО, могущими нести ядерный заряд¹⁹. Как и их израильские союзники, правящие круги Претории стремятся экспортировать оружие, вооружая против собственных народов наиболее репрессивные диктатуры развивающегося мира.

Милитаризм ЮАР несет в себе угрозу не только Африке, но международному миру и безопасности в целом. При попустительстве, а подчас и помощи западных стран режим Претории стал обладателем значительного ядерного потенциала, который позволяет ему создать ядерное оружие.

Еще в 1957 г. США подписали с ЮАР соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, это соглашение было дополнено и расширено в 1962, 1967 и 1974 гг. и имеет сейчас срок действия до 2007 г. В 1961 г. США построили в Пелиндабе исследовательский реактор «Сафари-1», чтобы южноафриканские специалисты могли совершенствовать свое мастерство в обращении с расщепляющимися элементами. Реактор «Сафари-2» был создан уже самими юаровцами в 1967 г., обогащенный уран поставлялся из США и Англии. ФРГ обеспечила ЮАР необходимой технологией для строительства собственного производства по обогащению урана. В 1982—1983 гг. при содействии французского консорциума завершилось создание двух крупных ядерных реакторов в Коберге мощностью по 922 мегаватт каждый. В июле 1981 г. правительство Ф. Миттерана одобрило поставку ЮАР одного реактора стоимостью 900 млн. фунтов стерлингов и передачу ядерной технологии²⁰. Реакторы в Коберге в состоянии производить 400 кг плутония в год, что достаточно для создания каждую неделю одной бомбы типа сброшенной на Нагасаки. Эксплуатируя урановые залежи в Намибии, ЮАР занимает второе место по добыче урана среди капиталистических стран. США покрывает за счет импорта из Южной Африки 20 %, Англия — половину своих ежегодных потребностей в

уране. ЮАР также экспортирует уран в Бельгию, Францию, Нидерланды, ФРГ, Японию, Швейцарию.

6 августа 1977 г. Советский Союз направил послание правительству США, в котором указывалось, что спутник «Космос» сфотографировал ядерный взрыв в пустыне Калахари (ЮАР). Спустя 5 дней правительство Соединенных Штатов подтвердило правильность этой информации, и США, Англия и Франция заявили протест премьер-министру ЮАР Форстеру. 23 августа 1977 г. президент Картер объявил, что получены заверения от Форстера, что никакие испытания ядерного оружия и создание такого оружия не будут иметь место. Через два месяца, выступая по телепрограмме Эй-Би-Си, Форстер отрицал, что он когда-либо давал подобные заверения.

22 сентября 1979 г. над Южной Атлантикой была взорвана израильско-юаровская атомная бомба мощностью 4 килотонны. Четыре различных источника подтвердили этот факт. Обсерватория в Лос-Аламосе получила соответствующие данные со спутника «Вела», запущенного в 1969 г. специально для наблюдений за ядерными испытаниями в атмосфере и до этого правильно определившего 41 такое испытание. Радиотелескоп американской обсерватории на Пуэрто-Рико обнаружил изменения в ионосфере, типичные для ядерного испытания. Исследовательская лаборатория ВМС США зафиксировала с двух различных позиций особые гидро-акустические (сонарные) сигналы в акватории около острова принца Эдварда. ЦРУ информировало комитет по разведке американского конгресса, что той же ночью оперативные соединения ВМС ЮАР провели секретную морскую операцию в районе с приблизительно той же широтой и долготой, что и координаты взрыва в атмосфере²¹.

Несмотря на то что информация о взрыве была получена правительством США на следующий же день, она держалась в строгом секрете и стала доступной общественности лишь после того, как месяц спустя телекомпания Эй-Би-Си передала в эфир попавшие к ней соответствующие материалы. Представитель государственного департамента заявил 25 октября 1979 г., что правительство хранило мол-

чание, так как не было «подтверждающих свидетельств».

Под давлением общественного мнения Белый дом назначил специальную комиссию для расследования имеющихся фактов. Эта комиссия подготовила три секретных доклада. Опубликованные извлечения из этих докладов свидетельствуют о том, что взрыв, зафиксированный «Велой», мог быть вызван и естественными причинами. Впрочем, с самого начала было ясно, что и комиссия-то создавалась с целью найти «естественное» объяснение происшедшему. Когда британские специалисты по ионосфере захотели позднее ознакомиться с фактами, имеющими отношение к взрыву, выяснилось, что все первоначальные материалы были изъяты из архивов Национальной технической и информационной службы США. Этот шаг также, видимо, предпринят неспроста, ибо по американским законам правительство США обязано остановить все программы помощи и все связи в ядерной области со страной, осуществляющей взрывы вопреки Договору о нераспространении ядерного оружия. Администрация США не желает этого делать. В секретном меморандуме, составленном 14 мая 1981 г. в Вашингтоне и полученном из южноафриканских источников, отмечалось, что ЮАР не собирается подписывать этот договор, тем не менее США готовы возобновить поставки ей ядерного топлива²².

Все вышеперечисленные факты наглядно доказывают, что, несмотря на формальное, словесное осуждение расовой дискриминации в ЮАР, агрессивного курса правительства Претории, развитые капиталистические страны оказывали и продолжают оказывать существенную материальную, экономическую и политическую помощь южноафриканскому режиму.

Правительство белого меньшинства закрепило принцип апартеида — раздельного развития рас — в целом комплексе законов и предписаний. А поскольку белые все-таки не могли обойтись без труда черных и цветных жителей, то была создана система уничижительных ограничений и запретов, которая регулировала функционирование черной и цветной рабочей силы в белой общине. Институционализа-

ция апартеида была связана также с необходимостью решать множество внутренних и внешних проблем, в том числе и вопрос о власти в стране с большинством черного населения. В этом плане он направлен не только на отстранение небелых жителей ЮАР от центрального аппарата власти, но также на разобщение черной, цветной, индийской общин и дальше на усиление различий и противоречий внутри каждой из них в отдельности. Прогрессивные национально-освободительные организации чернокожих граждан ЮАР объявлены правителями Претории вне закона именно потому, что они требовали признания политических прав и за черным большинством.

Крушение колониальной системы и появление на ее развалинах молодых суверенных государств черной Африки, развитие культуры негритянских народов, рост их самосознания сделали систему апартеида в глазах мирового общественного мнения совершенно нетерпимой. По инициативе социалистических и неприсоединившихся стран Организация Объединенных Наций приняла ряд международных конвенций и резолюций, в которых апартеид определяется как «преступление против человечества», как «политика и практика расовой сегрегации и дискриминации», как одна из форм колониализма²³.

Потеряв надежду на образование надежной буферной зоны вдоль своих северных границ, власти Претории в 80-х гг. начали создавать так называемую «зону нестабильности», стремясь подорвать законные правительства прифронтовых государств. Учрежден подведомственный разведке секретный департамент по убийствам — «Z Sguard», который занят устранением непримиримых противников режима апартеида, эмигрировавших из страны. Результаты его преступной деятельности хорошо известны мировой общественности. В 1974 г. в Ботсване взрывом бомбы убит бывший секретарь южноафриканской студенческой организации Абрахим Онкгопотзе Тиро. Тогда же в Замбии бомбой, подложенной в посылку, был взорван Джон Дубе, заместитель представителя Африканского национального конгресса (АНК). В 1980 г. в Свазиленде юаровские террористы учинили расправу над вид-

ным борцом за свободу Патриком Макау и взорвали несколько домов других членов АНК. В 1981 г. группа «коммандос» атаковала пригород столицы Мозамбика, захватила и уничтожила 13 членов АНК. В том же году был застрелен представитель АНК в Зимбабве Джо Гкаби. В 1982 г. взорвана штаб-квартира АНК в Лондоне. В Мапуту взорвавшаяся мина, вложенная в бандероль, убила Рут Ферст, известную писательницу, видного деятеля антиапартеидного движения.

Мы упомянули лишь небольшое число террористических акций, осуществляемых спецслужбами режима Претории. «Конечной целью операции по созданию зоны нестабильности, — заключает еженедельник «Ньюсвик», — является образование новой зоны стабильности под юаровским контролем»²⁴.

Американские средства массовой информации стремятся сформировать устойчивый образ СВАПО — национально-освободительного движения Намибии — как «тренируемой Советским Союзом банды террористов»²⁵. Недавно конгресс США одобрил законодательство, запрещающее использовать долю, предоставляемую США международным фондам (в том числе программам ООН), для поддержки СВАПО. Незаконно оккупирующие международную территорию Намибии власти Претории заявили в унисон с Вашингтоном, что «правительство Южной Африки будет продолжать защищать народ Юго-Западной Африки (Намибии) от терроризма и подрывных действий СВАПО»²⁶.

Уже многие годы в Намибии действуют законы военного времени, введенные Преторией. В мае 1979 г. принят указ, дающий право полиции и армии проводить аресты, обыски, задержания без суда или предъявления обвинения, запрещать собрания, устанавливать по усмотрению властей комендантский час.

Против национально-освободительной борьбы намибийского народа широко используются вооруженные силы ЮАР, спец- и разведорганы, предатели интересов собственного народа, наемники. В июне 1980 г. лондонская «Санди телеграф» сообщила, что «израильские добровольцы» служат в юаровских войсках, сражающихся против СВАПО в северных районах Намибии. В июле 1980 г. премьер-

министр Зимбабве Роберт Мугабе заявил, что дипломатическая миссия ЮАР в Солсбери действует как пункт по найму белых и черных солдат для войны в Намибии и Анголе.

Особо мрачную известность снискал укомплектованный из наемников 32-й батальон «Буффало», неоднократно вторгавшийся на территорию Анголы. Хотя не ведется никакой официальной регистрации национальной принадлежности лиц, зачисляемых в его состав, но, как видно из сообщений зарубежной прессы, многие из них являются выходцами из Австралии, Португалии, Новой Зеландии, Англии, Соединенных Штатов²⁷.

Надо отметить, что юаровские расисты не любят афишировать свою преступную деятельность. Поэтому очень трудно получить достоверную информацию о ситуации в Намибии. Одним из немногих относительно новых источников в этом плане является доклад группы епископов южноафриканской католической конференции, выпущенный 14 мая 1982 г. Посетив Намибию и опросив 180 человек, 6 епископов утверждали, что люди этой страны рассматривают находящиеся здесь войска ЮАР как «инострannую оккупационную армию», как «амакакунья» (что на языке овамбо означает «кровопийцы» или «собиратели костей»), а партизан СВАПО называют «наши мальчики»²⁸.

Ведя войну против иноземных захватчиков, СВАПО одновременно функционирует как намибийское правительство в изгнании и признано ООН в качестве единственно законного представителя своего народа. Уверенное в народной поддержке, СВАПО неоднократно выражало готовность участвовать в свободных выборах в Намибии. Выходит, народ этой страны следует защищать не от «подрывных» действий СВАПО, а от террора и насилия оккупационной армии ЮАР, пользующейся покровительством вашингтонских и других западных борцов с «международным терроризмом».

Власти Претории и ЦРУ всячески выгораживают преступную группировку УНИТА в Анголе, объявляя ее действительным представителем ангольского народа. На деле же эта организация с самого начала находилась на содержании колонизаторов и неоконизаторов и использовалась для

раскола ангольского национально-освободительного движения.

Когда в конце 1982 г. португальская армия пригласила журналистов ознакомиться с архивами са-лазаровской охраны ПИДЕ, корреспондент агентства Рейтер обнаружил секретную телеграмму, датированную 19 сентября 1972 г. В ней сообщались подробности встречи португальских агентов в Анголе с лидером УНИТА Савимби. Он докладывал, в частности, о засаде, устроенной его людьми отряду МПЛА. Спустя три года ПИДЕ передала кураторство над УНИТА ЦРУ²⁹. Савимби также установил тесные связи со спецслужбами ЮАР.

Снабжаемые юаровским оружием люди Савимби терроризируют гражданское население, чтобы вызвать восстание против центрального правительства, снизить решимость Анголы оказывать помощь СВАПО. В октябре 1982 г. в местечке Чинхана, что в 150 км от г. Хуамбо (Центральная Ангола), подручные Савимби убили 300 и ранили 140 человек. Они подкладывают бомбы в иностранные посольства, взрывают госпитали, школы, магазины, отели, убивают дипломатов, похищают иностранных технических специалистов в Анголе, разрушают целые деревни, угоняют или убивают скот³⁰. Поддерживаемая Преторией УНИТА — не что иное, как крупная группировка террористов.

Стремясь к достижению политических целей методами разбоя и насилия, режим апартеида получает в этом полную поддержку со стороны западных держав. Объем торговли ЮАР с ее главным партнером — Соединенными Штатами вырос с 1962 по 1980 г. более чем в 13 раз, с Великобританией — в 5,2, с ФРГ — почти в 17, с Японией — в 20 раз. Американские капиталовложения в ЮАР достигли 2,63 млрд. долларов³¹. С 1979 г. по июль 1982 г. западные банки предоставили Претории займов на сумму 2,76 млрд. долларов³². В конце 1982 г. под давлением США Международный валютный фонд утвердил ЮАР новый заем, превышающий 1 млрд. долларов.

Экономическое сотрудничество западных государств с Преторией зачастую приобретает еще и политическое значение. Это особенно ярко проявляется в том, что предоставляемая помощь оказывает

ся наиболее щедрой в кризисных ситуациях. Так, например, было в начале 60-х гг. Подъем национально-освободительного движения, растущее осуждение расистов мировой общественностью после шарпвильской резни 21 марта 1960 г. послужили причинами отлива капиталов из Южной Африки. Режим переживал серьезный финансовый кризис. И кто знает, как развивались бы события дальше, если бы не поспешили на выручку США и их союзники. Международный валютный фонд (МВФ) разрешил ЮАР в течение года использовать 75 % из предоставленного ей кредита в размере 150 млн. долларов. В сентябре 1961 г. из американских источников поступили кредиты на сумму 30 млн. долларов. В октябре итальянский консорциум предоставил ЮАР заем в размере 9,8 млн. долларов. В декабре Международный банк реконструкции и развития дал 25 млн. долларов, «Дойче бэнк» (ФРГ) — 9,8 млн., «Ферст нэшнл сити» (США) — 5 млн. и банковский консорциум США — еще 40 млн. долларов³³. Такая прямая финансовая поддержка империалистических государств помогла режиму Претории обрести «стабильность» и вернуть «доверие» вкладчиков капитала.

Подобную операцию по спасению расистского режима проводили западные страны и в 1976 г. Рост мировых цен на нефть и оборудование, закупаемое под осуществляемые крупные проекты, в три раза увеличили за 1974—1976 гг. расходы ЮАР на импорт. Начавшееся в 1975 г. падение мировых цен на золото еще более ухудшило условия внешней торговли. Экономико-финансовый кризис совпал с социально-политическим. Его апогеем стал расстрел мирных демонстраций в Соуэто 16 июня 1976 г., вызвавший мощную волну международного осуждения. Частные инвеститоры начали переводить прибыли и освободившиеся средства за границу, в связи с чем чистый отток краткосрочного капитала из ЮАР в октябре 1976 г. превысил 700 млн. рэндов. Поджимали сроки платежей по внешней задолженности. В этой сложной ситуации международная финансовая олигархия опять пришла на помощь расистскому режиму. Только в 1976 г. он получил займов и кредитов на сумму 395 млн. рэндов. Еще 96 млн. рэндов были

предоставлены консорциумом нью-йоркских банков³⁴.

Не будет преувеличением сказать, что помощь западных государств явилась решающим фактором, позволившим до сих пор сохранить политическую власть в руках белого расистского меньшинства ЮАР. Она буквально спасла террористический режим апартеида.

ТНК и страны Запада осуществляют не только общую поддержку режима Претории, но прямо помогают его террористической активности. Как показало исследование, проведенное организацией квакеров Америки, корпорации США, такие как «Контрол дейта», ИБМ, «Сперри рэнд», «Перкин Элмер», «Хьюлетт Пакард», обеспечили всем необходимым крупнейший правительственный комплекс в ЮАР, который разрабатывает новые ракеты и газы, предназначенные для применения в военных условиях и в случае «гражданских беспорядков». 26 апреля 1982 г. министерство торговли США одобрило продажу южноафриканской фирме 2,5 тыс. электрошоковых дубинок общей стоимостью 180 тыс. долларов, даже не оговорив специальных ограничений на право перепродажи их третьему лицу.

Подкомитет по международной экономической политике и торговле и подкомитет по правам человека и международным организациям комиссии по иностранным делам палаты представителей не смогли отыскать следов этой сделки в счетах министерства торговли. Лишь в сентябре 1982 г. совершенно случайно она стала достоянием гласности³⁵. Как отметил американский профессор Ричард Л. Склад, «с точки зрения прав человека Советский Союз имеет большее моральное право выступать по южноафриканским вопросам, чем Соединенные Штаты. Советский Союз поддерживает дело освобождения черного большинства, в то время как США и их западные союзники отделялись в этом отношении лишь словесными упражнениями, одновременно на протяжении длительного периода помогая различными способами правлению белых»³⁶.

Для обхода эмбарго ООН на поставки оружия ЮАР, введенного Советом Безопасности в 1977 г.,

империалистические державы применяют несколько приемов. Во-первых, используются соглашения о поставках и лицензиях, заключенные до 1977 г. По ним даже после введения эмбарго Южная Африка продолжала получать французские истребители-бомбардировщики типа «Мираж», итальянские тренировочные самолеты «Миаччи», французские бронетранспортеры «Панар», израильские ракетные катера и другую военную технику, так сказать, на «законном основании». Во-вторых, Южной Африке поставляются материалы и оборудование «двойного использования»: счетно-вычислительная техника, навигационное оборудование для аэродромов и портов, некоторые виды невоенных самолетов, авиамоторы, судовые двигатели и т. п. В-третьих, осуществляются поставки отдельных компонентов, каждый из которых сам по себе вроде бы и не имеет военного значения. В результате их компоновки в 1980 г., например, военно-морские силы ЮАР получили 6 новых бронекатеров, двигатели которых были изготовлены в ФРГ, артиллерийские орудия — в Италии, ракеты — в Израиле, электронное оборудование — в США.

В 1979 г. в белой книге министерства обороны Южной Африки была отмечена необходимость обеспечения вооруженных сил ЮАР новейшим военным радиолокационным оборудованием. В 1981 г. Великобритания, несмотря на протесты мировой общественности, начала осуществлять поставки такого оборудования (содержащего и американскую компьютерную технологию) в ЮАР. Юаровские специалисты для работы с военными радарными также прошли подготовку в Англии.

Проанализировав активность империалистической политики на юге Африканского континента, директор Института Африки АН СССР А. Громыко пришел к выводу, что она направлена на то, чтобы «найти такое компромиссное разрешение конфликта на юге континента, при котором сохранились бы основные интересы международных монополий... и было бы взято под контроль национально-освободительное движение на Юге Африки, т. е. чтобы в нем возобладали местные, африканские квислинги»³⁷.

Развитие событий последних лет полностью под-

тверждает справедливость такого вывода. Империалистические государства, стараясь поставить под свой контроль процесс деколонизации Намибии, создали специальную «западную контактную группу» из представителей пяти стран (США, Канада, ФРГ, Франция и Италия). В результате ее деятельности режиму Претории удалось провести в Намибии выборы и формально передать власть коалиции коллаборационистских партий (ДТА). В январе 1981 г. Претория и ДТА, пользуясь попустительством этой группы, сорвали конференцию по мирному урегулированию в Намибии, проводившуюся под эгидой ООН.

Как видим, «контактная группа» фактически играла роль громоотвода, позволяя расистскому режиму маневрировать, укреплять свои позиции, выторговывать более выгодные условия уступок. Когда в апреле 1981 г. по просьбе африканских стран был созван Совет Безопасности ООН, на котором было внесено предложение применить обязательные экономические санкции против режима Претории, не выполняющего решений ООН по Намибии, то США и их западные союзники наложили вето на принятие соответствующих резолюций.

ЮАР — единственная в Африке достаточно развитая капиталистическая страна. Используя свою географическую близость к континентальным рынкам сбыта, источникам дешевой рабочей силы, она осуществляет мощную экономическую, политическую, информационно-культурную экспансию в освободившиеся страны Африки и фактически превратилась в субъект континентальной (или региональной — страны Африки к югу от Сахары) системы неоколониалистских отношений.

Анализ взаимоотношений развитых капиталистических стран и ТНК с ЮАР показывает, что черный народ Южной Африки подвергается жестокой эксплуатации и расовой дискриминации не только со стороны местной белой буржуазии, но и международного капитала в целом. Без постоянной мощной поддержки со стороны режим Претории был бы неминуемо свергнут освободительным движением. В свою очередь, западные страны находятся в существенной зависимости от поставок южноафриканского сырья. Вот почему они стремятся с по-

мощью различных политических махинаций, косметических изменений продлить жизнь расистского режима. Ибо его поражение было бы одновременно серьезным ударом по субъекту всей системы неокOLONиалистских отношений.

Если говорить в целом о возрастании террористической активности империализма в развивающемся мире, то необходимо подчеркнуть, что она характеризуется не только применением самых разнообразных средств и приемов возбуждения общей атмосферы страха, отчаяния и покорности, но и переплетением отдельных ее направлений. Репрессивные диктатуры используются против освободительного движения в соседних странах (гондураские войска против повстанцев Сальвадора), для подрыва прогрессивных, революционных режимов (Гондурас против Никарагуа). «Субимпериалистические центры» вовлечены как во взаимную помощь реакционным режимам (Израиль — Гондурасу и Сальвадору), так и в процесс дестабилизации законных правительств, политическая ориентация которых не устраивает субъект неокOLONиалистских отношений (ЮАР против Анголы, Мозамбика и других стран). Развязанная на Западе в начале 80-х гг. кампания борьбы с «международным терроризмом» не только не приостановила террористическую активность субъекта неокOLONиализма, но и явилась своеобразной ширмой и оправданием для ее эскалации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современную эпоху международный капитализм по сравнению с реальным социализмом находится в историческом отступлении. В значительно меньшей степени это справедливо по отношению к освободившимся странам, стоящим на более низкой ступени социально-экономического развития. Империалистические государства, ТНК, международная финансовая олигархия могут проводить и проводят в развивающемся мире комплексную стратегию, сочетающую как цели наступательного характера по формированию в молодых государствах капиталистических производственных отношений, утверждению в них буржуазного образа жизни, усилению их зависимости от Запада, так и цели оборонительные, связанные с подрывом национально-освободительных движений и влияния социализма на освободившиеся страны. Для достижения как оборонительных, так и наступательных целей, для решения задач глобальной и ситуационной политики империалистические круги используют развитую систему средств и методов неокOLONиалистской экспансии.

Резкое обострение агрессивности внешнеполитического курса США в 80-х гг., упование на силу в подходе к решению международных проблем подчас связывают с ослаблением экономических позиций американского империализма, с попытками компенсировать таким образом наметившееся снижение его престижности. В основе этого курса лежат как слабые, так и сильные стороны цитадели мирового империализма.

Слабость США кроется в сущности капиталистического способа производства, потерявшего исторически свою прогрессивность. Чтобы сдержатъ и отбросить назад объективно усиливающиеся революционные силы современности, правящие круги

Вашингтона все чаще прибегают к силовым приемам, авантюрам, гонке ядерных и обычных вооружений. Слабость США проявляется главным образом в сравнении с нарастающим революционным процессом. Более осторожно следует говорить об американской слабости в международной системе ГМК. Действительно, удельный вес Соединенных Штатов в общем объеме капиталистического производства за последние десятилетия несколько снизился, а удельный вес Японии и стран ЕЭС возрос. Однако одновременно существует целый ряд объективных факторов, ставящих США в более выгодное положение по сравнению с их западными партнерами.

Во-первых, Америка имеет большой набор полезных ископаемых и в вопросе обеспечения сырьем в гораздо меньшей степени зависит от поставок из развивающегося мира, чем ЕЭС и Япония. Во-вторых, внутренний рынок США, неизмеримо более емкий, чем в этих странах, оставляет ее монополиям большую свободу маневра. В-третьих, сохраняется «технологический разрыв» между США и другими капиталистическими странами. Если по объему производства многих видов научно-технической продукции сегодня Япония вырвалась на первое место, то в области фундаментальных открытий и нововведений, определяющих будущее НТР, США по-прежнему находятся впереди, в отрыве от своих партнеров. В-четвертых, «экономическое чудо» в западноевропейских странах и Японии, связанное с обновлением производственного оборудования, разрушенного в период второй мировой войны, закончилось в середине 70-х гг. Перед ними снова возникли острые проблемы технической реконструкции.

Рассматривая подробнее цифры об утрате США экономических позиций в западном мире, приводимые обычно за 30-летний период (с 1950 по 1980 г.), можно заметить, что с 1975 г. эти позиции не только не утрачивались, но по многим параметрам стабилизировались или даже укреплялись. Во время последнего экономического спада на Западе капиталы начали перемещаться в США, а не наоборот. И причина не только в искусственно завышенных учетных ставках банковского кредита в

американских банках. Она гораздо глубже. Капитал стремится на более стабильный, более емкий, менее зависимый от катаклизмов «третьего мира» американский рынок. Сила США в сравнении с ЕЭС проявляется также в том, что здесь легче проводить единый экономический курс, чем в сообществе, раздираемом национальными противоречиями.

Эволюция политической стратегии США в отношении освободившихся стран определялась как их силой, так и слабостью. Интерпретация глобальной политики защиты «прав человека» в ситуационную политику борьбы с «международным терроризмом» была связана со стремлением американских правящих кругов попытаться решить с помощью силы те проблемы, которые до этого они не смогли решить методами экономического неокOLONIALИЗМА. Характерной чертой развязанной на Западе с легкой руки администрации Рейгана «антитеррористической кампании» является конфабуляция, когда ее авторы не только выдают желаемое за действительное, но зачастую сами начинают верить в придуманное.

В перспективе эту кампанию, как и все предыдущие, направленные против хода объективного развития социального прогресса, ждет неминуемый крах. «В 50-х и 60-х годах,— подчеркивает сотрудник Транснационального института в Амстердаме Фред Холлидей,— Вашингтон поддерживал правые режимы по всему миру на основании того, что стратегические приоритеты в его борьбе против Советского Союза перевешивают внутренние бедствия, существующие в этих странах. Результатами этой поддержки стали революции на Кубе, в Эфиопии, Иране и Никарагуа. Вновь рожденные империалисты рейгановской администрации, видимо, страдают ностальгией по тем влекущим дням. Похоже, что и результаты они получают те же самые!».

Выступая на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко дал принципиальную оценку места кампании «борьбы с международным терроризмом» в общей неокOLONIALИСТСКОЙ стратегии государственно-монополистического капитализма. «В последнее время,— отмечал он,— в США объявили чуть ли не „крестовый поход“ против „международного

терроризма“, обвиняя в этом то одну, то другую страну. Но эти обвинения идут не по адресу. Они насквозь фальшивые. Терроризм ищут не там, где следует его искать и где он в действительности есть.

Замысел здесь простой — наклеить ярлык терроризма на борьбу народов против колониализма и его остатков. Иначе говоря, за борьбу с терроризмом выдают проклятую народами угнетательскую политику, в основе которой — нежелание считаться с правами народов устранивать свои внутренние дела по собственному усмотрению, неприятие социальных изменений, происходящих в мире»².

Надо сказать, что среди руководителей молодых государств, лидеров и участников национально-освободительных движений постепенно растет осознание подлинной роли развязанной на Западе «анти-террористической» кампании. «Первые месяцы рейгановской администрации в Соединенных Штатах, — говорится, например, в редакционной статье официального печатного органа Африканского национального конгресса Южной Африки, — ускорили поворот к чрезвычайно опасному политическому климату в международных отношениях. Мы являемся свидетелями не только потока пропаганды холодной войны, но также ежедневных попыток уничтожить национально-освободительное движение и его завоевания. За повторяющимися предупреждениями об опасности того, что они именуют „международным терроризмом“, скрывается развернутая программа, имеющая цель вернуть утраченные позиции для сил реакции»³.

Международный империализм, и прежде всего американский, насаждает в освободившихся странах самые реакционные и кровавые диктатуры, силой оружия подавляет сопротивление народных масс. Миротлюбивая риторика, присущая отдельным публичным выступлениям представителей ведущих политических партий монополистического капитала США в период предвыборной кампании 1984 г., не означала «изменения курса», не вела к отказу от наиболее бесчеловечных, террористических методов подавления революционных движений в развивающемся мире. Именно в самый разгар борьбы за сохранение за собой президентского поста (апрель

1984 г.) Рейган подписал директиву, официально разрешающую применение «превентивных акций» против тех групп или организаций, которые прибегают или могут прибегнуть к терроризму.

Появление на свет подобного документа означало новый шаг в расширении и углублении «анти-террористической» стратегии американского империализма. Таким образом на «законное» основание ставится применение подрывных акций не только против организаций, ведущих вооруженную борьбу за свое национальное и социальное освобождение, но и против любых демократических групп и движений, являющихся с точки зрения вашингтонской администрации потенциально террористическими. Теперь «оправданным» становится использование неоколониалистами самых гангстерских методов борьбы против политических противников.

Жупел «международного терроризма» активно пускается в ход правительством Соединенных Штатов Америки для цементирования западной солидарности, давшей в последнее десятилетие изрядные трещины. Страны ЕЭС и Япония, более зависимые в хозяйственном благополучии от импорта (экспорта) в развивающиеся страны, склонны акцентировать в своей неоколониалистской политике моменты «партнерства», сотрудничества, взаимозависимости, стараются реже прибегать к военным авантюрам, открытому диктату. В этом им помогают многочисленные и разнообразные каналы связей, сохранившиеся с бывшими колониями и полуколониями. Вместе с тем они отнюдь не отказались от метода подавления, не выбросили его из неоколониалистской стратегии и тактики. Война Англии за Фолклендские (Мальвинские) острова, оккупация Чада французскими войсками, резкое усиление духа милитаризма в Японии — наглядное тому подтверждение.

Раздираемые экономическими противоречиями главные центры современного империализма всецело стремятся сохранить политическое единство в борьбе с мировым революционным процессом. На лондонской встрече в верхах семи ведущих капиталистических стран (июнь 1984 г.) наряду с рядом экономических и политических резолюций была

единогласно одобрена и резолюция по терроризму. В ней лидеры капиталистического мира согласились умножить свои усилия в борьбе с «террористической активностью», подрывающей основы «свободы» и «демократии». Причем некоторые западные правительства стараются быть большими католиками, чем папа римский. Английское правительство, например, в своих предложениях по развертыванию наступления на «международный терроризм» переоголяло Вашингтон: как отмечалось, М. Тэтчер предложила образовать «силы быстрого развертывания» Запада для использования в отдаленных районах Азии, Африки, Латинской Америки.

Определенный вклад в «антитеррористическую» кампанию вносят ТНК и транснациональная финансовая олигархия. Последняя выступает на словах сторонником мира и спокойствия на международной арене, но лишь до тех пор, пока может «мирно» и «спокойно» выкачивать из развивающейся страны монопольные прибыли, проценты на займы и т. п. Если же ее прибыли оказываются под угрозой, то в дело незамедлительно пускаются всевозможные средства для замены неугодного правительства.

Ссылаясь на крепнущую в современных условиях взаимозависимость, руководители ТНК также не прочь предстать в облике «агентов мира». При этом тщательно камуфлируется тот факт, что речь идет лишь о классовом мире, лишь о мире в районе своего «обитания», который благоприятствует бесперебойному поступлению максимальных прибылей. Совсем иная тактика припасена в арсеналах ТНК для удушения конкурента, для устранения или изменения политического режима в развивающейся стране, если тот, по мнению заморской штаб-квартиры, угрожает этим прибылям.

Крупнейшие ТНК обладают финансовыми средствами, во много раз превосходящими государственный бюджет отдельных освободившихся стран. Они шантажируют правительства этих стран, угрожая прекращением поставок, закрытием заводов; путем подкупа пытаются склонить на свою сторону часть государственной или военной верхушки; наконец, создают и экипируют армии наемников для вторже-

ния в страну, засылают профессиональных убийц для устранения политических лидеров, твердо стоящих на антимонополистических позициях.

Следует отметить, что для неокOLONиалистской стратегии и тактики ТНК характерна значительная гибкость, лабильность, способность идти на компромиссы и быстро переключаться с одних методов на другие. Сопоставление политики ТНК и западных стран в развивающемся мире показывает, что ТНК более заинтересованы в экономических, а империалистические государства — в политических последствиях неокOLONиализма. Западные правительства активно защищают и продвигают «свои» ТНК. Однако для сохранения политического влияния в каком-либо молодом государстве, для укрепления позиций «дружественного режима» они могут пойти и подчас идут на ограничение интересов отдельных монополий.

Все это ставит перед национально-освободительным движением новые серьезные задачи по совершенствованию революционной стратегии и тактики. Разрабатывая политику противостояния субъекту неокOLONиализма, силы национально-освободительной революции и их союзники должны быть готовы к тому, что на каком-то этапе борьбы империалистическое государство может поддерживать до конца антинародный политический режим (чтобы не подорвать доверие к себе у других «дружественных правительств»); в то же время это не будет отвечать интересам отдельных ТНК, которые способны занять нейтральную позицию или даже субсидировать различные оппозиционные организации, чтобы сохранить и укрепить свое влияние и позиции при новом, более стабильном политическом руководстве страной.

Подобная особенность поведения в таких ситуациях сил, решающих общую стратегическую задачу, объясняется тем, что империалистическое государство организует и финансирует антиправительственную деятельность в развивающихся странах, добиваясь удобного политического курса, а ТНК склонны поддерживать такую социально-политическую атмосферу, которая необходима для бесперебойного поступления прибылей, т. е. такую, при которой,

может быть, курс данного правительства и не вполне их устраивает, но обеспечивает социальное спокойствие в стране и серьезно не угрожает их экономическим интересам.

Если же говорить о преобладающей тенденции во взаимоотношениях внутри субъекта неокOLONиалистских отношений, то, как совершенно справедливо отметил А. А. Громыко, «никогда прежде наиболее экспансионистские силы монополистического капитала не использовали государственную власть столь откровенно и прямо для защиты своих интересов, никогда еще их политическая философия не переносилась столь непосредственно и бесцеремонно в программные декларации и практические действия правительственных деятелей ведущих западных стран, прежде всего США, как это делается в настоящее время»⁴. Империалистические государства, ТНК и межнациональная финансовая олигархия, действуя в единстве в рамках неокOLONиалистских отношений, стремятся сбить накал национально-освободительных революций, выхолостить их антиимпериалистическое содержание, обеспечить зависимое развитие освободившихся стран в форме умеренно-капиталистической эволюции.

Внутренняя противоречивость решаемой субъектом неокOLONиализма задачи состоит в том, что, с одной стороны, он стремится не допустить развития освободившейся страны по пути социалистической ориентации, хочет навязать ей капиталистический способ производства; с другой стороны, он не желает появления нового конкурента на мировых рынках и потому всячески сдерживает, уродует даже капиталистическую эволюцию молодого государства. В результате антиимпериалистические потенции сохраняются не только у тех стран, что идут по некапиталистическому пути, но и у подавляющего большинства придерживающихся ориентации на капитализм. Актуализация этих потенций (превращение возможности в действительность) зависит от сочетания многих факторов как в субъекте, так и в объекте неокOLONиалистского отношения.

По линии субъекта к ним относятся: особенно сти правительственной стратегии и тактики в осво-

бодившихся странах; величина экономической «помощи»; технологическая и социальная политика ТНК; интернационалистическая зрелость рабочего и общедемократического движения, его способность блокировать авантюристические акции буржуазного правительства в развивающемся мире; характер и степень разработки идеологического обеспечения правительственной политики и т. п.

По линии объекта возможность актуализации антиимпериалистических потенций зависит от соотношения движущих сил национально-освободительной революции; от идеологии правящей партии или группы; от уровня развития связей молодого государства с социалистической системой; от степени и характера сложившейся социально-классовой опоры неокOLONиализма; от позиции армии.

В ситуации, когда сумма долга всех освободившихся стран империалистическим государствам, ТНК и международным банкам превысила 700 млрд. долл. (и два доллара из каждых трех, вновь занимаемых, идут на выплату процентов по долгу), политические лидеры и народные массы развивающегося мира начинают все яснее и правильнее осознавать настоящую (классовую) сущность неокOLONиалистской стратегии «помощи», «партнерства», «взаимозависимости». Происходит новое обострение противоречий в системе «развитые капиталистические — развивающиеся страны». Причем привычные рычаги сглаживания этих противоречий — экономические уступки — уже не работают.

Чтобы сохранить в неприкосновенности основные структуры неравноправных международных отношений, позволяющие нещадно эксплуатировать народы молодых государств, субъект неокOLONиализма вынужден срочно изыскивать какие-то действенные средства и методы. Изобрести новые формы уступок просто, да и маловероятно, что монополистический бизнес на них легко пойдет в условиях трудной экономической ситуации внутри самих цитаделей империализма. Вот почему стратеги неокOLONиализма хватаются за старый проверенный способ: действовать «кнутом», обращая его в первую

очередь против тех развивающихся государств, где ограничивается влияние империализма и создаются наиболее благоприятные международные условия для борьбы прогрессивных, демократических сил.

Расширение и совершенствование военно-политического неоколониализма, однако, не означало отказа от экономических, информационно-культурных и иных приемов закабаления народов молодых государств. «Фабрики мысли» монополистической буржуазии ведут активный поиск новых форм и методов экономической эксплуатации капиталистической периферии, разрабатывают изощренные приемы удержания масс в культурно-информационной зависимости от субъекта неоколониализма. Фактически не происходит стратегического отхода от «метода пряника» к «методу кнута».

Заправилами монополистического бизнеса посчитали, что определенный крен в сторону «уступок», характерный для 60-х — первой половины 70-х годов, должен быть дополнен хорошо развитой, готовой к употреблению по первому сигналу, системой подавления. Поэтому формирование структур военно-политического неоколониализма в столь широком масштабе означало, что в современных условиях субъект неоколониализма решил быть заранее готовым ко всяким неожиданностям, могущим возникнуть в регионах национально-освободительного движения, народные массы которых ведут упорную борьбу за преодоление своей экономической отсталости и ликвидацию пережитков периода колониального порабощения.

Поскольку под тезис о «советской угрозе» на протяжении десятилетий было выкачано немало средств из карманов западного налогоплательщика и кредитоспособность этого тезиса изрядно пошатнулась, то было решено несколько обновить идеологическое обеспечение империалистического экспансионизма. Здесь-то и появляется неоколониалистский вариант концепции авторитарных и тоталитарных режимов, объявляется война «международному терроризму». Под обеспечение этой «благодатью» цели и разворачиваются империалистами новые программы по производству вооружений, реконструируются старые и создаются новые военные базы,

аэродромы, склады оружия, станции слежения и т. п.

Стремясь сохранить освободившиеся страны в орбите мировой системы капитализма, неоколониалисты все активнее прибегают к открытому применению военной силы. 80-е годы ознаменовались возрождением колониалистской «дипломатии канонеров», но уже на качественно новой основе. Создается система военно-политического неоколониализма, в которой «национальные империализмы» выступают уже не как соперники, а как союзники по защите своих интересов в развивающемся мире, главная цель которых — направить общественные процессы в бывших колониях и полуколониях в более или менее приемлемое для себя русло.

Признаками складывающейся всемирной системы военно-политического неоколониализма являются: использование НТР для качественного совершенствования неядерных вооружений; изменения в структуре и предназначениях вооруженных сил западных стран; создание специальных «сил быстрого развертывания» и антиповстанческого контроля для автономного оперирования в отдаленных районах Азии, Африки, Латинской Америки; возрождение и формирование новых прозападных блоков, придание существующим экономическим объединениям развивающихся стран военно-политической ориентации; усиление попыток идеологического обоснования экспансионистского курса в развивающемся мире; более тесная увязка экономического, социально-политического и военного аспектов неоколониалистских отношений; формирование «субимпериалистических центров» в качестве форпостов неоколониализма в стратегически важных районах всех континентов.

Империалистическая пропаганда, пытаясь ввести в заблуждение мировую общественность, утверждает, что эти приготовления необходимы для подавления «международного терроризма» и сдерживания «советского экспансионизма». В действительности они представляют собой «бронированный кулак», предназначенный для защиты интересов ТНК, крупнейших банков и транснациональной финансовой олигархии, наживающихся на эксплуата-

ции народов молодых государств, грабеже их национальных богатств.

В этих условиях для развивающихся стран эффективное противостояние неокOLONиализму невозможно без тесного политического союза с системой социализма. От прочности такого союза в значительной мере зависят успехи национально-освободительного движения и мирового революционного процесса в целом.

Конфликты, возникающие в рамках неокOLONиалистских отношений, имеют тенденцию к углублению и обострению. В их основе лежит объективное противоречие между монополистической буржуазией и народными массами развивающихся стран, которых пытаются удержать на уровне эксплуатируемой капиталистической периферии. Стратегия неокOLONиализма по подавлению борьбы этих масс за свои права и достойную жизнь под флагом «анти-террористической» кампании также обречена на провал, как и попытки повернуть вспять процесс деколонизации, затормозить ход закономерного общественно-исторического прогресса.

Характер происходящих в освободившихся странах событий доказывает, что развязанная на Западе кампания борьбы с «международным терроризмом» не имеет ничего общего с защитой жизни и достоинства людей, а целиком поставлена на службу интересам монополистического капитала, представляет собой еще одну попытку сдержать развитие мирового революционного процесса. Покончить с международным терроризмом на самом деле означает покончить с реакционными диктатурами, реакционными режимами, колониализмом и неокOLONиализмом и в конечном счете с монополистическим капитализмом — его главным источником.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

¹ *Jenkins B. M.* Statements about Terrorism.— *The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 1982, Sept., p. 15.

² *Snitch Th. H.* Terrorism and Political Assassinations: A Transnational Assessment, 1968-80.— *Ibid.*, p. 60.

³ *Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D. Jr.* Terror, the Strategic Tool: Response and Control.— *Ibid.*, p. 24.

⁴ *Jenkins B. M.* *Op. cit.*, p. 18.

⁵ *The New York Times*, 1982, Sept. 14., p. A8.

⁶ *Brecher J.* The Fire Next Door.— *Newsweek*, 1982, N 17.

⁷ *Holden R. H.* Corporate Officials Embrace Latin Dictators at Private Chamber of Commerce Session.— *Multinational Monitor*, 1982, vol. 3, N 6, p. 13.

⁸ *Ibid.*, p. 14.

⁹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 20—21.

¹⁰ *Белокрыцкий В. Я.* Низшие слои в социальной структуре восточного города.— *Народы Азии и Африки*, 1983, № 2, с. 70—77; *Бланк А. С.* Старый и новый фашизм.— М., 1982; *Генри Э.* Терроризм и неофашизм.— *МЭиМО*, 1981, № 11, с. 107—116; *Ежов В.* Источники и классовая природа фашизма.— *Обществ. науки*, 1977, № 4; История фашизма в Западной Европе.— М., 1978; *Истягин Л.* Неонацизм с близкого расстояния.— *МЭиМО*, 1982, № 3, с. 123—126; *Пластун В. Н.* Роль люмпенов в левозэкстремистских движениях в развивающихся странах Азии.— В кн.: *Процессы деклассирования в странах Востока*. М., 1980, с. 30—37.

Глава I

¹ *Brown L. R.* *World Without Borders*.— N. Y., 1983, p. 254.

² *Ленин В. И.* *Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 372.

³ *Брутенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции.— М., 1974, с. 297; *Примаков Е.* НеокOLONиализм: сущность, формы, пределы.— *Международная жизнь*, 1978, № 10, с. 72; *Ульяновский Р. А.* НеокOLONиализм США и слаборазвитые страны Азии.— М., 1963, с. 14; *Он же.* Ограбление под маской «взаимозависимости».— *Коммунист*, 1981, № 16, с. 76.

⁴ *Bowles Ch.* *Africa's Challenge to America*.— Berkeley-Los Angeles, 1957, p. 95-96.

⁵ *Bowles Ch.* *Ideas, People and Peace*.— N. Y., 1958, p. 5.

⁶ *Bowles Ch.* *Africa's Challenge to America*, p. 127; *Bowles Ch.* *The Coming Political Breakthrough*.— N. Y., 1959, p. 14.

- ⁷ Highlights of President Kennedy's New Act for International Development.— Wash., 1961, p. 4.
- ⁸ *Gibson J.* Ideology and World Affairs.— Boston, 1967, p. 114.
- ⁹ *Blaufarb D. S.* The Counterinsurgency Era: U. S. Doctrine and Performance.— N. Y.-L., 1977, p. 208.
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 295.
- ¹¹ *Mack A.* Counterinsurgency in the Third World: Theory and Practice.— In: Imperialism, Intervention and Development. L., 1979, p. 127.
- ¹² U. S. News and World Report.— 1977, Mar. 14, p. 21.
- ¹³ Let Us Begin an Era of National Renewal: President Ronald Reagan's Inaugural Address.— The New York Times, 1981, Jan. 21, p. B1.
- ¹⁴ Washington Post, 1981, Mar. 19.
- ¹⁵ Southern Africa, 1980, Nov.-Dec., p. 19.
- ¹⁶ *Lawrence R.* Reagan's Africa Arsenal.— *Ibid.*, p. 20.
- ¹⁷ Excerpts from Remarks of Vice President Bush before The United Nations 1981 Spring Dinner. New York Hilton.— New York City, 1981, May 26. Press Release. The Vice President Office of the Press Secretary, p. 1-2.
- ¹⁸ Foreign Affairs, 1979, Spring, p. 766.
- ¹⁹ *Sigmund P. E.* Latin America: Change or Continuity.— Foreign Affairs, 1982, vol. 60, N 3, p. 629.
- ²⁰ Commentary, 1981, Nov., p. 42.
- ²¹ *Anderson D.* America in Africa, 1981.— Foreign Affairs, 1982, vol. 60, N 3, p. 684.
- ²² *Shackley Th.* The Third Option: An American View of Counterinsurgency Operations.— N. Y., 1981, p. 14, 24-25.
- ²³ The New York Times, 1983, Oct. 20; The New York Times, 1983, Oct. 26, p. A26.
- ²⁴ *Powers Th.* The Man Who Kept Secrets.— Richard Helms and the CIA. N. Y., 1979, p. 37.
- ²⁵ Nacia Report on the Americas, 1982, Jan.-Febr., p. 3.
- ²⁶ *Tucker R. W.* The Purposes of American Power: An Essay on National Security.— N. Y., 1981; Africa and the West.— Boulder (CO) 1980; Changing Patterns of Security and Stability in Asia.— N. Y., 1980; *Slick Ph.* Strategies for the 1980s: Lessons of Cuba, Vietnam and Afganistan: Westport (CT), 1981; *Fromkin D.* The Independence of Nations.— N. Y., 1981.
- ²⁷ *Morgenthau H.* Politics Among Nations.— N. Y., 1963, p. 106.
- ²⁸ *Solomon R. H.* East Asia and the Great Power Coalitions.— Foreign Affairs, 1982, vol. 60, N 3, p. 718.
- ²⁹ *Cottam R. W.* Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study.— Pittsburgh, 1977, p. 31.
- ³⁰ *Lake A.* Defining the National Interest.— In: National Security and Nuclear Strategy. N. Y., 1983, p. 25.
- ³¹ *Ibid.*, p. 24.
- ³² U. S. News and World Report, 1981, Sept. 28, p. 58.
- ³³ The New York Times, 1981, Sept. 16, p. B9.
- ³⁴ *Steinfels P.* The Neoconservatives: The Men Who Are Changing America's Politics.— N. Y., 1979, p. 49-69.
- ³⁵ Time, 1981, Sept. 21, p. 43-44.
- ³⁶ The New York Times, 1982, Febr. 25, p. A31.

- ³⁷ *Шурыгин В.* Философия разбоя.— Правда, 1983, 24 февр.
- ³⁸ *Child J.* Strategic Concepts of Latin America: An Update.— Inter-American Economic Affairs, 1980, p. 61-62; *Chace J.* Solvency: The Price of Survival. An Essay on American Foreign Policy.— N. Y., 1981; *Aron R.* Ideology in Search of a Policy.— Foreign Affairs, 1982, vol. 60, N 3, p. 503-523.
- ³⁹ *Halperin M.* Bureaucratic Politics and Foreign Policy.— Wash., 1974, p. 17; *Perlmutter A.* The Presidential Political Center and Foreign Policy: A Critique of the Revisionist and Bureaucratic-Political Orientations.— World Politics, 1974, Oct., p. 87-106; *Rosati J. A.* Developing a Systematic Decision-Making Framework: Bureaucratic Politics in Perspective.— World Politics, 1981, Jan., p. 234-252.

Глава II

- ¹ *Bell B.* Transnational Terror.— Stanford (CA), 1975; International Terrorism and Political Crimes.— Chicago, 1975, p. 6.
- ² International Terrorism and World Security.— L., 1975, p. 54-55.
- ³ *Трайнин А. Н.* Защита мира и уголовный закон: Избр. произведения.— М., 1969, с. 42.
- ⁴ Курс международного права.— М., 1969, т. 5, с. 430.
- ⁵ *Ляхов Е. Г.* Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом.— М., 1979, с. 85-86.
- ⁶ Behavioral and Quantitative Perspectives on Terrorism. Ed. by Yonah Alexander and John M. Gleason.— N. Y., 1981; *Wilkinson P.* Terrorism and the Liberal State.— L., 1977; The Terrorist Reader.— N. Y., 1978; Contemporary Terror: Studies in Sub-State Violence.— L., 1981.
- ⁷ *Smith C. Carlos:* Portrait of a Terrorist.— N. Y., 1976; *Dobson Ch.* Black September: Its Short, Violent History.— N. Y., 1974; *Sterling C.* The Terrorist Network.— N. Y., 1981.
- ⁸ *Alon H.* Countering Palestinian Terrorism in Israel: Toward a Policy Analysis of Countermeasures.— Santa Monica, 1980; *Evans E.* A Truce to Terror: The American Response to International Terrorism.— Westport (CT), 1979; Terrorism: A Challenge to the State.— Oxford, 1981; *Kupperman R. H., Trent D.* Terrorism: Threat, Reality, Response.— Stanford (CA), 1979; Terrorism: Theory and Practice.— Boulder (CO), 1979; *Farrell W. R.* The U. S. Government Response to Terrorism: In Search of an Effective Strategy.— Boulder (CO), 1982.
- ⁹ *Amos II J. M., Stolfi R. H. S.* Controlling International Terrorism: Alternatives Palatable and Unpalatable.— The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1982, Sept., p. 70.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 183.
- ¹¹ Там же, т. 7, с. 251.
- ¹² Известия Всероссийского Центрального Исполкома Советов, 1918, № 195, 10 сент.
- ¹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 186, 187.
- ¹⁴ Там же, т. 37, с. 248.
- ¹⁵ Там же, т. 27, с. 390.
- ¹⁶ *Galbraith J. K.* Economics and the Public Purpose.— Boston, 1973, p. 39.

- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Shadid M. K. The United States and the Palestinians.— L., 1981.
- ²⁰ Nossiter B. D. Questioning the Value of the United Nations.— The New York Times Magazine, 1982, Apr. 11, Sect. 6, p. 18.
- ²¹ Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards.— Commentary, 1979, Nov., p. 34-45.
- ²² Nossiter B. D. Op. cit., p. 18.
- ²³ Commentary, 1981, Nov., p. 44.
- ²⁴ Glazer N. American Values and American Foreign Policy.— Commentary, 1976, Jul.
- ²⁵ Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levison D. J., Sanford R. N. The Authoritarian Personality.— N. Y., 1969, p. 228.
- ²⁶ Красин Ю. А. Ленинская теория социалистической революции и буржуазные критики.— В кн.: Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970, с. 54.
- ²⁷ Commentary, 1981, Nov., p. 29, 30.
- ²⁸ Ibid., p. 31.
- ²⁹ Ibid., p. 41.
- ³⁰ Financial Mail, 1982, Sept. 3, p. 1119.
- ³¹ Шурьгин В. Указ. соч.
- ³² Schulz R. Conceptualizing Political Terrorism: A Typology.— Journal of International Affairs, 1978, Spring/Summer, p. 4-8; Taylor R. W., Vanden H. E. Defining Terrorism in El Salvador: La Matanza.— The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1982, Sept., p. 107.
- ³³ Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D., Jr. Op. cit., p. 25.
- ³⁴ Devine Ph. E., Rafalko R. J. On Terror.— The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1982, Sept., p. 40.
- ³⁵ International Affairs (L.), 1981, p. 467.
- ³⁶ Jenkins B. M. Op. cit., p. 13; Devine Ph. E., Rafalko R. J. Op. cit., p. 40; Friedland E. A. South Africa and Instability in Southern Africa.— The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1982, Sept., p. 95-103.
- ³⁷ Webster Universal Dictionary.— N. Y., 1975, p. 1541.
- ³⁸ Devine Ph. E., Rafalko R. J. Op. cit., p. 42, 44.
- ³⁹ Jenkins B. M. Op. cit., p. 12-13.
- ⁴⁰ The Impact of International Terrorism. Address by Frank H. Perez, Acting Director of the Office for Combatting Terrorism, before the Conference on Violence and Leadership Response, Baltimore, 29 Oct. 1981.—Current Policy, N 340.
- ⁴¹ Hutohinson M. C. Revolutionary Terrorism. Stanford, (CA): Hoover Institution Press, 1978, p. 15-26; Jenkins B. M. The Study of Terrorism: Definitional Problems.— Santa Monica (CA), 1980, p. 1-17.
- ⁴² Taylor R. W., Vanden H. E. Op. cit., p. 115.
- ⁴³ Rand Daily Mail, 1983, Jun. 29.
- ⁴⁴ Webster Universal Dictionary, p. 1541.
- ⁴⁵ Waciorski J. Le Terrorism Politique.— Paris, 1939, p. 71.
- ⁴⁶ Блищенко И. П., Жданов Н. В. Международно-правовая борьба с терроризмом.— Правоведение, 1975, № 1; Гален-

ская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью.— Л., 1978; Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве.— М., 1966; Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом.— М., 1979; Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества.— М., 1967; Терехов В. Д. Международный терроризм и борьба с ним.— Новое время, 1974, № 11; Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества.— М., 1956.

- ⁴⁷ Ляхов Е. Г. Указ. соч., с. 65-66.
- ⁴⁸ International Terrorism and World Security, p. 14; A Treatise on International Criminal Law. Illinois, 1973, p. 491; Journal of Palestine Studies, vol. 4, 1975, N 2, p. 36.
- ⁴⁹ Ким Г. Советский Союз и национально-освободительное движение.— МЭ и МО, 1982, № 9, с. 31.
- ⁵⁰ Snitch Th. H. Op. cit., p. 64.
- ⁵¹ Jenkins B. M. Statements about Terrorism, p. 4; Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D., Jr. Op. cit., p. 26; Snitch Th. H. Op. cit., p. 64.
- ⁵² Jenkins B. M. Statements about Terrorism, p. 16.
- ⁵³ Snitch Th. H. Op. cit., p. 65.
- ⁵⁴ Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D., Jr. Op. cit., p. 33.
- ⁵⁵ Snitch Th. H. Op. cit., p. 63, 66.
- ⁵⁶ Fromkin D. The Strategy of Terrorism.— Foreign Affairs, 1975, vol. 53, p. 697.
- ⁵⁷ Геевский И., Смелов В. США: тайная война против инакомыслящих: Документальные очерки.— М., 1978.
- ⁵⁸ The New York Times, 1981, Dec. 5, p. 19.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Turner S., Thibault G. Intelligence: The Right Rules.— Foreign Policy, Fall 1982, p. 137.
- ⁶¹ Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D., Jr. Op. cit., p. 26-27.
- ⁶² Большаков В. Следы ведут в Лэнгли.— Правда, 1983, 5 янв.
- ⁶³ См.: Сергеев Ф. Если сорвать маску...— М., 1983.
- ⁶⁴ Eveland W. C. Ropes of Sand: America's Failure in the Middle East.— N. Y., 1980.
- ⁶⁵ Etzold Th. H. Defense or Delusion? America's Military in the 1980s.— N. Y., 1982.
- ⁶⁶ Kupperman R. H., Opstal D. van, Williamson D., Jr. Op. cit., p. 27.
- ⁶⁷ Ibid., p. 38.
- ⁶⁸ The Spy Bill Wrapped in the Flag.— The New York Times, 1982, Mar. 4, p. A22.
- ⁶⁹ Terrorism. An International Journal. (N. Y.). Edited by Yonah Alexander.
- ⁷⁰ Ветеран ЦРУ Рэй Клайн и Йона Александр читают, например, курсы по «контртерроризму» в ЦСМИ.
- ⁷¹ A/S-12/PV.10, 16 June 1982, p. 21.

Глава III

- 1 The New York Times, 1982, Mar. 4, p. A10.
- 2 Hastings M. Bomber Command.—N. Y., 1979, p. 47-49.
- 3 U. S. News and World Report, 1982, Sept. 20, p. 61.
- 4 Ibid., p. 62.
- 5 Gervasi T. Arsenal of Democracy II. American Military Power in the 1980's and the Origins of the New Cold War.—N. Y., 1981, p. 9.
- 6 Лебедева И. Е. Интервенционистские «силы быстрого развертывания» США.—США: экономика, политика, идеология, 1983, № 1, с. 107.
- 7 The Times, (L.), 1981, Mar. 5.
- 8 A/36/PV.79, 1981, Dec. 3, p. 8.
- 9 The Defense Monitor (Wash.), 1982, vol. XI, N 3, p. 9.
- 10 A/S-12/PV. 10, 1982, Jun. 16, p. 22.
- 11 The Defense Monitor, 1982, vol. XI, N 3, p. 1.
- 12 Shackley Th. The Third Opinion. An American View of Counterinsurgency Operations.—N. Y., 1981, p. 163.
- 13 U. S. News and World Report, 1982, Dec. 27/1983, Jan. 3, p. 47.
- 14 The Situation in El Salvador. Hearings before the Senate Foreign Relations Committee, March 18 and April 19, 1981.—Wash. D. C.: G. P. O., 1981.
- 15 Асеевский А. Кто организует и направляет международный терроризм. Из послужного списка ЦРУ.—М., 1982; Грязная работа ЦРУ в Африке: Сб. матер. / Сост. Э. Рей, У. Шаап, К. Метер и Л. Вулф.—М., 1983; Грязная работа ЦРУ в Западной Европе: Сб. матер. / Сост. Ф. Эйджи и Л. Вулф.—Мн., 1983; Кассис В., Колосов Л. Терроризм без маски.—М., 1983; Международный терроризм и ЦРУ: Документы, свидетельства, факты.—Мн., 1983; Сергеев Ф. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть.—М., 1983.
- 16 Banford J. The Puzzle Palace.—Boston, 1982.
- 17 Newsweek, 1982, Sept. 6, p. 20.
- 18 Proceso, 1982, May 24.
- 19 Southern Africa, 1981, Jul.-Aug., p. 13.
- 20 Курдюмов Н. Бум в шпионском ведомстве США.—Правда, 1983, 26 янв.
- 21 Eisenhower M. The Wine Is Bitter.—N. Y., 1963, p. 78.
- 22 Cook B. W. The Declassified Eisenhower. A Divided Legacy.—Garden City, N. Y., 1981, p. 218, 292.
- 23 Shackley Th. Op. cit., p. 115; см. также: Барнет В., Робек Д. Солдаты на продажу.—М., 1979.
- 24 Ляхов Е. Г. Указ. соч., с. 57.
- 25 Резолюции ГА ООН: 2395 (XXIII) от 29 ноября 1968 г., 2465 (XXIII) от 20 декабря 1968 г., 2548 (XXIV) от 11 декабря 1969 г., 2708 (XXV) от 14 декабря 1970 г., 3103 (XXVIII) от 12 декабря 1973 г., а также резолюции Совета Безопасности: 405 (1977) от 14 апреля 1977 г., 419 (1977) от 24 ноября 1977 г., 496 (1981) от 15 декабря 1981 г., 507 (1982) от 28 мая 1982 г.
- 26 Сов. гос-во и право, 1952, № 3, с. 34.

Глава IV

- 1 Большаков В. Тайная армия Вашингтона.—Правда, 1983, 7 сент.
- 2 The Nation, 1983 (vol. 237, N 4), Aug. 6-13, p. 100.
- 3 Лит. газ., 1982, 10 нояб.
- 4 Лэндис Фред. ЦРУ ведет психологическую войну (анализ событий в Чили, на Ямайке и в Никарагуа).—США: экономика, политика, идеология, 1983, № 1, с. 68—69.
- 5 The Christian Science Monitor, 1982, Dec. 6, p. 16.
- 6 Сергеев Ф. Тайная война против Кубы.—М., 1982.
- 7 Evidence of Military Buildup in Nicaragua. The CIA-DIA Briefing.—Wash., 1982, Mar. 9.
- 8 Nacla Report on the Americas, 1982, Sept.-Oct., p. 5.
- 9 Washington Post, 1982, Mar. 10.
- 10 Hawes C. The CIA's Betrayal of the Miskitos.—Daily World, 1982, Mar. 25, p. 13.
- 11 Wheeler T. Reagan Tour for Subversion.—Daily World, 1982, Dec. 8, p. 3.
- 12 The New York Times, 1982, Dec. 10, p. A7.
- 13 Ibid., 1983, Jun 15, p. A8.
- 14 Country Reports on Human Rights Practices for 1981. The U. S. State Department Report.—Wash., 1982.
- 15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- 16 Там же, т. 23, с. 166.
- 17 The New York Times, 1983, Jun. 27, p. A7.
- 18 Правда, 1982, 21 апр.
- 19 Time, 1981, Sept. 14, p. 47.
- 20 South, 1980, Jul., p. 24.
- 21 Ibid., 1982, Oct., p. 16.
- 22 Nacla Report on the Americas, 1982, Sept.-Oct., p. 10.
- 23 Daily World, 1982, Oct. 13, p. 5.
- 24 Foreign Policy, Fall 1982, p. 161.
- 25 Ibid., p. 162, 169.
- 26 Montgomery T. S. Revolution in El Salvador.—Boulder (CO), 1982.
- 27 Armstrong R., Shenk J. El Salvador: The Faces of Revolution.—Boston, 1982, p. 6-7.
- 28 The Nation, 1983, Oct. 6, p. 292.
- 29 The New York Times, 1982, Mar. 4, p. A14.
- 30 Лит. газ., 1982, 29 сент., с. 9.

Глава V

- 1 Ульяновский Р. Ограбление под маской «взаимозависимости», с. 77.
- 2 Громыко А. А. Основные черты вывоза капитала США в современных условиях.—МЭиМО, 1983, № 4, с. 32.
- 3 South, Aug. 1983.
- 4 Карагодин Н. Социально-экономические последствия деятельности ТНК в развивающихся странах.—МЭиМО, 1981, № 7, с. 69.
- 5 Смыслов Д. Особенности межимпериалистических противоречий на современном этапе.—МЭиМО, 1982, № 7, с. 36.

⁶ *Примаков Е. М.* Восток после краха колониальной системы.— М., 1982, с. 51, 47.

⁷ *Кременюк В. А.* США: борьба против национально-освободительного движения: История и современность.— М., 1983, с. 180.

⁸ *Иванов И. Д.* Международные монополии во внешней политике империализма.— М., 1981, с. 90—91.

⁹ Nacla Report on the Americas, 1982, Sept.-Oct., p. 7.

¹⁰ *Кальман А.* Израиль и ЮАР против освободительного движения народов Африки.— В кн.: Сговор против африканских народов. М., 1983, с. 77.

¹¹ Foreign Report (L.), 1982, Sept. 23, p. 3.

¹² Ibid., p. 4.

¹³ *Cockburn A.* International Terrorism and Double Standards.— The Wall Street Journal, 1982, Apr. 15, p. 27.

¹⁴ South African Digest, 1981, Jan. 23, p. 21.

¹⁵ Ibid., 1981, Jan. 23, p. 21.

¹⁶ Rand Daily Mail, 1967, May 18.

¹⁷ *Spence J. E.* South Africa: Reform Versus Reaction.— The World Today, 1981, Dec., p. 456.

¹⁸ *Henriksen Th. H.* Mozambique: The Enemy Within.— Current History, 1982, Mar., p. 113.

¹⁹ Financial Mail, 1982, Sept. 17, p. 1356-1357.

²⁰ The Sunday Times, 1981, Jul. 19.

²¹ The Washington Post, 1980, Jan. 20.

²² Third World Diplomacy, Winter 1982, p. 55-56.

²³ Article I of the International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid; A/35/93. (Part I), 1980, Nov. 26, p. 61; A/35/PV.98, 1980, Dec. 19, p. 88-90.

²⁴ Newsweek, 1982, Sept. 6, p. 36.

²⁵ The Nation, 1981, Oct. 24, p. 398.

²⁶ A/37/532, 1982; Oct. 11.

²⁷ United Nations Council for Namibia: Report of the Delegation of the Council to the Seminar on the Military Situation in and Relating to Namibia, Held at Vienna from 8 to 11 June, 1982. A/AC.131/L.268, 1982, Nov. 9, p. 8.

²⁸ Daily World, 1982, Jun. 11, p. 7.

²⁹ The Nation, 1982, Nov. 6, p. 454.

³⁰ Africa Research Bulletin: Political, Social and Cultural Series, Nov. 1978; Jan. 1980; Aug. 1980; May 1981; *Mickolus E. F.* Transnational Terrorism: A Chronology of Events, 1968-1979.— L., 1980, p. 598, 761, 885.

³¹ The New York Times, 1982, Nov. 3.

³² *Klein B.* Bank Loans to South Africa, 1979-MID 1982.— Notes and Documents, N. Y., Oct. 1982, p. 6.

³³ *Смит С.* Американский неоколониализм в Африке /Пер. с англ.— М., 1975, с. 67-68.

³⁴ *Черкасова И. В.* Внешнеэкономические связи ЮАР.— М., 1977, с. 121.

³⁵ The Wall Street Journal, 1982, Sept. 21.

³⁶ Perceptions: Relations Between the United States and the Soviet Union. US Senate Committee on Foreign Relations.— Wash. D. C., G. P. O., 1979, p. 258.

³⁷ *Грэмько Анат.* Конфликт на юге Африки: Международный аспект.— М., 1979, с. 63.

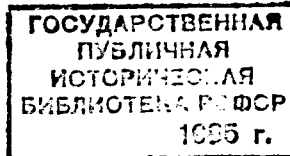
Заключение

¹ *Halliday F.* Along the «Arc of Instability».— The Nation, 1982, Apr. 10, p. 421.

² Правда, 1981, 23 сент.

³ Sechaba, 1981, Apr., p. 1.

⁴ *Громько А. А.* Экспансия капитала и современный этап общего кризиса капитализма.— МЭиМО, 1982, № 12, с. 15—16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Кампания борьбы с «международным терроризмом» в стратегии современного неоколониализма	7
Глава II. Источники международного терроризма	35
Глава III. Военно-политический неоколониализм: методы и средства	69
Глава IV. Подрывные действия против прогрессивных режимов и поддержка реакционных диктатур	90
Глава V. Использование «субимпериалистических центров» для подавления национально-освободительного движения	111
Заключение	137
Литература	149

Байчоров А. М.

Б 18 Неоколониализм и международный терроризм.— Мн.: Изд-во «Университетское», 1985.— 158 с.

1 р. 30 к.

Книга посвящена важнейшим вопросам современной международной политики. Автор на богатом фактическом материале показывает неоколониалистскую деятельность империализма в развивающихся странах, его стремление подавить национально-освободительное движение народов за свою свободу и независимость.

Расчитана на научных работников, преподавателей, пропагандистов и слушателей системы партийного просвещения.

080400000—003
Б М317—85 15—85

ББК 66.5